

INSPIRIA

ДАЙЗА ДЖУЭЛЛ

Один дом
Две семьи
Три тела

ОПАСНЫЕ СОСЕДИ

«Захватывающее,
атмосферное,
увлекательное
чтение»

Меган Миранда

 INSPIRIA

Annotation

Гипнотизирующий, мрачный и совершенно гениальный роман от признанного британского автора Лайзы Джуэлл.

Роман попал в список бестселлеров авторитетного издания Publishers Weekly и был отмечен критиками как «динамичный и загадочный».

Лайза Джуэлл — один из самых известных авторов Великобритании. Ее произведения — признанные бестселлеры, в которых органично сочетаются лучшие качества романтической, психологической и городской прозы, написанной с присущим англичанам тонким юмором и умением закрутить сюжет не хуже Агаты Кристи.

«Смерть светской львицы и ее мужа в результате группового самоубийства. Дети-подростки пропали без вести. Маленький ребенок найден живым. Боже правый, что произошло?» — такой загадкой открывается новый психологический роман Лайзы Джуэлл, одной из известнейших писательниц Великобритании.

«Захватывающее, атмосферное произведение, от которого невозможно оторваться». — Меган Миранда, автор бестселлера «Фрагменты прошлого»

«У Джуэлл отличный темп повествования. История поражает сюжетными витками и ложными ходами, которые только разогревают интерес». — Booklist

«Леденящий душу отличный психологический роман». — Washington Post

«Увлекательно и непредсказуемо — до последней страницы!» — Bustle

-
- [Лайза Джуэлл](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [Часть вторая](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)

- [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [Часть третья](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [От автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Лайза Джуэлл

Опасные соседи

*Эта книга с любовью и благодарностью
посвящается моим читателям*

Lisa Jewell
The Family Upstairs

* * *

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Lisa Jewell 2019

© Бушуева Т., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

* * *

Я бы покривил душой, возьмись я утверждать, что до их появления мое детство было нормальным. Оно было весьма далеким от нормы, но казалось нормальным, потому что другого я просто не

знал. Лишь теперь, спустя несколько десятилетий, оглядываясь назад, в прошлое, я могу сказать, насколько необычным оно было.

Когда они появились, мне было почти одиннадцать, а моей сестре — девять.

Они прожили с нами больше пяти лет и превратили наш дом в кромешный ад. Нам с сестрой пришлось учиться выживанию. А когда мне исполнилось шестнадцать, а моей сестре четырнадцать, появился еще и ребенок.

Часть первая

Либби поднимает с коврика письмо и вертит его в руках. Это явно что-то официальное: конверт кремового цвета, из плотной дорогой бумаги, внутри прощупывается слой папиросной. Почтовый штемпель гласит: «Адвокаты Смиткин, Радд и Ройл, Челси-Мэнор-стрит, Юго-Западный Лондон».

Либби относит письмо на кухню и кладет его на стол, затем наполняет чайник и опускает в кружку чайный пакетик. Она почти уверена, что именно содержится в этом конверте. В прошлом месяце ей исполнилось двадцать пять. Она подсознательно ждала, когда оно придет. И вот теперь письмо здесь, и она не уверена, что найдет в себе силы открыть его.

Она поднимает трубку и звонит матери.

— Мам, — говорит она. — Оно пришло. Письмо от попечителей.

Она слышит молчание на другом конце линии. Она представляет себе мать на ее кухне, за тысячу миль, в Дении^[1]: девственно белая мебель, ярко-зеленая кухонная утварь, раздвижные стеклянные двери, выходящие на небольшую террасу с видом на далекое Средиземное море. Вот она стоит, прижимая к уху телефон в поблескивающем стразами корпусе, который она называет своей *дорогой побрякушкой*.

— Да, — говорит она. — Понятно. Господи. Ты уже открыла его?

— Нет. Еще нет. Сначала я выпью чашку чая.

— Понятно, — повторяет она и тут же добавляет: — Мне оставаться на линии? Подождать, пока ты его вскрыешь?

— Да, оставайся, — говорит Либби. — Пожалуйста.

У нее слегка перехватывает дыхание. Такое иногда случается с ней, когда на работе она собирается сделать презентацию продаж, или как если бы она только что выпила крепкого кофе. Она вытаскивает чайный пакетик из кружки и садится. Пальцы машинально поглаживают угол конверта. Она вздыхает.

— Хорошо, — сообщает она матери. — Я вскрываю его. Причем прямо сейчас.

Мать знает, что в этом конверте. Или, по крайней мере, у нее есть догадка, хотя ей никогда не сообщали официально, что это. Как она

всегда говорила, это может быть чайник и купюра в десять фунтов.

Либби прочищает горло и, проведя пальцем под клапаном конверта, вытаскивает лист толстой кремовой бумаги и быстро пробегает глазами текст:

«Кому: Мисс Либби Луизе Джонс.

Как доверительный собственник недвижимого имущества Генри и Мартины Лэм, зарегистрированного 12 июля 1977 года, я готов передать его вам, как то записано в приложении к настоящему документу...»

Она откладывает сопроводительное письмо и вытаскивает сопутствующие документы.

— Ну что там? — спрашивает мать, затаив дыхание.

— Еще читаю, — говорит Либби в трубку.

Она скользит глазами по строчкам, и ее взгляд привлекает название объекта. Дом номер шестнадцать, Чейн-Уолк, Юго-Западный Лондон. Скорее всего, это дом ее ныне покойных биологических родителей. Они жили в нем на тот момент, когда умерли. Ей известно, что это в Челси. А также что это был большой дом. Она привыкла думать, что его давно уже нет. Что он заколочен досками. Продан. До нее доходит, что именно она только что прочла, и у нее перехватывает дыхание.

— Э-э-э... — произносит она.

— Что такое?

— Похоже, что... Нет, этого просто не может быть!

— Что?!

— Дом. Они оставили мне дом.

— Дом в Челси?

— Да, — говорит она.

— Весь дом?

— Похоже на то. Вот сопроводительное письмо, и в нем говорится что-то про то, что никто из других законных наследников не дал о себе знать. — Либби пытается переварить эту новость и не может.

— О господи. Я хочу сказать, он стоит никак не меньше...

Либби надрывно вздыхает и смотрит на потолок.

— Это наверняка ошибка, — говорит она. — Этого просто не может быть.

— Сходи и проконсультируйся с адвокатами, — говорит мать. — Позвони им. Запишись на прием. Убедись, что это не ошибка.

— Но что, если это действительно не ошибка? Что, если это правда?

— В таком случае, мой ангел, — говорит мать, и Либби на расстоянии многих миль слышит ее улыбку, — ты будешь очень богатой женщиной.

Либби завершает разговор и обводит взглядом кухню.

Пять минут назад это была единственная кухня, какую она могла себе позволить, а эта квартира — единственной, какую она могла купить, здесь, на тихой улочке с рядами красных кирпичных домов в захолустном Сент-Олбансе. Она вспоминает квартиры и дома, которые попадались ей на глаза во время поисков в интернете, и свои собственные грустные вздохи, когда ее глазу представало очередное идеальное место: терраса для солнечных ванн, просторная кухня-столовая, пять минут ходьбы до станции, старинное выпуклое окно в свинцовой раме, навевающее мысль о церковных колоколах на другой стороне городской площади, после чего она, посмотрев на цену, чувствовала себя полной дурой. Ведь только полная дура способна подумать, что такое может быть ей по карману.

В конце концов она была вынуждена отказаться от всех своих тайных желаний, лишь бы найти место, которое было бы не слишком далеко от ее работы и как можно ближе к железнодорожной станции. Когда она шагнула через порог, в ней ничего не шевельнулось, ее сердце ничего не подсказало ей, пока агент по торговле недвижимостью показывал ей крохотную квартирку. Но она превратила ее в свой дом, которым могла гордиться, кропотливо покупая все лучшее, что мог предложить интернет-магазин ТК Махх, и теперь, несмотря на скверную планировку, ее тесная квартирка с одной спальней доставляет ей радость. Она купила ее сама, и обставила, как могла.

И она принадлежит ей.

И вот теперь, похоже, она стала владелицей дома на самой красивой улице в Челси, и ее квартирка внезапно кажется ей некой нелепой шуткой, как и все остальное, что было важно для нее еще пять минут назад — повышение зарплаты на 1500 фунтов в год, которого она удостоилась, уик-энд с подружками в Барселоне в следующем

месяце, на который ей пришлось копить полгода, тени для век Мас, которые она позволила себе купить в прошлые выходные в качестве подарка себе любимой по случаю повышению зарплаты; легкая дрожь при мысли о том, что ради гламурного, сладко пахнущего момента в универмаге «Хаус оф Фрезер», ради невесомого пакетика с надписью MAS Cosmetics в руке, ради приятного волнения, когда она положила маленькую черную капсулу в косметичку, ради осознания того, что теперь эта капсула принадлежит ей и она сможет воспользоваться ею в Барселоне, где она могла бы также надеть подаренное матерью на Рождество платье, платье от French Connection с кружевными вставками, о каком она мечтала целую вечность, — она нарушила святую заповедь: никогда не выходить за рамки строго соблюдаемого ежемесячного бюджета.

Еще пять минут назад ее радости жизни были маленькими, скромными, долгожданными, заработанными трудом и бережливостью, мелкие радости, которые по большому счету ничего не значат, но они придавали ровной поверхности ее жизни яркие искорки, ради которых каждое утро стоило вставать с постели, чтобы отправиться на работу, которая ее в принципе устраивала, но которую она не любила.

И вот теперь у нее есть дом в Челси, и рамки ее бытия разбились вдребезги.

Она кладет письмо обратно в дорогой конверт и допивает чай.

Над «Кафе д'Азюр» собирается гроза, на горизонте все уже стало багрово-синим, тяжелые тучи буквально давят на голову Люси. Одной рукой она сжимает виски, другой забирает у дочери пустую тарелку и ставит ее на пол, чтобы собака могла слизать капли соуса и крошки куриных волокон.

— Марко, — говорит она сыну, — доедай свою порцию.

— Я не голоден, — отвечает тот.

В висках Люси пульсирует бессильная ярость. Гроза между тем все ближе. Она чувствует липкую влажность, остывающую в горячем воздухе.

— Это все, — говорит она, стараясь не сорваться на крик. — Это все, что у нас есть сегодня из еды. Денег больше нет. Они закончились. Так что не говори мне перед сном, что ты проголодался. Тогда будет слишком поздно. Ешь сейчас. Пожалуйста. Прошу тебя.

Марко страдальчески качает головой и отрезает кусочек куриного шницеля. Она смотрит на его голову с двумя макушками, на его густые кудрявые каштановые волосы. Она пытается вспомнить, когда они все последний раз мыли голову, и не может.

— Мама, можно мне десерт? — спрашивает Стелла.

Люси смотрит на нее сверху вниз. Стелле пять лет, и она — лучшая ошибка, какую Люси совершила в своей жизни. Сейчас следует сказать «нет». Она так строга с Марко и не должна потакать его сестре. Но Стелла такая славная, такая уступчивая и доверчивая. Как можно отказать ей в сладком?

— Если Марко доест свой шницель, — невозмутимо говорит Люси, — то мы закажем мороженое и поделим его на всех.

Это явно несправедливо по отношению к Стелле — та закончила есть свою порцию десять минут назад и не обязана ждать, пока ее брат закончит свою. Но чувство несправедливости Стелле, похоже, еще неведомо. Она послушно кивает и говорит:

— Быстрее доедай, Марко!

Как только Марко заканчивает, Люси берет у него тарелку и ставит ее на тротуар, чтобы собака доела крошки. Приносят

мороженое. Три шарика разного вкуса в стеклянной вазочке, политые горячим шоколадом, посыпанные измельченным пралине и украшенные пальмой из розовой фольги на коктейльной палочке.

Голова Люси снова пульсирует от боли, и она смотрит на горизонт. Им нужно найти крышу над головой, и как можно скорее.

Она просит принести счет, кладет карточку на блюдце и, затаив дыхание от недоброго предчувствия, что на этом счете, возможно, нет денег, что денег нет нигде, вводит в считывающее устройство терминала код.

Она ждет, пока Стелла оближет стеклянную вазочку, затем отвязывает от ножки стола поводок собаки и собирает сумки; две из них она вручает Марко и одну — Стелле.

— Куда мы пойдём? — деловито спрашивает Марко. Его карие глаза серьезны, во взгляде сквозит тревога.

Она вздыхает и смотрит на улицу, ведущую к старому кварталу Ниццы, затем в другую сторону — в сторону моря. Она смотрит даже на пса, как будто тот может предложить нечто разумное. Пес глядит на нее с нетерпением, как будто его ждет еще одна тарелка, которую он мог бы вылизать. Осталось только одно место, куда они могут пойти, и ей меньше всего туда хочется. Но Люси заставляет себя улыбнуться.

— Я знаю, — говорит она, — давайте пойдём проведаем бабулю!

Марко издает стон. Стелла колеблется. Оба прекрасно помнят, как в прошлый раз они гостили у бабушки Стеллы. Когда-то Самия была кинозвездой в Алжире. Сейчас ей семьдесят лет, она слепа на один глаз и живет в тесной, грязной квартирке на седьмом этаже многоквартирного дома в Л'Ариане со своей взрослой дочерью-инвалидом. Ее муж умер, когда ей было всего пятьдесят пять, а ее единственный сын, отец Стеллы, исчез три года назад, и с тех пор о нем больше ни слуху ни духу. Самия очень злая, и у нее имеются на то причины. Зато у нее есть крыша и пол, у нее есть подушки и вода. У нее есть все, чего сама Люси в данный момент не может предложить своим детям.

— Только на одну ночь, — говорит она. — Только сегодня вечером, а потом я что-нибудь придумаю на завтра. Обещаю.

Они успевают дойти до дома Самии в тот момент, когда начинается дождь: крошечные водяные бомбы взрываются на горячей пыли тротуара.

В размалеванном граффити лифте по пути на седьмой этаж Люси чувствует, как они пахнут: сырой душок нестиранной одежды, невымытых жирных волос, кроссовок, которые слишком долго не снимали с ног. Особенно ужасно воняет пес, с его густой жесткой шерстью.

— Я не могу, — прямо с порога заявляет Самия, преграждая им вход. — Я просто не могу. Мази больна. Сегодня сиделке придется заночевать у нас. Здесь нет места. Здесь просто нет места.

Над головой грохочет раскат грома. Небо у них за спиной становится ослепительно-белым. Дождь обрушивается плотной стеной. Люси отчаянно смотрит на Самию.

— Нам больше некуда пойти, — говорит она.

— Я знаю, — говорит Самия. — Знаю. Я могу взять Стеллу. Но ты, мальчик и собака... извини. Вам придется поискать другое место.

Люси чувствует, как Стелла прижимается к ее ноге. По тельцу девочки пробегает дрожь тревоги.

— Я хочу с тобой, — шепчет она Люси. — Я не хочу оставаться здесь без тебя.

Люси опускается на корточки и берет Стеллу за руки. Глаза девочки зеленые, как у ее отца, в темных волосах кое-где виднеются рыжеватые прядки, лицо загорелое, темно-коричневое от долгого жаркого лета. Красивый ребенок. Иногда люди подходят к Люси на улице, чтобы с легким вздохом сказать ей об этом.

— Детка, — говорит она. — Тебя здесь не намочит дождь. Ты сможешь принять душ, и бабушка почитает тебе на ночь сказку.

Самия кивает.

— Я прочитаю тебе ту самую сказку, которая тебе так нравится, — говорит она. — Сказку о луне.

Стелла еще крепче прижимается к матери. Терпение Люси на исходе. Она бы отдала все на свете за возможность спать в постели Самии, принять душ и надеть чистую пижаму и чтобы кто-то почитал ей книгу о луне.

— Всего на одну ночь, детка. Завтра утром я приду сюда и заберу тебя. Договорились?

Она чувствует, как подрагивает голова Стеллы, уткнувшейся ей в плечо, слышит, как дочка пытается сдержать слезы.

— Хорошо, мама, — соглашается Стелла. Люси вталкивает ее в квартиру Самии прежде, чем кто-либо из них успевает передумать. Теперь их трое — она, Марко и пес. Неся на спине свернутые коврики для йоги, они в сопровождении пса выходят под ливень, в темную ночь, совершенно не представляя, куда идти.

Какое-то время они укрываются от дождя под эстакадой транспортной развязки. От постоянного шуршания автомобильных шин по горячему мокрому асфальту закладывает уши. Дождь даже не думает стихать и все так же льет как из ведра.

Марко держит пса на коленях, уткнувшись лицом в собачью спину.

Затем поднимает голову и смотрит на мать.

— Почему наша жизнь такая дерьмовая? — спрашивает он.

— Ты сам знаешь, почему наша жизнь дерьмовая, — сердито отвечает она.

— Но почему ты не можешь с этим что-то сделать?

— Я пытаюсь, — отвечает она.

— Неправда. Ты опускаешься на дно.

— Я пытаюсь, — шипит она, со злостью глядя на сына. — Каждую минуту каждого дня.

Марко недоверчиво смотрит на нее. Он слишком умен и слишком хорошо знает свою мать. Люси вздыхает.

— Завтра я заберу скрипку. Я смогу снова зарабатывать деньги.

— А как ты заплатишь за ее ремонт? — спрашивает Марко, буравя ее взглядом.

— Я найду способ.

— Это какой же?

— Ну хорошо, я не знаю как. Не знаю. Но что-то придет. Так всегда бывает.

Потом она отворачивается от сына и смотрит на шоссе, на параллельные линии автомобильных фар. Над головой гремят раскаты грома, небо вновь озаряется вспышкой молний, дождь становится — если такое возможно — еще сильнее. Люси достает из наружного кармана рюкзака свой потертый смартфон и включает его. И видит, что осталось восемь процентов зарядки батареи. Она уже готова его отключить, как вдруг замечает, что телефон отправил ей

«напоминалку». Сообщению уже несколько недель, но она не может заставить себя стереть его.

Оно короткое: *малышке 25 лет.*

Меня, как и моего отца, зовут Генри. Это не раз служило причиной путаницы, но, так как моя мать называла моего отца *дорогой*, а моя сестра называла его *папой*, и почти все остальные называли его *мистер Лэм* или *сэр*, то в целом это нам не слишком мешало.

Мой отец был единственным наследником состояния его отца, заработанного на игровых автоматах. Я никогда не знал своего деда, он был очень стар, когда родился мой отец, но знаю, что он был родом из Блэпула, и его звали Гарри. Мой отец не работал ни единого дня в своей жизни, просто сидел и ждал, когда Гарри умрет, чтобы самому стать богатым и ничего не делать.

Он купил наш дом на Чейн-Уолк в Челси в тот же день, когда деньги приплыли ему в руки. Когда Гарри доживал свои последние дни, он всю «охотился» за недвижимостью. Он еще при жизни отца положил глаз на этот дом и несколько недель дрожал, что кто-нибудь другой купит его, прежде чем он сам сможет вступить в наследство.

Когда мой отец купил его, дом был пуст. Он потратил многие годы и тысячи фунтов, наполняя его тем, что он обычно называл предметами старины: обшитые панелями стены венчали лосиные головы, над дверными проемами крест-накрест висели мечи, за банкетным столом в средневековом стиле на шестнадцать персон стояли троны из красного дерева с витыми спинками, обшарпанные и изъеденные жуками-древоточцами, шкафы были полны пистолетов и длинных пастушьих кнутов. Добавьте к этому двадцатифутовый гобелен, зловещие портреты предков чужих людей, горы книг в кожаных переплетах с золотыми застежками, которые никто никогда не прочтет, и настоящую пушку в палисаднике. В нашем доме не было ни удобных кресел, ни уютных уголков. Все было из дерева, кожи, металла и стекла. Все было крепким и жестким. Особенно мой отец.

Он поднимал штангу в подвале нашего дома и пил «Гиннесс» из своего личного бочонка в своем личном баре.

Он носил костюмы ручной работы за 800 фунтов, сшитые в Мейфэре, которые едва налезали на его крепкую, мускулистую фигуру.

У него были волосы цвета старых бронзовых пенсов и красные руки с крепкими красными костяшками. Он водил «Ягуар». Он играл в гольф, хотя ненавидел его, потому что его тело не было предназначено для этой игры — он был слишком крепок и слишком упрям. По выходным он ездил на охоту: в субботу утром он уходил из дома в тесном твидовом пиджаке, неся чехол, полный ружей, а в воскресенье вечером возвращался домой с парой лесных голубей в переносном холодильнике. Однажды, когда мне было лет пять, он привел домой английского бульдога, которого купил у какого-то человека на улице, отдав за него несколько новеньких пятидесятифунтовых купюр, которые он носил свернутыми в трубочку в кармане пиджака. По его словам, пес напомнил ему самого себя. Затем бульдог нагадил на антикварный ковер, и отец поспешил от него избавиться.

Моя мать была редкой красавицей. Это не мои слова. Это слова моего отца.

Твоя мама — редкая красавица.

Она была наполовину немкой, наполовину турчанкой.

Ее звали Мартина. Она была на двенадцать лет младше моего отца, и в те годы, до того, как появились они, она была иконой стиля. Надев темные солнцезащитные очки, она отправлялась на Слоун-стрит тратить деньги моего отца на яркие шелковые шарфики, губную помаду в золотых патрончиках и терпкие французские духи. Ее иногда фотографировали, и на этих снимках у нее в руках были дорогие сумочки, а эти снимки печатали в гламурных журналах. Ее называли светской львицей. Но она не была ею на самом деле. Она ходила на гламурные вечеринки и носила красивую одежду, но дома она была просто нашей мамой. Не самой лучшей, но и не худшей, и, безусловно, чем-то мягким и нежным в нашем большом, украшенном мечами и мачете маскулинном особняке в Челси.

Когда-то у нее даже была работа — в течение года или около того она знакомила друг с другом важных людей из мира моды. Или, по крайней мере, так мне казалось. У нее в сумочке лежали серебристые визитки с ярко-розовой надписью «Мартина Лэм Ассошиэйтс». У нее был офис на Кингс-роуд, светлая комната в мансарде над магазином, со стеклянным столом, обтянутыми кожей креслами, телексом, вертикальными витринами для одежды из прозрачного пластика и вазой с белыми лилиями на постаменте. Во время школьных каникул

она брала нас с сестрой на работу и давала нам из свежей пачки листы невероятно белой бумаги и горсть разноцветных маркеров. Время от времени звонил телефон, и мама говорила: «Доброе утро, это „Мартина Лэм Ассошиэйтс“». Иногда жужжал домофон, и мы с сестрой боролись за право нажать кнопку и впустить посетителей. Посетителями обычно были визгливые, очень худые женщины, которые хотели говорить исключительно об одежде и известных людях. Штатных работников в офисе не было, только наша мама, но иногда ей помогла лупоглазая девушка-подросток, она была кем-то вроде практикантки. Я не в курсе, что случилось со всем этим. Знаю лишь то, что офиса в мансарде не стало, серебристые визитки куда-то подевались, и мама вновь стала домохозяйкой.

Мы с сестрой ходили в школу в Найтсбридже — возможно, в самую дорогую школу во всем Лондоне. Наш отец тогда не боялся тратить деньги. Он любил их тратить. Чем больше, тем лучше. Наша форма была дерьмового желто-коричневого цвета с брюками-бриджами для мальчиков. К счастью, к тому времени, когда я был уже достаточно взрослым, чтобы испытывать унижение от одежды, у моего отца не было денег, чтобы оплачивать наше обучение, не говоря уже о вельветовых бриджах из отдела школьной формы в универмаге «Хэрродс».

Все это произошло так медленно и в то же время так быстро — эта перемена в наших родителях, нашем доме, нашей жизни после того, как появились они. Но в тот самый первый вечер, когда Берди впервые оказалась на крыльце нашего дома с двумя большими чемоданами и кошкой в плетеной корзинке, мы не могли даже предположить, какое влияние она окажет на нас, каких людей она приведет в нашу жизнь и что все это закончится так, как закончилось.

Мы думали, что она приехала погостить на выходные.

Либби готова поклясться, что слышит шепот каждой секунды существования этой комнаты, что чувствует дыхание каждого человека, который когда-либо сидел там, где сейчас сидит она.

— С тысяча семьсот девяносто девятого года, — ответил мистер Ройл на ее предыдущий вопрос. — Одна из старейших юридических контор в столице.

Мистер Ройл смотрит на нее с другой стороны начищенного воском рабочего стола. На его губах мелькает легкая улыбка.

— Так, так, так. Вот это подарок на день рождения, не так ли? — говорит он.

Либби нервно улыбается.

— Мне до сих пор не верится, что это на самом деле так, — говорит она. — Я все еще жду, что кто-то скажет мне, что это просто большой розыгрыш.

Ее слова — «большой розыгрыш» — никак не вяжутся с этой почтенной и древней обстановкой. Надо было выразиться помягче. Но мистер Ройл, похоже, совсем не в обиде. По-прежнему улыбаясь, он наклоняется, подается вперед и протягивает Либби толстую стопку документов.

— Никакого розыгрыша, смею вас в этом заверить, мисс Джонс.

Вот, — говорит он, вытаскивая что-то из кипы бумаг. — Я колебался, не зная, стоит ли давать это вам сейчас. Или, возможно мне следовало отправить его вам по почте. Письмом. Я не знаю... это довольно неловкая ситуация. Оно лежало в папке, и я сохранил его на всякий случай, на тот случай, если вдруг возникнут сомнения. Но, похоже, все правильно. Так что берите. Я не знаю, что ваши приемные родители рассказали вам о ваших биологических родителей. Но, думаю, вам будет интересно это прочесть.

Она разворачивает газетную вырезку и разглаживает ее на столе.

в результате группового самоубийства.

Дети-подростки пропали без вести.

Маленький ребенок найден живым.

Вчера полицейские были вызваны в дом в Челси, принадлежавший бывшей светской львице Мартине Лэм и ее мужу Генри, после сообщения о возможном тройном самоубийстве. Полиция прибыла днем и обнаружила тела мистера и миссис Лэм, лежавшие рядом на полу кухни. Еще один мужчина, которого еще предстоит опознать, также был найден мертвым. В комнате на втором этаже обнаружен ребенок женского пола, предположительно десятимесячного возраста.

Ребенок передан органам опеки и, по имеющимся сведениям, пребывает в добром здравии. Соседи замечали, что в последние годы в доме было много детей. Поступили также многочисленные сообщения о других взрослых, якобы проживавших в этом доме, но никаких других обитателей обнаружено не было.

Причину смерти еще предстоит выяснить, но первые анализы крови указывают на то, что вышеназванное трио, по всей видимости, скончалось от яда.

48-летний Генри Лэм был единственным наследником имущества своего отца, мистера Гарри Лэма из Блэкпула, Ланкашир. В последние годы он страдал от плохого здоровья и, как говорили, был прикован к инвалидной коляске.

В настоящее время полиция занимается поисками сына и дочери этой супружеской пары, которым, предположительно, от четырнадцати до шестнадцати лет. Любому, кто располагает какой-либо информацией о местонахождении детей, предлагается в кратчайшие сроки связаться со столичной полицией. Все, кто в последние годы проживал с семьей в этом доме, также представляют для полиции большой интерес».

Либби в упор смотрит на мистера Ройла.

— То есть?.. То есть брошенный в доме ребенок — это я?

Адвокат кивает. Его глаза полны неподдельной печали.

— Да, — говорит он. — Такая трагическая история, не правда ли? И такая загадочная. Я имею в виду детей. Дом находился в доверительном управлении, и они тоже входили в число наследников, но никто из них не предъявил на дом права. Могу лишь предположить, что они... Впрочем, сейчас не об этом... — Он наклоняется вперед, хватается за галстук и вымученно улыбается. — Могу я предложить вам ручку?

Он пододвигает к ней круглую деревянную карандашницу в виде бочонка с дорогими на вид шариковыми ручками, и она берет одну из них. На ручке золотым шрифтом выгравировано название юридической фирмы.

Либби мгновение безучастно смотрит на нее.

Брат.

Сестра.

Групповое самоубийство.

Она едва заметно качает головой и, прочистив горло, произносит:
— Спасибо.

Ее пальцы крепко сжимают твердую ручку. Она с трудом вспоминает, как должна выглядеть ее подпись.

К краям страниц, которые она должна подписать, прикреплены липкие пластиковые стрелки, указывающие ей, где нужно поставит подпись. Скрип ручки по бумаге кажется ей почти мучительным. Мистер Ройл с доброжелательной улыбкой наблюдает за ней. Он отодвигает свою чашку на несколько дюймов, затем придвигает обратно.

Она подписывает страницы, и ее переполняет ощущение важности этого момента. Этот незримый поворот ее жизни переносит ее *отсюда туда*. По одну сторону этой стопки бумаг — экономные «путешествия» с тележкой между полок дешевого супермаркета «Лидл», неделя отпуска раз в году и одиннадцатилетний «Воксхолл Корса». По другую — ключи от дома с восемью спальнями в Челси.

— Хорошо, — говорит мистер Ройл едва ли не со вздохом облегчения, когда Либби передает ему документы. — Очень хорошо.

Он пролистывает бумаги, бросая взгляд на пространство рядом с пластиковыми стрелками, затем смотрит на Либби, улыбается и говорит:

— Все верно. Думаю, вы можете получить ключи.

С этими словами достает из ящика стола небольшой белый пакет. На этикетке надпись «Чейн-Уолк, 16».

Либби заглядывает внутрь. Три комплекта ключей. Один — с металлическим брелком, украшенным логотипом «Ягуара». Второй — с медным кольцом со встроенной зажигалкой. И еще один — без колечка.

Он встает из-за стола.

— Едем? — спрашивает он. — Или, если хотите, можем прогуляться. Это недалеко, тут, за углом.

Сегодня просто бесчеловечная жара. Раскаленная брусчатка прожигает подошвы парусиновых туфель; безжалостные лучи полуденного солнца пронзают тонкую пленку облаков. Они идут по улице, где полно ресторанов с накрытыми столиками — те стоят на специальных платформах и защищены от солнца огромными прямоугольными маркизами.

За столиками по двое или по трое сидят женщины в огромных солнцезащитных очках и пьют вино. Некоторые из них примерно одного с ней возраста; Либби непонятно, как они могут позволить себе сидеть и пить вино в шикарном ресторане в понедельник днем.

— Итак, — говорит, наконец, мистер Ройл, — сейчас вы увидите ваше новое жилище. Если, конечно, вы решите жить в этом доме.

Либби качает головой и издает нервный смешок. Она не знает, что сказать в ответ. Все это слишком глупо.

Они проходят мимо крошечных бутиков и антикварных лавок, до отказа забитых бронзовыми фигурками лис и медведей и огромными сверкающими люстрами размером с ванну. Вскоре они оказываются у реки, и Либби чувствует странный запах, похожий на запах мокрой псины. Широкие лодки скользят по воде, почти соприкасаясь бортами. Мимо проплывает лодка поменьше с очередной компанией богатых людей: шампанское в серебряном ведерке со льдом, на носу, подставив морду ветерку и щурясь от солнца, сидит золотистый ретривер.

— Вот мы и пришли, — говорит мистер Ройл. — Еще минутку или две.

Либби вся взмокла от пота и натерла ляжки. Наверное, зря она не надела вместо юбки шорты. Она чувствует, как ткань лифчика, там, где соединяются чашечки, впитывает стекающий пот. Судя по всему,

мистер Ройл, в его элегантном облегающем костюме и рубашке, также проклиная про себя сегодняшнюю адскую жару.

— Вот мы и пришли, — говорит он, поворачиваясь лицом к шеренге полудюжины домов красного кирпича, разной высоты и ширины. Либби сразу догадывается, который из них ее, еще до того, как замечает цифру шестнадцать, нарисованную причудливым шрифтом на веерообразном окне над дверью. Дом трехэтажный, фасад в четыре окна. Красивый дом. Но, как она и предполагала, окна заколочены. Дымоходы и водосточные желоба заросли сорняками. Не дом, а бельмо на глазу.

Но какое красивое бельмо! Либби шумно втягивает в себя воздух.

— Какой огромный! — ахает она.

— Да, — соглашается мистер Ройл. — В общей сложности двенадцать комнат. Не считая подвала.

Дом отделен от тротуара декоративной металлической оградой и неухоженным заросшим палисадником. К входной двери ведет ажурный навес из кованого железа, а слева на бетонном постаменте стоит массивная пушка.

— Вы не будете возражать, если я возьму на себя обязанности хозяина?

Мистер Ройл указывает на навесной замок на дощатом щите, прибитом поперек входной двери.

Либби кивает. Мистер Ройл отмыкает замок и, просунув под щит пальцы, отдирает его. Этот процесс сопровождается жутким скрежетом, и взгляду Либби предстает огромная черная дверь. Адвокат потирает кончики пальцев, а затем методично пробует один за другим ключи, пока не находит тот, которым можно открыть замок.

— Когда в последний раз кто-то был в этом доме? — спрашивает она.

— Если не ошибаюсь, несколько лет назад, когда там что-то затопило. Нам пришлось войти с аварийными сантехниками. Устранить кое-какие повреждения. Что-то в этом роде. Готово, прошу вас.

Они входят в прихожую. Жара, гул уличного движения, эхо речных звуков — все моментально исчезает. Здесь прохладно. Пол — гладкий темный паркет, покрытый царапинами и слоем пыли. У лестницы впереди витые перила из темного дерева, лестничный столб

венчает резная ваза с фруктами. Двери украшают резные узоры, имитирующие складки ткани, и витиеватые бронзовые ручки. Стены наполовину обшиты панелями темного дерева и оклеены полинявшими винно-красными обоями с крупными проплешинами, изъеденными молью. Воздух спертый и пыльный. Единственный свет поступает сквозь веерообразные окна над каждым дверным проемом.

Либби вздрагивает. Слишком много дерева, слишком мало света. Слишком мало воздуха. Ей кажется, будто она в гробу.

— Можно? — она берется за ручку одной из дверей.

— Можете делать здесь все что угодно. Это ваш дом.

Дверь открывается в длинную прямоугольную комнату в задней части дома; четыре ее окна выходят на густые заросли деревьев и кустарников. И снова деревянные панели. Деревянные ставни. Снова паркет под ногами.

— Куда она ведет? — спрашивает она мистера Ройла, указывая на узкую дверь в боковой стене.

— Это дверь к лестнице для прислуги, — отвечает он. — Она ведет прямо к маленьким комнатам на мансардном этаже. Есть еще одна потайная дверь, на площадке второго этажа. Обычная вещь в этих старых домах. Построенных, как клетки для хомячков.

Они комната за комнатой, этаж за этажом исследуют дом.

— Что случилось с мебелью? Где осветительные приборы? — спрашивает Либби.

— Их давно нет. Семья продала все, чтобы оставаться на плаву. Здесь все спали на матрасах. Сами шили себе одежду.

— Неужели они были настолько бедны?

— Да, — отвечает мистер Ройл. — Они действительно были бедны.

Либби кивает. Она не представляла своих биологических родителей бедными. Да, она позволила себе создать фантазию о них. Но ведь даже дети, живущие со своими биологическими родителями, подчас склонны предаваться фантазиям. Ее воображаемые родители были молоды и имели кучу друзей. В их доме у реки были две стеклянных стены от пола до потолка и круговая терраса. У них были собаки, маленькие, обе девочки, со стразами на ошейниках. Ее воображаемая мама занималась рекламой модной одежды, ее отец был художником-дизайнером. Когда она была маленьким ребенком, они

брали ее на завтрак, сажали на высокий стульчик, разламывали ей бриошь и толкались коленками под столом, где лежали, свернувшись, обе собачонки.

Они умерли, возвращаясь домой после вечеринки с коктейлями. Скорее всего, погибли в аварии с участием спортивного автомобиля.

— Было ли найдено что-то еще? — спрашивает она. — Помимо предсмертной записки?

Мистер Ройл отрицательно качает головой.

— Ничего официального. Но кое-что все же было. Когда вас нашли. Что-то, что лежало в вашей кровати. Полагаю, она все еще здесь. В вашей детской. Не желаете взглянуть?..

Она следует за мистером Ройлом в большую комнату на втором этаже. Здесь два больших окна с видом на реку. Воздух затхлый и спертый, высокие углы комнаты увешаны плотными шторами паутины и пыли. В другом конце комнаты виднеется дверной проем, и они сворачивают за угол в маленькую комнату.

Это гардеробная, в ней три стены отведены под белые шкафы и комоды, украшенные декоративной резьбой. В центре комнаты стоит детская кровать.

— Та самая?..

— Да, та самая. В ней вас и нашли. Вы что-то весело щебетали на своем детском языке и, похоже, радовались жизни.

Кровать имеет конструкцию качалки с металлическими рычагами для толкания вперед и назад. Она окрашена в кремовый цвет с россыпью светло-голубых роз. Спереди красуется небольшой металлический значок с логотипом универмага «Хэрродс».

Мистер Ройл протягивает руку к полке на задней стене и достает с нее маленькую коробочку.

— Вот, — говорит он, — это было спрятано среди ваших одеял. Мы предположили... мы все предположили, мы и полиция, что это предназначалось для вас. Полиция несколько лет хранила это в качестве вещественного доказательства, а когда следствие завершилось, вернула нам.

— Что это?

— Откройте и посмотрите.

Она берет у него картонную коробочку и открывает ее. В ней клочки разорванной газеты. Ее пальцы нащупывают что-то твердое и

шелковистое. Она кончиками пальцев достает из коробки загадочный предмет. Это кроличья лапка на золотой цепочке. Либби вздрагивает. Цепочка выскользывает из ее руки и падает на деревянный пол. Она наклоняется, чтобы поднять ее.

Ее пальцы касаются кроличьей лапки, ощущают холодную безжизненность гладкого меха и остроту коготков. Она пропускает цепочку сквозь пальцы другой руки. Ее голова, которую еще неделю назад занимали мысли о новых сандалиях, девичнике, секущихся кончиках волос, комнатных растениях, нуждающихся в регулярном поливе, теперь занята людьми, спавшими на полу на матрасах, мертвыми кроликами и большим пугающим домом, совершенно пустым, за исключением стоящей в нем детской кровати-качалки из универмага «Хэрродс» со странно зловещими светло-голубыми розами по бокам. Она кладет лапку обратно в коробку и неловко держит ее. Затем медленно опускает руку на матрас у основания кровати в надежде почувствовать эхо собственного детского спящего тельца и призрак человека, который последний раз положил ее туда и спрятал в одеялах кроличью лапку. Увы, ничего такого там нет. Просто пустая кровать и запах плесени.

— Как меня звали? — говорит она. — Кто-нибудь это знал?

— Да, — говорит мистер Ройл. — Ваше имя было указано в записке, которую оставили ваши родители. Ваше имя Серенити.

— Серенити?

— Да, — говорит он. — Красивое имя. Мне так кажется. Правда, немного... богемное, верно?

Внезапно ее охватывает приступ клаустрофобии. Она готова броситься вон из комнаты, но подобный драматизм не в ее стиле.

Вместо этого Либби говорит:

— Может, осмотрим сад, если вы не против? Я бы не отказалась подышать свежим воздухом.

Люси выключает телефон. Нужно сохранить зарядку на тот случай, если Самия попытается связаться с ней. Она поворачивается к Марко. Тот с любопытством смотрит на нее.

— В чем дело? — спрашивает она.

— Что это было за сообщение? На твоём телефоне?

— Какое сообщение?

— Я видел его. Только что. В нем сказано, что ребенку двадцать пять лет. Что это значит?

— Это ничего не значит.

— Не верю. Это должно что-то значить.

— Нет. Это ничего не значит. Это просто ребенок подруги. Просто напоминание о том, что ему исполнилось двадцать пять лет. Я должна отправить ей открытку.

— Что за подруга?

— Подруга в Англии.

— Но у тебя нет подруг в Англии.

— Конечно, у меня есть подруги в Англии. Я там выросла.

— И как ее зовут?

— Кого?

Марко раздраженно стонет.

— Твою подругу, кого же еще. Как ее имя?

— Это так важно? — резко отвечает она.

— Это важно, потому что ты моя мать, и я хочу кое-что знать о тебе. По большому счету я ничего о тебе не знаю.

— Не смейся. Ты знаешь обо мне почти все.

Он удивленно смотрит на нее широко раскрытыми глазами.

— Неужели? Я знаю лишь то, что твои родители умерли, когда ты была маленькой. Я знаю, что ты выросла в Лондоне у своей тети и что она привезла тебя во Францию, научила играть на скрипке и умерла, когда тебе было восемнадцать лет. Так что я знаю твою историю. Но я не знаю подробностей. Например, где ты ходила в школу или кем были твои друзья, что ты делала на выходных, случались ли с тобой забавные вещи или у тебя все было нормально.

— Все это непросто, — уклончиво отвечает она.

— Понимаю, — говорит Марко. — Но мне уже двенадцать лет, и ты не можешь относиться ко мне как к несмышленику. Ты должна мне все честно рассказывать.

Люси смотрит на сына. Он прав. Ему двенадцать лет, и ему больше не интересны сказки. Он знает, что жизнь не сводится к пяти главным событиям, знает, что в ней случаются самые разные вещи.

Она вздыхает.

— Не могу, — говорит она. — Пока еще не могу.

— А когда сможешь?

— Скоро, — отвечает она. — Если мы когда-нибудь доберемся до Лондона, я все тебе расскажу.

— А мы доберемся?

Она вздыхает и убирает со лба волосы.

— Пока не знаю. Пока что у меня нет денег. У тебя и Стеллы нет паспортов. Плюс собака. Это все так...

— Отец, — говорит Марко, отсекая ее. — Позвони ему.

— Только не это!

— Мы можем встретиться где-нибудь в кафе. Тогда он будет вести себя смирно.

— Марко. Мы даже не знаем, где твой отец.

Возникает странное молчание. Она чувствует, как ее сын нервно ерзает, снова зарываясь лицом в шерсть собаки.

— Я знаю, где он.

Она снова резко поворачивается и в упор смотрит на него. Марко зажмуривается, затем снова открывает глаза.

— Он забирал меня из школы.

— Когда?

Марко пожимает плечами.

— Пару раз. В конце учебного года.

— И ты не сказал мне?

— Он велел мне не говорить тебе.

— Черт побери, Марко! — Она лупит кулаками по земле. — Что произошло? Куда он тебя отвезил?

— Никуда. Просто гулял со мной.

— А еще?

— Что еще?

- Что он сказал? Чем он сейчас занимается?
- Ничего такого. Просто он в отпуске. Со своей женой.
- И где он сейчас?
- Все еще здесь. Он здесь на все лето. В доме.
- В доме?
- Да.
- Боже, Марко! Почему ты не сказал мне раньше?
- Потому что я знал, что ты распихуешься.
- Я не распихуюсь. Посмотри на меня. Я совершенно спокойна.

Я всего лишь сижу здесь на жесткой, мокрой земле под эстакадой, и нам негде спать, а в это время твой отец всего в миле отсюда и купается в роскоши. С какой стати мне психовать?

— Извини, — сердито произносит он. — Ты сама говорила, что больше не желаешь его видеть.

— Это было, когда я не спала под эстакадой.

— Значит, ты хочешь увидеть его снова?

— Я не хочу его видеть. Но я должна что-то придумать. И он единственный вариант. По крайней мере, он может дать денег, чтобы я могла вернуть свою скрипку.

— О да, потому что тогда мы разбогатеем, верно?

Люси невольно сжимает кулаки. Ее сын имеет привычку облекать неприятные вещи в слова, а затем хлестать ее ими по лицу.

— Сейчас середина июля. Все школы в Англии и Германии закрываются на каникулы. Здесь будет вдвое больше туристов. Мы быстро заработаем денег, чтобы добраться до Англии.

— Почему ты не хочешь попросить отца оплатить нам дорогу? Тогда мы просто взяли бы и поехали. Я очень хочу в Лондон. Я хочу уехать отсюда. Просто попроси его дать нам денег. Почему ты не можешь это сделать?

— Потому что я не хочу, чтобы он знал, что мы уезжаем. Никто не должен об этом знать. Даже бабушка. Ты понял?

— Понял, — кивает Марко.

Он угрюмо насупился и опустил голову, и она видит спутанные волосы на его затылке. Они спутались за неделю, когда они остались без крова. Ее сердце пронзает жалость к сыну. Она легонько сжимает пальцами его худую шею.

— Потерпи, мой прекрасный мальчик, — говорит она, — мне очень жаль. Завтра мы увидим твоего отца, и тогда все образуется, клянусь.

— Да, — огрызается он, — но наша жизнь больше не будет нормальной. Ведь так?

Так, думает она про себя. Скорее всего, не будет.

Первой появилась Берди. Берди Данлоп-Эверс.

Моя мать где-то когда-то познакомилась с ней. На какой-то тусовке. Берди играла на скрипке в поп-группе под названием Original Version и ее имя, как мне кажется, было на слуху у любителей музыки. Один сингл едва не занял первую строчку, и группа дважды попала в хит-парад Top of the Pops.

Не скажу, что меня интересовали такие вещи. Я никогда не был любителем поп-музыки, а обожествление знаменитостей меня раздражает.

Она сидела на нашей кухне и пила чай из одной из наших коричневых кружек. Я даже вздрогнул, когда увидел ее там. Женщина с длинными редкими волосами до пояса, в мужских брюках с ремнем, полосатой рубашке и подтяжках, в длинном сером пальто и зеленых перчатках с обрезанными пальцами. На фоне нашего дома она смотрелась инородным телом, подумал я. Люди, которые приходили в наш дом, обычно носили сшитые на заказ костюмы и атласные платья, они источали ароматы дорогих духов и лосьона после бритья от Кристиана Диора.

Когда я вошел, Берди взглянула на меня, и я увидел маленькие голубые глазки с тонкими карандашными линиями бровей над ними, твердую линию рта, плохо сочетающуюся с мелкими зубами, довольно слабый подбородок, который, как будто прогнулся под унылостью ее лица. Я подумал, что гостья могла бы улыбнуться, но она этого не сделала.

— Генри, — сказала моя мама, — это Берди! Та самая, о которой я тебе рассказывала, из поп-группы.

— Привет, — поприветствовал я.

— Привет, — ответила Берди. Я не смог сразу разобраться в ней.

Интонация у нее была, как у моей школьной директрисы, но выглядела она как обычная бродяжка.

— Группа Берди хочет снять в нашем доме поп-видео! — сообщила моя мама.

Признаюсь честно, в этот момент мне пришлось слегка симулировать безразличие. Я сделал каменное лицо и, ничего не сказав, молча подошел к столу и потянулся к тарелке с булочками и печеньем — моему ежедневному перекусу после школы. Я взял два печенья и налил себе стакан молока. И лишь после этого поинтересовался:

— Когда?

— На следующей неделе, — сказала Берди. — Мы уже выбрали место, но их вроде как залили соседи сверху или что-то в этом роде. В общем, подлянка. Пришлось все отменить.

— И поэтому я сказала: «Приходите, посмотрите на наш дом и скажете, что вы думаете», — продолжила моя мама.

— И вот я здесь.

— И вот она здесь.

Я небрежно кивнул. Я хотел спросить, когда они придут, и могу ли я не ходить в школу в этот день, чтобы чем-то помочь, но тогда я не сделал этого, да и впоследствии никогда не проявлял энтузиазма к чему бы то ни было. Поэтому я, как обычно, методично окунул печенье в молоко и молча его съел.

— По-моему, здесь самое то, — сказала Берди, обводя жестом кухню. — Даже лучше, чем в том, другом месте. Просто идеально. Думаю, надо будет подписать пару бумажек. — Она закатила глаза. — Ну вы понимаете, случаются отказы и все прочее. На тот случай, если мы спалим ваш дом. Или одна из ваших лосиных голов свалится на кого-то из нас и убьет насмерть. Типа того.

— Да, да, — сказала моя мама так, как будто всю свою жизнь только и делала, что подписывала отказы от претензий за несчастные случаи со смертельным исходом. — В этом есть смысл. И, очевидно, мне нужно сначала обсудить это с мужем. Но я знаю, он будет счастлив. Ему нравится ваша музыка.

Я подозревал, что это неправда. Моему отцу нравились песни болельщиков регби и скабрзные оперы. Но ему нравились суэта и внимание окружающих, и он любил свой дом, и поэтому любой, кому нравилось его жилище, всегда был здесь желанным гостем.

Через несколько минут Берди ушла. Я заметил крошечную кучку чешуек сухой кожи на столе возле ее кружки, и мне стало немного противно.

Съемка клипа продолжалась два дня и оказалась гораздо скучнее, чем я думал. Техники бесконечно долго возились с осветительной аппаратурой, а нечесанные участники группы раз за разом повторяли отдельные действия. Все они были одинаково одеты во что-то коричневое, и мне казалось, что от них должно противно пахнуть, но от них не пахло, потому что дама с кронштейном для одежды привезла их костюмы в прозрачных пластиковых пакетах. К концу дня песня крутилась в моей голове, как застрявшая между оконных стекол муха. Это была ужасная песня, но она заняла первое место в хит-параде и возглавляла его в течение девяти жутко долгих недель. Видеоклип с ней можно было увидеть на экране любого телевизора, мимо которого вы проходили, и наш дом увидели миллионы телезрителей.

Это был добротный сделанный клип. Ничего не скажу. И я с легким волнением рассказывал всем, что он снимался у нас дома. Но через несколько недель острые ощущения сгладились, потому что через много лет после того, как съемочная группа уехала, после того, как этот сингл выпал из хит-парадов, после того, как из них выпал их следующий сингл, Берди Данлоп-Эверс, с ее глазами-бусинками и ее крошечными зубками все еще оставалась в нашем доме.

Либби работает в компании, занимающейся дизайном дорогих кухонь. Она возглавляет отдел продаж, расположенный в выставочном зале в центре Сент-Олбанса, рядом с собором. Под ее началом два менеджера по продажам и два их помощника, а ее начальники — помощник директора по продажам, старший директор по продажам и управляющий директор. Она на полпути карьерной лестницы, той лестницы, которая в течение последних пяти лет была смыслом ее существования. Либби мысленно строит мостик к той жизни, которая начнется, когда ей исполнится тридцать. Когда ей стукнет тридцать, она будет директором по продажам, но если она пролетит, то ради карьерного роста пойдет работать в другое место. Затем она выйдет замуж за мужчину, которого попытается найти как в интернете, так и в реальной жизни. Мужчину с морщинками от улыбок в уголках рта и с собакой и/или кошкой, мужчину с интересной фамилией, которую он сможет прилепить к фамилии Джонс, мужчину, который зарабатывает столько же, сколько и она, или больше, мужчину, который любит обниматься больше, чем заниматься сексом. У него будет красивая обувь, красивая кожа, никаких татуировок, зато будет прекрасная мама и красивые ноги. Мужчину высокого, под метр восемьдесят или выше. Мужчину, у которого нет багажа в виде бывшей супруги и детей, но есть хорошая машина и едва заметный намек на брюшко, хотя плоский, подтянутый живот все же предпочтительнее.

Этот мужчина еще не материализовался, и Либби понимает, что, возможно, она излишне требовательна. Но у нее есть пять лет, чтобы его найти и выйти за него замуж, и еще пять лет, чтобы родить ребенка, и, может быть, еще два года, чтобы родить еще одного, если ей понравится первый. Она никуда не торопится. Пока. Она просто будет искать, будет, выходя на люди, хорошо выглядеть, принимать приглашения на светские мероприятия, сохранять позитивный настрой, держать себя в хорошей форме, не терять самообладания, следовать прежним курсом.

Когда Либби встает и собирается идти на работу, на улице уже жарко, и хотя сейчас всего восемь утра, в воздухе подрагивает

перламутровое марево зноя.

Она спала всю ночь с открытым окном, хотя знала, что женщинам не советуют это делать. Либби расставила стаканы по всему подоконнику так, чтобы, если кто-то и попытается забраться ночью в дом, она услышала звуки вторжения. Но она провертелась всю ночь, беспорядочно скручивая влажные простыни.

Солнце вырвало ее из короткого сна. Тонкий лучик проник сквозь крошечный зазор между шторами, и в считанные минуты комната вновь превратилась в духовку. Пару мгновений все казалось нормально. Увы, всего пару мгновений. Ее мысли тотчас вернулись во вчерашний день. В темный дом с его резными дверями, потайной лестницей, кроличьей лапке, бледно-голубым розам на боках детской кровати. Или это все ей примерещилось? Неужели этот дом все еще стоит на своем прежнем месте или же расплылся на атомы?

Сегодня утром она приходит на работу второй по счету. Дайдо, главный дизайнер, уже сидит за рабочим столом и даже успела включить кондиционер. Ледяной воздух приятно щекочет липкую от пота кожу, но Либби знает, что через полчаса превратится в ледышку, и уже пожалела, что не захватила с собой кардиган.

— Доброе утро, — говорит Дайдо, не отрываясь от клавиатуры. — Как все прошло?

Вчера Либби по секрету сообщила Дайдо, что берет выходной, чтобы встретиться с адвокатом по поводу наследства. Она не стала говорить ей о том, что ее в свое время удочерили или о том, что ей, возможно, достанется в наследство дом. Ограничилась лишь словами о том, что это наследство от пожилого родственника, добавив, что ей, скорее всего, достанутся деньги, несколько сот фунтов. Услышав про несколько сот фунтов, Дайдо сильно разволновалась, и Либби не была уверена, как ее коллега отреагирует, скажи она ей правду. Но сегодня утро вторника, их здесь всего двое, а свою лучшую подругу Эйприл она не увидит до выходных, и у нее нет никого, кому она могла бы все рассказать, так что, может, и впрямь стоит рассказать все Дайдо, которая на двенадцать лет ее старше и наверняка поделится с ней мудрым или полезным советом по поводу этой дурацкой ситуации.

— Я унаследовала дом, — говорит Либби, наливая в кофемашину воду.

— Ха-ха, — говорит Дайдо, явно отказываясь ей верить.

— Нет, я серьезно. Дом в Челси, у реки.

— Челси, Лондон? — уточняет Дайдо разинув рот.

— Да.

— Как в реалити-шоу «Сделано в Челси»?

— Да, — снова говорит Либби. — На берегу реки. Он огромный.

— Ты прикалываешься?

Либби качает головой.

— Нет.

— О господи, — ахает Дайдо. — Значит, ты теперь миллионерша?

— Похоже на то.

— И при этом ты здесь, во вторник утром, пришла на работу в офис, как обычный человек.

— До меня самой это еще толком не дошло.

— Боже, Либби, на твоём месте я бы послала все подальше и пила бы шампанское в саду отеля «Сент-Майклз Мэнор».

— Сейчас без двадцати девять.

— Значит, чай. И яйца бенедикт. Что ты здесь забыла?

Либби чувствует, что трещит по всем швам при мысли о том, что ей не нужно быть здесь, что крепкая карьерная лестница, за которую она цепляется всю свою жизнь, только что растворилась в куче золотых монет, что все изменилось.

— Я узнала только вчера! Я еще не продала его, — говорит она. — И, возможно, не смогу продать.

— Ну конечно, потому что никто не захочет обзавестись домом в Челси с видом на Темзу.

Примерная стоимость шесть или семь миллионов фунтов. Такова была оценка, которую дал ей вчера адвокат, когда она наконец осмелилась спросить. За вычетом, сказал он, расходов и гонораров, причитающихся адвокатской фирме. Кроме того, придется заплатить налог на наследство. Вы получите примерно три с половиной миллиона, добавил он. Или около того.

Мистер Ройл даже шлепнул ее по ладони — «держи пять!» Не иначе, как принял ее за юную особу вроде тех, о которых читал в газетах. Что выглядело довольно комично.

— Сейчас дом в плачевном состоянии, — говорит Либби. — И у него есть история.

— История?

— Да. В нем умерли какие-то люди. Темная история. Дальние родственники. — Она уже раскрыла рот, чтобы упомянуть об оставленном в кроватке ребенке, но вовремя остановилась.

— Не может быть!

— Может. Все это немного шокирует. Так что пока я буду вести себя как обычно.

— Ты и дальше собираешься продавать кухни? Здесь, в Сент-Олбансе?

— Да, — отвечает Либби, чувствуя, как при мысли о том, что ничего не меняется, ее душевное равновесие начинает возвращаться в норму. — Я собираюсь и дальше продавать кухни в Сент-Олбансе.

В конце концов Марко и Люси провели ночь на пляже. Дождь прекратился примерно в два часа ночи, и они, собрав свои пожитки, двадцать минут шли через весь город к Английской набережной, где развернули на мокрой гальке коврики для йоги, укрылись саронгами и наблюдали за тем, как клочья серых дождевых туч мчатся друг за другом на фоне огромной розовой луны, пока линию горизонта не позолотили первые солнечные лучи.

В восемь часов Люси выгребла со дна своего рюкзака и кошелька последние центы — на ее счастье, их хватило на круассаны и кофе. Они с Марко ели их, сидя на скамейке, отупевшие из-за недосыпа и ужасов дождливой ночи.

Затем они прошагали через весь город к квартире Самии, чтобы забрать Стеллу, и Самия не пригласила их войти и поесть, хотя был полдень, и в доме уже никто не спал. Стелла была выкупана и переодета в чистое, ее мягкие кудри причесаны и скреплены розовыми пушистыми заколками, и, пока они снова шли через весь город, Люси подумала, что со стороны их с Марко можно принять за похитителей девочки.

— Я могу оставить ее еще на одну ночь, — предложила ей Самия, положив руку на плечо внучки. От Люси не скрылось, как Стелла пожалала плечиком, как будто хотелось стряхнуть ее руку, и почти незаметно, слегка покачала головой.

— Это любезно с вашей стороны. Спасибо, но я уже нашла, где нам спать сегодня вечером. — Она спиной чувствовала, как глаза Марко буравят ее, безмолвно упрекая во лжи. — Но я очень, очень вам благодарна. В самом деле.

Самия слегка наклонила голову и прищурилась, как будто молча оценивала положение Люси.

Та затаила дыхание, ожидая неодобрительного заявления по поводу своей внешности, воспитания детей, той роли, какую она сыграла в том, что ее драгоценный сын куда-то сбежал. Вместо этого Самия медленно подошла к столику в коридоре и вынула из сумочки

кошелек. Заглянула в него и, вытащив купюру в двадцать евро, протянула ее Люси.

— Это все, что у меня есть, — сказала она. — Больше нет.

Люси взяла деньги, наклонилась к Самии и обняла.

— Спасибо, — сказала она. — Будьте здоровы.

Теперь она, дети и собака бредут по Английской набережной под палящими лучами полуденного солнца с сумкой, полной чистой одежды из прачечной-автомата. Идут сытые, набив животы хлебом, сыром и кока-колой.

Они держат путь в один из многочисленных пляжных клубов, расположенных вдоль променада Ниццы: Le Beach Club Bleu et Blanc.

Люси когда-то бывала здесь. Она сидела за столиком вместе с отцом Марко, и на тарелке высилась гора морепродуктов, и возле ее локтя стоял бокал шампанского или бокал белого вина, разбавленного минеральной водой, а из крошечных отверстий разбрызгивателя их охлаждали тончайшие струйки холодной как лед воды.

Они не узнают ее сейчас, эти усталые старые официанты в их неуместно модных сине-белых рубашках поло. Двенадцать лет назад на нее заглядывались все.

У входа в ресторан на высоком табурете сидит какая-то женщина. Она блондинка, причем в той степени, в какой только женщины на юге Франции могут быть блондинками, — наверно, сказывается контраст между волосами цвета ванильного мороженого и загорелой, как будто поджаренной кожей. Она равнодушно смотрит на Люси, а также на Марко и пса, и снова обращает взгляд на экран компьютера. Люси делает вид, будто ждет кого-то, кто должен выйти к ней с пляжа, прикрывает глаза рукой и вглядывается в отдыхающих. Наконец женщину отвлекает группа из пяти человек, пришедших на обед.

— Быстро, — шипит она, обращаясь к детям, — быстро проходите.

Она берет собаку на руки и, подталкивая Стеллу перед собой, проходит на пляж. Ее сердце стучит как бешеное, когда она, сделав невозмутимое лицо, шагает по деревянной платформе, которая сразу за рестораном ведет к душевой кабине. Она смотрит прямо перед собой.

— Иди, не останавливайся, — шипит она Стелле, когда та застывает на полпути. Наконец они оказываются в сыром, влажном полумраке душевых кабинок.

«Исключительно для посетителей клуба Le Beach Club Bleu et Blanc», — говорят многочисленные таблички, прибитые к деревянным стенам. Бетонный пол под ногами усыпан влажным песком. Воздух спертый, несвежий. Люси направляет Стеллу вправо. Если они смогут, не будучи замеченными, пройти через невысокие, по пояс, деревянные двери в душ, то все будет в порядке.

Это им удастся. Душевые пусты. Они с Марко впервые за последние восемь дней снимают одежду. Люси кидает трусы в мусорный бак. Она ни за что на свете не наденет их снова. Затем достает из рюкзака шампунь и кондиционер для волос, кусок мыла и полотенце. Она берет с собой под душ пса, вспенивает шампунь по всей его шерсти, моет под хвостом, под горлом, за ушами. Пес стоит неподвижно, как будто знает, что это необходимо. Затем она передает его Стелле, которая ждет их снаружи. Пес отряхивается, и Стелла хихикает, мокрая от брызг, слетающих с его шерсти. Затем Люси становится под струи теплой воды. Те стекают по ее голове, попадают в глаза и уши, в подмышки, между ног и пальцев. Ад прошлой недели начинает растворяться, смываясь вместе с пылью, грязью и солью. Она моет волосы шампунем, протягивает пальцами пряди по всей их длине, пока они не начинают поскрипывать. Закончив с мытьем головы, она передает шампунь под перегородкой в душевую Марко и смотрит на мыльные ручейки печального серого оттенка, встречающиеся в канавке на полу между ними.

— Хорошенько промой волосы на затылке, Марко, — говорит она. — Там все свалилось клочками. И подмышки. Хорошенько вымой подмышки.

Затем они сидят рядом на деревянной скамье, завернутые в полотенца. Сквозь щели в досках им видны люди, проходящие по ту сторону, полосы мерцающего голубого неба, в нос им бьет запах нагретых солнцем досок и жареного чеснока. Люси вздыхает. Она почти не чувствует бремени забот, но все еще не совсем готова взяться за следующее дело.

Они надевают чистую одежду и прыскаются дезодорантом. Люси наносит на лицо увлажняющий крем, а детей намазывает солнцезащитным. У нее в косметичке есть небольшой флакончик духов, и она распыляет их за ушами и между грудей. Она скручивает влажные волосы в узел на затылке и зажимает пластмассовой

заколкой. Она смотрит на себя в зеркало. Без малого сорок лет. Бездомная. Незамужняя. Без гроша в кармане. И она даже не та, за кого себя выдает. Даже имя у нее ненастоящее. Она призрак. Живой, дышащий призрак.

Она тушью подводит ресницы, наносит немного блеска для губ, поправляет кулон на золотой цепочке так, чтобы тот оказался в ложбинке между грудей на обожженной солнцем коже. Она смотрит на своих детей: они прекрасны. Собака тоже выглядит симпатично. Все хорошо пахнут. Все сыты. Всегда бы так.

— Ну что ж, — говорит она Марко, запихивая грязную одежду обратно в рюкзак. — Пойдем, увидимся с твоим отцом.

Я наблюдал за ним с лестницы, поэтому я уже знал. Мужчина с темными кудрями, шляпа с полями, курточка-спецовка, твидовые брюки, заправленные в высокие ботинки на шнуровке. Обшарпанные чемоданы, похожие на реквизит из старого фильма, и плетеная корзина-переноска для кошек, перехваченная потертым кожаным ремнем. И рядом с ним Берди, в платье, похожем на ночную сорочку.

— Дорогой! — услышал я, как мама позвала отца. — Иди и познакомься с Джастинем!

Отец вышел на ее зов из гостиной. В мохнатом зеленом свитере, с сигарой в зубах.

— Итак, — сказал он, крепко сжимая руку мужчины, — вы парень Берди?

— Партнер, — поправила его Берди. — Джастин — мой партнер.

Мой отец посмотрел на нее тем взглядом, когда думал, что кто-то намеренно выставляет его дураком, как будто у него чесались руки. Но этот взгляд моментально сменился другим, и я увидел, как он смотрит на них с улыбкой.

— Да, — сказал он. — Конечно. Теперь это называется так, верно?

Берди сказала моей матери, что ей и ее *партнеру* нужно где-то перекантоваться несколько дней. Домохозяин выгнал их, потому что у них кошка; какой идиот поселяется с кошкой, не прочтя толком условий договора жилищного найма? Мне еще не было одиннадцати лет, и я никогда не жил в съемной квартире, но даже я это знал, а Берди не знала, к кому еще обратиться. Будучи взрослым мужчиной, которому сейчас сорок один год, я не раз использовал подобный рефрен, чтобы вынудить людей сделать то, что я от них хочу. *Я не знал, к кому еще обратиться.* Это ставит человека, которым вы пытаетесь манипулировать, по сути, в безвыходное положение. Единственный вариант — капитулировать. Именно так и поступила моя мама.

— Но у нас так много комнат, — сказала она, когда я пожаловался на вторжение непрошенных гостей. — И это всего на несколько дней.

По-моему, моя мать просто хотела, чтобы поп-звезда немного пожила в ее доме.

Моя сестра прошла мимо меня по лестнице и с легким вздохом остановилась, увидев в коридоре кошачью переноску.

— Как его зовут? — спросила она, опускаясь на колени и всматриваясь сквозь прутья корзины.

— Это девочка. Ее зовут Суки, — ответила Берди.

— Суки, — сказала она, просунув в корзину пальцы. Кошка потерлась об ее руку и громко заурчала.

Мужчина по имени Джастин поднял свой похожий на театральный реквизит чемодан и сказал:

— Где нам поставить наши вещи, Мартина?

— У нас есть для вас прекрасная комната наверху. Дети, покажите нашим гостям желтую комнату, ладно?

Моя сестра повела их за собой. Она была куда более общительной из нас двоих. Взрослые вселяли в меня ужас, в то время как она, похоже, не имела ничего против. Она была в зеленой пижаме. На мне был клетчатый халат и синие войлочные тапочки. Было почти девять вечера, и мы готовились ко сну.

— О! — сказала Берди, когда моя сестра открыла потайную дверь в деревянной панели, ведущую к лестнице на верхний этаж. — Куда ты нас ведешь?

— Это черная лестница, — сказала моя сестра. — Она ведет в желтую комнату.

— Ты хочешь сказать, что это вход для прислуги? — фыркнула Берди.

— Да, — бесхитростно ответила сестра, потому что, хотя она была всего на полтора года младше меня, она была слишком юна, чтобы понимать: не все согласятся с тем, что спать в потайных комнатах наверху потайных лестниц — это забавное приключение; что некоторые люди могут подумать, что они достойны просторных спален и оскорбятся предложением тесных комнатушек.

На самом верху потайной лестницы была деревянная дверь, ведущая в длинный узкий коридор, стены которого были шаткими и кривыми, а половицы неровными и пружинили под ногами, и это напоминало ходьбу по вагону движущегося поезда. Желтая комната была самой красивой из четырех. У нее было три окна в потолке и

большая кровать с желтым пододеяльником в тон желтым обоям «Лора Эшли» в мелкий цветочек и современным настольным лампам с синими стеклянными плафонами. Наша мама поставила в вазу желтые и красные тюльпаны. Я наблюдал за лицом Берди, хотел увидеть, как она все это воспримет. И заметил что-то вроде неохотного кивка, как будто бы она сказала: ладно, сойдет.

Мы оставили их в комнате, и я последовал за сестрой. Та спустилась по лестнице вниз, прошла в гостиную, а затем на кухню. Папа откупоривал бутылку вина. Мама в фартуке с рюшами и готовила салат.

— И долго эти люди будут жить у нас? — выпалил я. По лицу отца пробежала тень, когда он уловил нотку дерзости, которую мне не удалось скрыть.

— О, совсем недолго. — Мама заткнула пробкой бутылку красного винного уксуса и, ласково улыбаясь, отставила ее в сторону.

— Можно мы попозже ляжем спать? — спросила моя сестра, не понимавшая всех последствий, потому что глядела не дальше своего носа.

— Не сегодня, — ответила моя мама. — Возможно, завтра, когда наступят выходные.

— А потом они уйдут? — спросил я, осторожно передвигая границу между мной и терпением моего отца. — После выходных?

Заметив, как взгляд моей матери переместился через мое плечо, я обернулся. Берди стояла в дверях с кошкой на руках. Кошка была коричневая с белым, и мордочкой похожа на египетскую царицу. Берди посмотрела на меня и сказала:

— Мы с Джастином не станем долго задерживаться у вас, малыш. Поживем немного, пока не найдем собственное жилье.

— Меня зовут Генри, — сказал я, ошеломленный тем, что взрослый человек в моем собственном доме только что назвал меня «малышом».

— Генри, — повторила Берди, неприязненно на меня глядя. — Да, конечно.

Моя сестра буквально пожирала кошку взглядом. Заметив это, Берди спросила:

— Хочешь погладить ее?

Моя сестра кивнула, и кошка переместилась ей в руки, где сразу же, словно скрученная резинка, развернулась на сто восемьдесят градусов и вырвалась, оставив на внутренней стороне ее руки ужасную красную царапину. Глаза сестры мгновенно наполнились слезами, губы скривились в храброй улыбке, призванной скрыть боль.

— Все в порядке, — сказала она, когда мама принялась вытирать царапину влажной салфеткой.

— Генри, принеси йод из шкафчика в моей ванной.

Проходя мимо, я бросил на Берди колючий взгляд, давая понять, что она небрежно передала кошку, не думая о том, что та может оцарапать мою сестру. В свою очередь, она тоже посмотрела на меня, и ее глаза превратились в такие узенькие щелочки, что я едва различил их цвет.

Я был странным ребенком. Теперь я это понимаю. С тех пор мне встречалось немало таких же мальчишек, как я: скупых на улыбку, впечатлительных, недоверчивых и настороженных. Подозреваю, что Берди, вероятно, когда-то была очень странной маленькой девочкой. Возможно, она узнала себя во мне. Но я точно знал: она ненавидела меня, даже тогда. Это было очевидно. И эта ненависть была обоюдной.

Шагая через коридор, я прошел мимо Джастина. Он держал в руках потрепанную коробку от конфет «Черная магия» и выглядел растерянным.

— Твои родители там? — спросил он, указывая в направлении кухни.

— Да, — сказал я. — На кухне. Вон под той аркой.

— *Merci beaucoup*, — по-французски поблагодарил он, и, хотя мне было всего десять, я был достаточно взрослым, чтобы понять, какой он напыщенный.

Вскоре после этого нас отправили спать, мою сестру с пластырем на внутренней стороне руки, меня — с расстройством желудка. Да, за мной такое водилось: мои эмоции давали о себе знать расстройством пищеварения.

Я полночи слышал над головой их шаги, пока не положил на голову подушку и не заснул.

На следующее утро, когда я первым спустился вниз, на кухонном столе лежала нераскрытая коробка «Черной магии». Меня так и подмывало разорвать целлофан и открыть ее. Скромный акт неповиновения, от которого мне стало бы лучше в краткосрочной перспективе, но гораздо хуже в долгосрочной.

Услышав позади себя какое-то движение, я оглянулся. Как оказалось, это кошка прошмыгнула в дверь следом за мной. Я подумал о царапине на руке моей сестры, вспомнил недовольный голос Берди:

— Это произошло случайно... просто она неправильно ее держала. Суки никого не царапает без причины.

Стоило мне вспомнить эти слова, как меня накрыл пузырь горячего красного гнева. Я громко шикнул на кошку и выгнал ее из кухни.

* * *

В тот день я почти с радостью отправился в школу — хотелось хотя бы несколько часов почувствовать себя нормально. Это был мой последний семестр в начальной школе. В следующем месяце мне исполнится одиннадцать. Я один из самых младших мальчиков в классе, а затем меня переведут в школу побольше, ближе к дому, школу, где не заставляют носить бриджи. На тот момент я был заиклен на этих дурацких штанишках. Я их перерос, как перерос и всех остальных ребят, с которыми общался. Я точно знал: я не такой, как они. Я совершенно другой. Там не было никого похожего на меня. Я предавался фантазиям о том, как пойду в большую школу и окажусь в окружении таких же мальчишек, как я. В большой школе все было бы лучше. Мне оставалось потерпеть в начальной школе всего десять недель, затем пережить долгое, скучное лето, после чего начнется настоящая жизнь.

Я понятия не имел — совершенно никакого понятия — о том, насколько изменится моя жизнь к концу лета, и что все то, чего я ждал и о чем мечтал, скоро покажется далеким сном.

Либби сидит за кухонным столом. Задняя дверь открыта во двор, который в лучах вечернего солнца кажется сумрачным, но все еще слишком влажным, чтобы там сидеть. В ее стакане диетическая кола со льдом. Она сейчас босиком, босоножки были сброшены спустя пару секунд после того, как она вошла в квартиру. Она открывает крышку своего ноутбука в розово-золотистом корпусе и запускает браузер. Она отказывается верить собственным глазам, увидев, что последним сайтом, который она просмотрела четыре дня назад, до того, как пришло письмо и перевернуло всю ее жизнь, был сайт местной школы сальсы. Господи, и о чем она только думала! Наверно, что это как-то поможет ей познакомиться с нужным мужчиной.

Она открывает новую вкладку и медленно, дрожащими пальцами, набирает в поисковике слова *Мартина и Генри Лэм*. Тотчас выскакивает ссылка на статью в «Гардиан» за 2015 год. Либби щелкает по ней. Статья называется: «Таинственный случай Серенити Лэм и кроличья лапка».

Серенити Лэм, думает она, это была я. Это — я. Я — Серенити Лэм. Я также Либби Джонс. Либби Джонс продает кухни в Сент-Олбансе и хочет научиться танцевать сальсу.

Серенити Лэм лежит в раскрашенной кровати в комнате с деревянными панелями в особняке в Челси, рядом с засунутой под ее одеяло кроличьей лапкой.

Ей никак не удастся обнаружить момент, в который Серенити Лэм перевоплотилась в Либби Джонс. Наверно, это случилось, когда приемная мать впервые обняла ее. Но тогда она была слишком мала, чтобы это понять. Она не знала о превращении Серенити в Либби, о том, как незримо раскручивались и заново скручивались нити ее личности.

Она делает глоток колы и начинает читать.

Дом в Антибе цвета увядших роз: приглушенно-красный, словно присыпанный пудрой, с пронзительно-синими ставнями. Люси жила в нем много лет назад, когда была замужем за отцом Марко. Даже через десять лет после развода она с трудом может заставить себя произнести его имя. Ощущение этого имени на языке и губах вызывает у нее тошноту. Но вот она, стоит возле его дома, и его зовут Майкл. Майкл Риммер.

На подъездной дорожке припаркован красный «Мазератти», скорее всего, взятый напрокат. Про Майкла можно сказать многое, но только не то, что *он настолько богат, каким себя считает*. Подобное утверждение в число его характеристик не входит. Она замечает, как Марко буквально пожирает машину глазами. Он замер, затаив дыхание, и на его лице написано неприкрытое желание, восхищение, восторг.

— Это не его машина, — бормочет мать, — он просто взял ее напрокат.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, и все.

Она ободряюще сжимает руку Стеллы. Стелла еще ни разу не видела отца Марко, но она прекрасно знает, какие чувства испытывает к нему ее мама. Они подходят к двери, и Люси нажимает на медный звонок. К дверям подходит горничная в белом комбинезоне и латексных перчатках. Она улыбается.

— Добрый день, мадам, — здоровается она по-французски.

— Мистер Риммер дома? — спрашивает Люси на безукоризненном английском.

— *Oui*, — говорит горничная. — Да. Он в саду. Подождите одну минуту. — Она достает из кармана комбинезона маленькую черную «Нокию», снимает перчатку и, не сводя глаз с Люси, набирает номер.

— Кто мне представить вас?

— Люси, — отвечает та. — И Марко.

— Сэр... мистер Риммер, здесь женщина по имени Люси. И мальчик по имени Марко. — Она кивает. — Хорошо. Да. Хорошо.

О'кей.

Она выключает телефон и сует его обратно в карман.

— Мистер Риммер велел отвести вас к нему. Прошу вас.

Люси следует по коридору за этой низенькой женщиной.

Шагая, она старается не смотреть на то место у основания каменной лестницы, где она лежала со сломанной рукой и сломанным ребром. Майкл столкнул ее, когда она была на четвертом месяце беременности, нося под сердцем Марко. Она старается не смотреть на то место в коридоре, где Майкл несколько раз ударил ее головой об стену, потому что у него, видите ли, выдался на работе плохой день — по крайней мере, так он объяснил случившееся спустя час, когда пытался помешать ей уйти, заявив, что он так сильно ее любит, что *не сможет без нее жить*. О, ирония судьбы! А теперь он женат на другой женщине и жив-здоров!

Они подходят к черному ходу, и Люси чувствует, как дрожат ее руки. Как же хорошо она знает эти огромные деревянные двойные двери! Они открываются в тропическое великолепие сада, где бабочки-бражники кормятся цветочной пылью, где в тенистых углах растут банановые деревья, где журчит, падая вниз с декоративных каменных горок, маленький водопад, а в самой южной точке под полуденным солнцем поблескивает прямоугольник лазурно-голубой воды.

А вот и он сам, Майкл Риммер собственной персоной. Сидит за столиком возле бассейна, с беспроводным наушником в одном ухе, перед ним — открытый ноутбук и два мобильных телефона. Однако небольшая бутылка пива сводит к нулю впечатление делового человека, которого он, несомненно, изображает.

— Люси! — восклицает он, расплываясь в улыбке, и вскакивает на ноги, втягивая при этом загорелый живот, дабы скрыть тот факт, что в сорок восемь лет он вряд ли может похвастаться спортивным телосложением тридцативосьмилетнего мужчины, от которого она сбежала десять лет назад. Он достает из уха наушник и направляется к ней. — Люси! — повторяет он с фальшивой теплотой в голосе и протягивает ей навстречу руки.

Люси машинально пятится назад.

— Майкл, — отвечает она, с опаской отодвигаясь от него.

Видя это, он протягивает руки к Марко и обнимает его.

— Так ты ей все-таки сказал?

Марко кивает.

Майкл бросает на него будто бы укоризненный взгляд.

— А это кто? — спрашивает Майкл, обращая внимание на Стеллу, которая цепляется за ногу Люси.

— Это Стелла, — говорит та. — Моя дочь.

— Ого! — восклицает Майкл. — Какая красотуля! Приятно познакомиться, Стелла.

Он протягивает ей руку. Люси подавляет в себе искушение оттолкнуть Стеллу в сторону.

— А это кто? — он смотрит на собаку.

— Это Фицджеральд. Или Фитц для краткости.

— Как Ф. Скотт?

— Да, как Ф. Скотт. — Она чувствует легкий прилив адреналина.

Она отлично помнит сеансы «вопрос-ответ», которым он когда-то безжалостно подвергал ее, чтобы показать ей, что она глупа и необразованна, недостойна его и вообще, должна радоваться тому, что он снизошел до нее. Но в глубине ее души всегда было нечто крошечное, твердое и непоколебимое, напоминавшее ей о том, что он неправ, что однажды она уйдет от него, и как только это случится, она больше никогда не оглянется назад. И вот теперь она нервно отвечает на его вопросы, собирается попросить у него денег, и, по сути, отброшена назад — туда, откуда начала.

— Привет, Фитц, — говорит он, почесывая пса под подбородком. — Какой славный песик! — Затем отступает назад и оценивающим взглядом окидывает Люси и ее маленькую семью.

Точно так же он оценивал Люси, когда думал, какое выбрать для нее наказание. То же острое лезвие минут, которые могли закончиться смехом и объятием или же сломанным пальцем или до красноты перекрученной кожей.

— Ну-ну, — говорит он, — вы только посмотрите на себя. Вы все просто прелесть. Принести вам что-нибудь? Может, сока? — Он смотрит на Люси. — Им можно пить сок?

Она кивает, и Майкл смотрит на горничную. Та стоит в тени террасы в задней части дома.

— Джой! Немного сока для детей! Спасибо! А ты, Люси, что будешь? Вино? Пиво?

Люси не пила уже несколько недель. Она бы отдала все на свете за глоток пива. Но лучше не стоит. В течение ближайшего получаса она должна сохранять ясность мыслей. Она отрицательно качает головой.

— Нет, спасибо. Меня вполне устроит сок.

— Три сока, Джой. Спасибо. А для меня еще одно пиво. Да, и немного картофельных чипсов. Тех, как их там называют, рифленых. Ну, вы поняли.

Он снова переводит взгляд на Люси — нарочито удивленный и по-мальчишески озорной.

— Садитесь, садитесь.

Он переставляет стулья, и они садятся.

— Итак, — говорит он, — Люси Лу, как, черт возьми, ты поживаешь?

Она пожимает плечами и улыбается.

— Сам знаешь. Потихоньку. Старею. Становлюсь мудрее.

— И ты все это время была здесь?

— Да.

— Так и не вернулась в Англию?

— Нет.

— И твоя дочь... кто ее отец? Ты замужем?

— Нет, — снова говорит она. — Мы жили вместе пару лет. А потом, около трех лет назад, он вернулся в Алжир, чтобы «навестить семью», и с тех пор мы о нем ничего не знаем. Ни слуху ни духу.

Майкл морщится, как будто в его глазах исчезновение отца Стеллы сродни физическому насилию по отношению к Люси. Как говорится, чья бы корова...

— Понятно, — говорит он. — Как все сложно. Значит, ты мать-одиночка?

— Именно. Она самая.

Джой возвращается, неся на подносе кувшин охлажденного апельсинового сока, три стакана на круглых картонных подставках, чипсы в маленьких серебряных мисочках, крошечные бумажные салфетки и пластмассовые соломинки. Майкл наливает сок, вручает каждому из них по стакану и предлагает рифленые чипсы. Дети жадно набрасываются на них.

— Помедленнее, — шипит на них Люси.

— Все в порядке, — говорит Майкл. — У меня их большой запас. Так где ты живешь?

— То здесь, то там.

— А ты все еще?.. — Он жестами изображает игру на скрипке.

Она криво улыбается.

— Да... играю. То есть играла. Пока какой-то пьяный придурок-англичанин на одном мальчишнике не решил выхватить ее у меня, а потом заставил в течение получаса бегать за ним и его друзьями, чтобы вернуть инструмент... после чего разбил скрипку о стену. Сейчас она в ремонте. Или, возможно, ее уже отремонтировали. Но... — Во рту у нее пересыхает от страха. — У меня нет денег, чтобы заплатить за работу и забрать ее.

Он смотрит на нее, как бы говоря «бедная ты моя». Этим взглядом он удостаивал ее всякий раз после того, как делал ей больно.

— Сколько? — спрашивает он и уже ерзает на стуле, чтобы достать из заднего кармана бумажник.

— Сто десять евро, — говорит Люси, и ее голос слегка дрожит.

Она наблюдает, как Майкл отсчитывает банкноты. Он складывает их пополам и передает ей.

— Возьми, — говорит он. — Тут чуть больше. Может, останется на стрижку для моего мальчика. — Он снова взъерошивает волосы Марко. — А может, и на твою тоже. — Он смотрит на ее волосы, и на его лице появляется пугающее выражение мрачного разочарования. *Ты опустилась, ты не следишь за собой. Ты не прикладываешь усилий. Как я могу любить тебя. Ты. Не. Делаешь. Никаких. Гребаных. Усилий.*

Она берет из его руки сложенные банкноты и тотчас ощущает едва заметный рывок: он сжимает деньги крепче, как будто не хочет выпускать, как бы намекая, что она в его власти. Затем улыбается и ослабляет хватку. Люси прячет деньги в кошелек.

— Спасибо тебе. Ты меня выручил. Я верну тебе деньги через пару недель. Обещаю.

— Нет, — говорит он, откидываясь на спинку стула, слегка раздвигая ноги и мрачно улыбаясь. — Не надо их мне возвращать. Но...

По позвоночнику Люси пробегает холодок.

— Обещай мне одну вещь.

Ее улыбка как будто замерзает.

— Я хотел бы видеть вас. В смысле, чаще. Тебя и Марко. И тебя тоже, конечно. — Он хмуро смотрит на Стеллу и подмигивает ей. — Я здесь все лето. До середины сентября. Между работами. Ты знаешь.

— А твоя жена?..

— Рейчел пришлось вернуться. У нее важные дела в Англии. — Он говорит это пренебрежительным тоном. Люси не в курсе, кто его жена. Она вполне может быть хирургом или политиком, в ее руках могут быть жизни сотен, а то и тысяч людей. Но что касается Майкла, все, что отвлекает внимание женщины от его персоны даже на мгновение, — не более чем жалкая шутка. Включая детей.

— Понятно, — говорит она, — как жаль.

— Я бы не сказал, — говорит он. — Мне нужно было немного пространства. Потому что угадай, чем я сейчас занимаюсь...

Люси бодро качает головой и улыбается.

— Я пишу книгу. Или, точнее, мемуары. Или, возможно, и то, и другое. Полуавтобиографическая вещь. Я сам пока толком не решил.

Боже, как же он самодоволен, думает Люси, словно ждет, чтобы я сказала: «Ух, ты, Майкл, это надо же! Какой ты умный!» Вместо этого она готова рассмеяться ему в лицо: «Ха, ты пишешь книгу? Ты это серьезно?»

— Здорово, — наконец произносит она. — Представляю, как это интересно.

— Это точно. Хотя пока что идет туго, чему не стоит удивляться. Так что было бы просто классно почаще видеться с вами. Потусоваться немного. Мы могли бы поплавать вместе в бассейне.

Люси вслед за ним поворачивает голову к бассейну. У нее тотчас перехватывает дыхание, легкие судорожно расширяются и сжимаются снова, сердце бешено колотится: она отлично помнит, как ее голова уходит под эту идеально голубую воду, а его руки давят ей на макушку. Как он толкает ее вниз, как не дает вынырнуть на поверхность, и так до тех пор, пока ее легкие едва не лопаются. Затем он внезапно отпускает ее, и она выныривает, задыхаясь и хрипя. Он же неторопливо выбрался из бассейна, взял с шезлонга полотенце, обмотался им и, не оглядываясь, вернулся обратно в дом.

— Я мог бы убить тебя, — сказал он позже. — Если бы захотел. Надеюсь, тебе это понятно? Я мог бы убить тебя.

— Тогда почему ты меня не убил? — спросила она.

— Потому что не захотел.

— Спасибо, — говорит она сейчас, — может, как-нибудь придем. Хотя этим летом мы довольно заняты.

— Нисколько не сомневаюсь, — снисходительно говорит он.

— Если честно, — говорит Люси, поворачиваясь и глядя на дом, — я всегда думала, что ты продал его. Я частенько видела, как здесь жили другие люди.

— Я сдаю его летом, — говорит он. В его голосе, голосе блестящего, невероятного, успешного, богатого Майкла Риммера слышится стыд — это надо же так низко пасть, чтобы летом сдавать свой дом на Лазурном берегу чужим людям! — Было бы обидно, — спешит добавить он, — если бы дом пустовал, когда в нем могут хорошо провести отпуск другие люди.

Она кивает. Пусть он цепляется за свою жалкую маленькую ложь. Он ненавидит «других людей». Он наверняка продезинфицировал дом сверху донизу, прежде чем вернулся в него.

— Вообще-то, — говорит она, поворачиваясь, чтобы улыбнуться детям, — думаю, нам пора.

— Нет, — говорит Майкл. — Побудьте еще немного! Почему бы нет? Я открою бутылку чего-нибудь. Дети могут поплескаться в бассейне. Будет весело.

— Музыкальный магазин скоро закроется, — объясняет Люси, стараясь не показать, что нервничает. — Мне действительно нужно забрать скрипку, чтобы я могла поработать сегодня вечером. Но спасибо. Огромное спасибо. Что нужно сказать, дети?

Дети благодарят, и Майкл расплывается в улыбке.

— Красивые дети, — говорит он, — очень красивые.

Он провожает их до входной двери. Похоже, он хочет обнять Люси, но та быстро опускается на колени, чтобы поправить на собаке ошейник. Стоя в дверном проеме, Майкл наблюдает за ними поверх капота своей нелепой машины. Его губы все еще растянуты в улыбке.

На миг Люси кажется, что ее вот-вот вырвет.

Она останавливается и хватается ртом воздух. Они уже собираются повернуть за угол, собака внезапно садится на задние лапы и откладывает возле стены дома Майкла, на солнышке, небольшую кучку дерьма.

Люси достает из сумки пластиковый пакет, чтобы убрать за псом. Однако останавливается. Через час дерьмо запузырится на солнцепеке, как сыр бри. Это будет первое, что он увидит в следующий раз, когда выйдет из дома. Он может даже вляпаться в эту кучку.

Она оставляет дерьмо на месте.

В субботу Либби была приглашена на барбекю к подруге. Она с нетерпением ждала этого дня. Ее подруга Эйприл сказала ей, что она пригласит «крутого парня со своей работы. Думаю, он тебе понравится. Его зовут Дэнни».

Но когда наступает суббота, очередной жаркий день, когда на небе ни единого облачка, а окна, когда Либби открывает их, уже раскалены и обжигают руку, она не думает ни о крутом парне Дэнни, ни о коронном салате Эйприл с кускусом и специями, ни о бокале коктейля «апероль-шприц», ни о надувном бассейне, на бортике которого она сидит, опустив в него ноги. Все ее мысли сосредоточены на загадочном деле Серенити Лэм и кроличьей лапке.

Она отправляет Эйприл эсэмэску.

Мне очень-очень-очень жаль. Хорошего тебе дня. Дай мне знать, если ты все еще будешь в силах этим вечером, и я загляну ближе к ночи.

Затем она принимает душ, надевает комбинезон с тропическим принтом и сандалии из золотистой кожи, втирает в руки и плечи солнцезащитный крем, пристраивает на макушку солнцезащитные очки, проверяет, положила ли в сумочку ключи от дома, и садится в поезд, следующий в Лондон.

Либби вставляет ключ в навесной замок на деревянном щите и поворачивает. Замок открывается, и она вставляет в замочную скважину передней двери еще один ключ. Ей все время кажется, что ей на плечо вот-вот ляжет чья-то рука, что кто-то спросит ее, что она здесь делает и есть ли у нее разрешение открывать эту дверь.

И вот она в доме. В своем собственном доме. И она одна.

Либби закрывает за собой дверь. Утренний уличный шум мгновенно стихает, обожженная солнцем шея саднит меньше.

На пару секунд она застывает на месте, представляя, как здесь, где она сейчас стоит, топчутся полицейские. На головах у них старомодные шлемы. Она знает, как они выглядят, потому что в статье в «Гардиан» были их фотографии. Констебли Али Шах и Джон Роббин. Они приехали сюда в ответ на анонимный звонок,

поступивший от «неравнодушного соседа». Этот загадочный сосед так никогда больше и не объявился.

Она идет по незримым следам Шаха и Роббина в кухню. Ей кажется, что запах усиливается.

Констебль Шах говорил о жужжании мух. По его словам, ему показалось, будто кто-то оставил включенной машинку для стрижки волос или электрическую зубную щетку. По словам полицейских, трупы находились на самых ранних стадиях разложения. В них все еще можно было узнать тела привлекательной темноволосой женщины тридцати с лишним лет и мужчины постарше, с волосами с проседью. Они держались за руки. Рядом с ними лежал труп другого мужчины, лет сорока с лишним. Высокий. Темноволосый. Все они были одеты в черное: женщина — в тунике и легинсах, мужчины — в балахонах. Как выяснилось, все предметы одежды были самодельные. Позже в задней комнате нашли швейную машинку и обрезки черной ткани в мусорном ведре.

Не считая жужжания мух, в доме стояла оглушительная тишина, как в склепе. По словам полицейских, им бы и в голову не пришло искать ребенка, если бы не оставленная на обеденном столе записка. Они едва не пропустили гардеробную, расположенную рядом с главной спальней, но потом услышали какой-то звук или скорее вздох, рассказывал констебль Шах.

Вздох.

Либби медленно поднимается по лестнице в спальню и заглядывает за угол двери в гардеробную.

Она была там! Здоровая и цветущая! Именно так и сказал констебль Роббин. Здоровая и цветущая девочка!

При виде раскрашенной детской кроватки по ее спине пробегают мурашки. Но она преодолевает робость и смотрит на кроватку, пока к ней не возвращается самообладание. Через мгновение она находит в себе мужество прикоснуться к ней. Она представляет двух молодых полицейских, заглядывающих в кроватку. Она воображает себя в чистых белых ползунках и с отросшими волосиками, похожими на кудряшки Ширли Темпл, хотя ей всего десять месяцев. При виде двух дружелюбных лиц, глядящих на нее сверху вниз, она взволнованно дрыгает ножками.

— Она пыталась встать, — рассказывал Роббин. — Она подтягивалась, хватаясь за бортики кровати. Хотела, чтобы ее взяли на руки. Мы не знали, что делать. Она была «вещественным доказательством». Имели мы право прикасаться к ней? Или нам следовало звонить в участок? Мы находились в замешательстве.

Видимо, в конце концов они решили не вынимать дитя из кроватки. Пока они ждали указаний от начальства, констебль Шах пел ей песни. Как жаль, что она этого не помнит. Какие же песни он пел ей, этот добрый молодой полицейский? Ему нравилось петь ей? Или он чувствовал себя глупо? Согласно газетной статье, впоследствии у него было пятеро собственных детей, но когда он нашел Серенити Лэм в ее кроватке, у него не было опыта обращения с младенцами.

Вскоре в дом прибыла команда следователей, в том числе женщина-полицейский, которой поручили ребенка. Ее звали Фелисити Межерс. Ей был сорок один год.

Сейчас ей шестьдесят пять лет, недавно она вышла на пенсию и живет в Алгарве со своим третьим мужем. «Она была просто прелесть, — цитировала статья ее слова. — Золотые кудряшки, сытый ухоженный ребенок. Улыбчивый и милый. Что просто невероятно, если принять во внимание обстановку, в которой ее оставили. Обстановка же была просто готичной, честное слово. Да-да, совершенно готичной».

Либби толкает кроватку, и та жалобно скрипит, словно жалуясь на свой почтенный возраст. Для кого она была куплена? Неужели для нее? Или для нескольких поколений младенцев до нее? Потому что теперь ей известно, что в ее истории присутствуют и другие действующие лица. Не только Мартина и Генри Лэм и загадочный третий человек. Не только пропавшие дети. Соседи говорили не о двоих, а о «нескольких» детях, о других людях, «приходивших и уходивших». Дом был полон невидимых пятен крови и следов ДНК, волокон и выпавших волос, странных отметин и каракулей на стенах и тайных дверях. А ведь еще есть сад, где полно грядок с лекарственными растениями, часть которых была использована в совместном самоубийстве ее родителей.

«Мы освобождаемся от этих немощных тел, от этого презренного мира, от боли и разочарования. Нашего ребенка зовут Серенити Лэм. Ей десять месяцев. Пожалуйста, сделайте так, чтобы она попала к

хорошим людям. Покой, навсегда, ГЛ, МЛ, ДТ», — говорилось в записке, лежавшей рядом с их разлагающимися телами.

Либби выходит из комнаты и медленно бродит по дому, выискивая странные вещи, найденные после смерти обитателей дома. В статье говорилось, что вечером, когда произошло самоубийство, в доме был кто-то еще и этот кто-то оставил распахнутыми двери шкафа, оставил продукты в холодильнике, полуоткрытые книги на полу. Со стен были содраны листы бумаги, и на их месте остались лишь приклеенные скотчем уголки.

Либби находит одну из таких полосок скотча на стене кухни. Она пожелтела и высохла до хруста. Либби вытаскивает из-под нее крошечный клочок бумаги и, положив себе на ладонь, разглядывает. Что было на листе бумаги, который люди, спасавшиеся с этого тонущего корабля, не рискнули оставить для посторонних глаз?

На кухне, обставленной в сельском стиле, есть холодильник, огромный ржавый холодильник американского образца, кремово-бежевый, что, вероятно, было довольно необычно для Англии восьмидесятых годов. Она открывает его и заглядывает внутрь. Пятна плесени, пара треснувших и сломанных пластиковых лотков для льда, и ничего более. В кухонных шкафчиках ее встречают лишь пустые эмалированные банки и пакет муки, настолько старый, что мука слежалась в кирпич. Есть набор белых чайных чашек, хромированный чайник, древние баночки с сухими травами и специями, подставка для тостов и большой черный поднос. Она царапает черную краску и обнаруживает под ним серебро. Интересно, зачем кому-то понадобилось покрасить серебряный поднос в черный цвет?

Внезапно она замирает на месте. Она что-то услышала. Какое-то движение наверху. Она ставит поднос обратно в шкаф и встает у подножия лестницы. Она вновь слышит звук, что-то вроде глухого удара. Ее пульс учащается. Она на цыпочках заходит на лестничную площадку. Звук раздастся снова. И еще раз. Затем — при этом звуке ее сердце едва не выскакивает из груди — кто-то прочищает горло.

Мистер Ройл, думает она, это, должно быть, мистер Ройл, адвокат. Кто еще это может быть? Войдя сюда, она закрыла за собой дверь. Она это точно помнит.

— Привет! — кричит она. — Здравствуйте, мистер Ройл!

В ответ тишина. Мгновенное, демонстративное молчание.

— Привет! — снова кричит она. И вновь давящая тишина, как будто на крышу дома уселся медведь. Ей кажется, будто она слышит биение чужого пульса.

Она мысленно перебирает другие загадки, о которых узнала из статьи: покинувшие дом дети, загадочный некто, оставшийся, чтобы ухаживать за ней. Она вспоминает каракули на стенах, полоску ткани, свисающую с радиатора отопления, царапины на стенах, невнятную записку, оставленную ее родителями, голубые розы на скрипучей детской кровати, листы бумаги, сорванные со стен, пятна крови и замки с наружной стороны дверей детских комнат.

Затем она снова вспоминает аккуратную лужайку у дома своей подруги Эйприл, ее пряный кускус, пронзительно-оранжевый «апероль» в бокалах, потные ноги в ледяной воде надувного бассейна. Она думает о красавчике Дэнни и о потенциальных детях, которые у них могут родиться, когда ей будет тридцать. Или раньше. Да, почему не раньше? Зачем откладывать? Ей ничто не мешает продать этот дом с его мрачным, ужасным прошлым, с заплесневелым холодильником и заглохшим садом, с человеком на чердаке, топающим по половицам и покашливающим. Она может продать его сейчас и стать богатой, выйти замуж за Дэнни и завести детей. Какая разница, что здесь произошло. Ей не интересно это знать.

Она копается в сумочке, достает ключи, запирает большую деревянную входную дверь на врезной и навесной замок и с облегчением выходит на горячий тротуар. Выйдя, достает из сумочки телефон.

В приглушенном свете мастерской по ремонту музыкальных инструментов Люси вертит свою скрипку и так и сяк. Затем прижимает ее подбородком и быстро играет трехоктавную мажорную гамму и арпеджио, проверяя звучание. Похоже, с ним все в порядке: она не услышала ни «волчьих нот», ни посвистывания.

Она с улыбкой поворачивается к мсье Винсенту.

— Это потрясающе, — говорит она по-французски. — Даже лучше, чем было раньше.

Ее сердце успокаивается. Пока она спала на пляжах и под эстакадами автомагистрали, она даже не осознавала, сколь тяжело ей было расстаться со своим инструментом и сколько ненависти она носила в душе к пьяным придуркам, разбившим ее скрипку. Но, что самое главное, она не осознавала, как сучали ее пальцы по смычку и струнам.

Она отсчитывает купюры по двадцать евро и кладет их на прилавок. Мсье Винсент выписывает квитанцию, вырывает ее из блокнота и вручает ей. Затем берет с прилавка два леденца «Чупа-чупс» и вручает по одному каждому из детей.

— Береги свою маму, — говорит он Марко. — И свою сестру.

* * *

В прохладном вечернем воздухе, выйдя из мастерской, Люси снимает с леденца целлофановую обертку и вручает его Стелле. Затем они идут к туристическому центру. Дети сосут леденцы, собака бредет по раскаленному от зноя тротуара, вынюхивая выброшенные куриные косточки или выпавшее из чьих-то рук мороженое. У Люси до сих пор нет аппетита. Встреча с Майклом полностью отбила его.

В ресторанах и кафе уже появились первые вечерние посетители — пожилые пары или родители с маленькими детьми. Это более скупая публика, чем та, что заполнит улицы позже. Та, более поздняя, обычно бывает в состоянии подпития. Этот народ не стесняется

подходить к особе в легкомысленной тюлевой юбке и топе на бретельках, с загорелыми мускулистыми руками, большой грудью, пирсингом в носу и цепочкой на лодыжке, с двумя красивыми, сонного вида детьми, сидящими на коврик для йоги позади нее в тени дерева. Рядом с ними, положив голову на лапы, лежит облезлый терьер породы джек-рассел. Эту публику не напрягают усталые малыши, которым давно пора спать. Они не задаются циничным вопросом о том, на что она потратит полученные деньги — на наркотики или алкоголь, и не служат ли дети и собака лишь для того, чтобы вызвать у окружающих жалость, и не побьет ли она их, когда они вернутся домой, если она не заработает достаточно денег. Она всякого наслушалась за эти годы. В чем ее только не обвиняли! Но теперь у нее очень толстая кожа.

Она достает из рюкзака шляпу. Раньше Марк называл ее «шляпой для денег». Теперь он называет ее «шляпой для попрошайничества». Он ненавидит эту шляпу.

Она кладет ее на землю перед собой, открывает футляр и вытаскивает скрипку. Затем оглядывается, проверяя, удобно ли устроились дети. У Марко есть книга для чтения. У Стеллы раскраска. Сын устало смотрит на нее.

— Мы долго здесь будем?

Ох уж эта подростковая нетерпеливость, а ведь ему еще нет и тринадцати. До его дня рождения еще много, много месяцев.

— Пока я не заработаю денег на неделю в «Голубом доме».

— И сколько это стоит?

— Пятнадцать евро за ночь.

— Не знаю, почему ты не попросила у моего отца больше денег. Он бы не обеднел, если бы дал тебе еще одну сотню. Без всяких проблем.

— Марко, ты знаешь почему. А теперь не мешай мне.

Марко фыркает себе под нос и поднимает брови. Затем опускает взгляд в книгу. Люси поднимает скрипку к подбородку, отводит правую ногу в сторону, закрывает глаза, делает глубокий вдох и начинает играть.

Сегодня хороший вечер. Вчерашний ливень принес прохладу. Сейчас не так жарко, как обычно, и люди более расслаблены. Сегодня вечером многие останавливаются поглазеть и послушать, как Люси играет на скрипке. Она исполняет каверы песен из репертуара групп Rogues и Dexys Midnight Runners. Во время исполнения одной только песни Come On Eileen, по ее прикидкам, ей в шляпу упало примерно пятнадцать евро. Люди танцуют и улыбаются. Одна пара лет за тридцать дает ей купюру в десять евро, потому что они только что обручились. Женщина средних лет дает ей пятерку, потому что ее отец играл на скрипке, и Люси своей игрой растрогала ее и напомнила о счастливом детстве.

К половине девятого Люси поиграла в трех местах и заработала почти семьдесят евро. Она собирает детей, собаку и сумки. У Стеллы уже слипаются глаза. Люси с грустью вспоминает те дни, когда можно было усадить Стеллу в коляску, отвезти домой, вынуть и сразу положить в кровать. Теперь же она должна разбудить ее, заставить идти, стараться не кричать на нее, когда она хнычет от того, что слишком устала.

От променада до «Голубого дома» десять минут ходьбы. Он стоит на полпути к холму, где раскинулся Замковый холм. Это длинное узкое здание, первоначально выкрашенное в небесно-голубой цвет, когда-то было элегантным особняком с видом на Средиземное море. Теперь же это облупившийся и серый, обветшавший от непогоды дом, со стеклами в трещинах, увитый цепляющимся за водосточные трубы плющом.

В 1960-х годах дом купил некто по имени Джузеппе. Он довел дом до ручки, после чего продал новому владельцу, который заселил его разного рода бродягами, по одной семье в одну комнату. Ванные комнаты были общими, в комнатах шныряли тараканы, удобств в доме не было, плата принималась только наличными. Новый хозяин разрешил Джузеппе остаться в однокомнатной квартире на первом этаже в обмен на небольшую арендную плату и помощь в присмотре за домом и поддержании в нем порядка.

Джузеппе любит Люси.

— Будь у меня дочь, — всегда говорит он, — она была бы такой, как ты. Я клянусь.

В течение нескольких недель после того, как ее скрипку разбили, Люси не платила за жилье и ждала, когда хозяин дома ее выгонит. Но один из жильцов сказал ей, что Джузеппе платит за нее. Она в тот же вечер собрала вещи и ушла, не попрощавшись.

Они доходят до поворота к «Голубому дому». Люси нервничает, а затем и вовсе впадает в панику. Что, если у Джузеппе нет для нее комнаты? Что, если он зол на нее за то, что она ушла, не попрощавшись, и захлопнет у нее перед носом дверь? Или вдруг он куда-то уехал? Или умер? Или дом сгорел?

Но нет, он подходит к двери, приоткрывает ее, не снимая цепочки, смотрит в щель и улыбается сквозь седоватые заросли бороды и усов, демонстрируя ряд коричневых зубов. Заметив ее скрипку, он улыбается еще шире.

— Моя девочка, — говорит он, снимая цепочку и открывая дверь. — Мои дети. Моя собака! Входите!

Пес сходит с ума от радости: прыгает в объятия Джузеппе и едва не сбивает его с ног. Стелла обнимает его за ноги, Марко прижимается к Джузеппе и позволяет ему поцеловать себя в макушку.

— У меня есть семьдесят евро, — говорит Люси. — Этого хватит на несколько ночей.

— У тебя есть скрипка. Можешь оставаться здесь, сколько захочешь. Смотрю, ты похудела за это время. Вы все худые, кожа да кости. У меня есть только хлеб. И немного ветчины. Правда, ветчина не очень хорошая, зато у меня есть неплохое масло...

Они идут за ним в его квартиру на первом этаже. Пес тут же прыгает на диван, сворачивается клубком и смотрит на Люси, словно говоря: «Ну наконец-то». Джузеппе идет в свою крошечную кухню и возвращается с хлебом, ветчиной и тремя крошечными стеклянными бутылочками «Оранжевые». Люси садится рядом с псом на диван, гладит его и вздыхает, чувствуя, как внутреннее напряжение постепенно оставляет ее. Затем сует руку в рюкзак и нащупывает телефон.

За ночь аккумулятор полностью разрядился. Она достает зарядное устройство.

— Можно я заряджу телефон? — спрашивает она у Джузеппе:

— Конечно, любовь моя. Здесь есть свободная розетка.

Она подключает телефон и удерживает кнопку включения, ожидая, когда он оживет.

Уведомление все еще там.

Малышке 25 лет.

Она сидит за кофейным столиком и смотрит, как дети уплетают хлеб с ветчиной. Унижения прошлой недели начинают отпускать ее и постепенно исчезают, как волны смывают следы на песке. У ее детей есть крыша над головой. У нее есть еда. У нее есть скрипка. У нее есть кровать, чтобы спать. У нее есть деньги в кошельке.

Джузеппе наблюдает за тем, как едят дети. Затем переводит взгляд на Люси и улыбается.

— Я так волновался за вас всех. Где вы были?

— О, — беззаботно отвечает она, — жили у знакомых.

— Но... — начинает Марко.

Она толкает его локтем в бок и поворачивается к Джузеппе.

— Маленькая птичка начирикала мне на ушко, что ты делал, старый греховодник. И я не могла этого вынести. Просто не могла. И я знала: скажи я тебе, что я ухожу, ты бы убедил меня остаться. Поэтому мне пришлось улизнуть, и, если честно, у нас все было хорошо. В полном порядке. Ты только посмотри на нас! У нас все хорошо.

Она кладет Фитца на колени и прижимает его к себе.

— А у тебя снова есть скрипка?

— Да, я вернула свою скрипку. Так скажи... у тебя есть свободная комната? Не обязательно наша обычная. Любая. Нас устроит любая.

— Комната есть. Правда, в задней части дома и без красивого вида из окон. И слегка темноватая. И еще душ сломан, есть один только кран. Если ты согласна, я уступлю ее тебе за двенадцать евро за ночь.

— Да, — говорит Люси, — я согласна! — Она опускает собаку, поднимается на ноги и обнимает Джузеппе. Он пахнет старостью и пылью, немного грязью и потом, но ей все равно. — Спасибо, — говорит она, — большое спасибо.

* * *

Этой ночью они спят на крошечной двуспальной кровати в темной комнате в задней части дома. Шуршание автомобильных шин по нагретому асфальту соперничает со скрипом дрянного пластикового вентилятора, гоняющего по комнате духоту, орущим в соседней комнате телевизором и жужжащей мухой, застрявшей между занавесками и окном. Спящая Стелла ткнула кулачком в лицо Люси, Марко тихонько стонет во сне, а собака храпит. Но Люси мгновенно проваливается в сон и впервые за целую неделю спит крепко, глубоко и долго.

Этот день, 8 сентября 1988 года, должен был стать моим вторым днем учебы в большой школе, но как вы, наверное, уже догадались, в этом году я так и не пошел в свою долгожданную большую школу, в школу, где я бы встретил родственные души, друзей и товарищей на всю жизнь. В то лето я все время спрашивал маму:

— Когда мы пойдем в «Хэрродс» и купим мне форму?

И она отвечала:

— Давай подождем до конца каникул, вдруг ты сильно вырастешь.

Приближался конец каникул, но мы до сих пор так и не сходили в «Хэрродс».

А также не побывали в Германии. Обычно мы ездили туда на неделю или две, погостить у моей бабушки в ее просторном доме в Шварцвальде, с бассейном и шелковистыми сосновыми иглами под ногами. Но этим летом мы, похоже, не могли себе этого позволить, и если мы не могли позволить себе полететь в Германию, то как, думал я, мы сможем оплатить обучение в школе?

К началу сентября мои родители подали заявления в местные государственные школы и внесли наши имена в очередь на зачисление. Они никогда конкретно не говорили, что у нас возникли финансовые проблемы, но было ясно, что дело обстоит именно так. У меня несколько дней болел живот, потому что я боялся, что в школе меня будут травить.

О, такие пустяковые, крошечные проблемы. Такие ничтожные заботы.

Оглядываясь в прошлое, я вижу одиннадцатилетнего себя: странноватый мальчик, среднего роста, худощавый. Голубые глаза матери, каштановые волосы отца, коленки, похожие на картофелины, насаженные на палки, недовольно поджатые тонкие губы, слегка высокомерное поведение. Избалованный мальчик, убежденный, что все главы его жизни уже аккуратно написаны и будут, как полагается, следовать одна за другой. Я оглядываюсь на него, и мне хочется врезать ему по его глупому, надменному, наивному лицу.

* * *

Присев на корточки, Джастин перебирал руками растения, которые он выращивал в огороде.

— Лекарственные травы: сажаем, выращиваем, применяем, — объяснил он мне, нараспев растягивая слова. — Крупные фармацевтические компании задались целью развратить нашу планету. Через двадцать лет мы станем страной наркоманов, получающих всякую дрянь по рецепту в аптеке, а государственное здравоохранение будет стоять на коленях, пытаюсь заплатить за «конфетки» больной нации. Я хочу повернуть время вспять и использовать для лечения повседневных заболеваний то, что дает нам земля. Чтобы вылечить головную боль, вам не нужно восемь типов химических соединений. Твоя мать заявила, что отказывается употреблять таблетки и готова принимать мои настойки.

Я смотрел на него. В нашей семье мы все принимали таблетки. Не одни, так другие. Таблетки от сенной лихорадки, таблетки от простуды, таблетки от болей в животе и головной боли, от невралгических болей в детском возрасте и от похмелья. У моей матери даже имелись таблетки от того, что она назвала «грустными чувствами». У моего отца были таблетки от сердца и таблетки, замедлявшие выпадение волос. Таблетки от всего на свете. И вот теперь мы, похоже, будем выращивать полезные травы и сами делать лекарства. Что предполагало веру в их чудодейственные свойства.

* * *

Во время летних каникул у моего отца случился микроинсульт. Его последствиями стала хромота и нарушение нормальной дикции. Отец стал не похож на себя прежнего. Видя его состояние, я чувствовал себя непривычно уязвимым, как будто в крепостных стенах нашей семьи была пробита небольшая, но серьезная брешь.

Его личный врач, человек неопределенного возраста по имени доктор Броутон, который жил и принимал пациентов в шестиэтажном доме за углом, пришел осмотреть его после того, как отец вернулся из

больницы, где провел ночь. Они с отцом сидели в саду, курили сигары и обсуждали дальнейшее лечение.

— Знаете, Генри, вам нужен хороший реабилитолог-физиотерапевт. К сожалению, все реабилитационные физиотерапевты, которых я знаю, просто ужасны.

Они рассмеялись, и мой отец произнес:

— Я не уверен, я больше ни в чем не уверен. Но я попробую. Если честно, я готов на что угодно, просто чтобы стать прежним.

Пока они беседовали, Берди ухаживала за аптекарским огородом Джастина. Было жарко, и на ней был тонкий муслиновый топик, сквозь который просвечивались ее соски. Она сняла мягкую холщовую шляпу и остановилась перед моим отцом и его доктором.

— Я знаю кое-кого, — заявила она, уперев руки в боки. — Просто удивительный человек. Можно сказать, чудотворец. Он использует энергию. Он умеет перемещать энергию ци по всему телу. Он избавил моих хороших знакомых от боли в спине. От мигрени. Я попрошу его прийти и посмотреть вас.

Я слышал, как мой отец запротестовал. Но Берди сказала:

— Нет, Генри, это самое малое, что я могу сделать. Самое малое. Я позвоню ему прямо сейчас. Его зовут Дэвид. Дэвид Томсен.

* * *

Тем утром я был в кухне с матерью, наблюдая, как она делает сырные оладьи. Неожиданно звякнул дверной звонок. Мать вытерла руки о фартук, нервно поправила концы завитых волос и сказала:

— Ах, это, наверное, Томсены.

— Кто? — спросил я, забыв про рекомендации Берди на прошлой неделе. — Какие еще Томсены?

— Знакомые, — с воодушевлением ответила она. — Друзья Берди и Джастина. Муж — физиотерапевт. Он будет работать с твоим отцом, попытается вернуть его в прежнюю форму. Она — дипломированный учитель. Будет учить вас дома, не очень долго. Согласись, что это просто здорово?

Я не успел попросить маму рассказать больше об этом стремительном и довольно шокирующем событии, потому что она

открыла дверь. С отвисшей нижней челюстью я наблюдал, как они вошли в дом.

Первой вошла девочка, лет девяти-десяти. Черные волосы, стрижка под пажа, комбинезон с обрезанными штанинами, поцарапанные коленки, размазанный по щеке след шоколада. От нее веяло едва сдерживаемой энергией. Ее звали Клеменси.

Следом вошел мальчик моего возраста или чуть старше, белокурый, высокий, с темными мохнатыми ресницами, касавшимися, казалось, его острых скул. Руки были засунуты в карманы шикарных синих шорт, на глаза спадала длинная челка, которую он легко смахивал, мотнув головой. Его звали Финеас. Как нам сказали, Фин для краткости.

За ними вошла их мать. Ширококостная, бледная, с плоской грудью, длинными светлыми волосами и на вид слегка нервная. Это, как я потом узнал, была Салли Томсен.

И, наконец, вошел отец этих детей — высокий, широкоплечий, подтянутый, загорелый, голубоглазый, коротко стриженный брюнет с полными губами. Дэвид Томсен. Он крепко сжал мою руку в своих ладонях.

— Рад познакомиться, молодой человек, — произнес он тихо и вкрадчиво.

Затем он отпустил мою руку, по очереди улыбнулся каждому из нас и сказал:

— Рад познакомиться со всеми вами.

* * *

В тот вечер Дэвид настоял на том, что пригласит нас всех на ужин. Был четверг, и все еще было тепло. Тем вечером я потратил уйму времени на то, чтобы придать своей внешности некий лоск, причем не просто так, как обычно, когда было достаточно убедиться, что моя одежда чистая, прическа в волосах ровная, а манжеты — прямые, но более стильным образом. Мальчик по имени Финеас очаровал меня не только своей красотой, но и стилем одежды. Кроме синих шорт, он носил красную рубашку поло с белыми полосками на воротнике и ослепительно-белые кроссовки «Аидас» с белыми носками до

щиколотки. В тот вечер я перерыл свой гардероб в поисках чего-нибудь столь же модного и спортивного. Все мои носки доходили мне до икр, только у моей сестры были носки по щиколотку.

А все мои шорты были из шерстяной ткани, а на всех моих рубашках имелись пуговицы. В какой-то момент я даже подумал, не надеть ли мне мой старый комплект спортивной формы, но быстро отказался от этой идеи, как только понял, что та с самого последнего урока все еще лежала, мятая, в моей сумке для физкультуры. В конце концов я остановился на простой синей футболке, джинсах и парусиновых туфлях на резиновой подошве. Я попытался зачесать непокорные волосы на брови, в подражание челке Финеаса, но они упорно сопротивлялись всем моим стараниям. Прежде чем выйти из комнаты, я смотрел на себя целых двадцать секунд, ненавидя свое ужасно глупое лицо, убогость моей футболки и унылый покрой моих джинсов John Lewis для мальчиков. Издав сдавленный рык, я пнул стену и направился вниз.

Фин был уже там, в коридоре, — сидел на одном из двух огромных деревянных стульев, стоявших по обе стороны от лестницы, и читал книгу. Прежде чем войти, я пару секунд смотрел на него сквозь балюстраду. Такого красивого, как он, я видел впервые в жизни. Я почувствовал, что мои щеки горят, а сам впился взглядом в его лицо, особенно в изящный контур губ: те как будто были вылеплены из самой мягкой, самой красной глины так, что даже кончик пальца оставил бы на них отпечаток. Его кожа напоминала тонкую замшу, туго натянутую на острые скулы, отчего казалось, что они вот-вот пронзят ее. А восхитительный пушок под носом — легкий намек на будущие усы!

Он снова мотнул головой, смахивая с глаз челку, и, равнодушно посмотрев на меня, пока я спускался вниз, вновь устремил взгляд в книгу. Я хотел спросить его, что он читает, но не стал. Я чувствовал себя неловко, не зная, где мне встать и как. Впрочем, вскоре появились остальные: сначала мои родители, потом девочка по имени Клеменси, которая шла вместе с моей сестрой — они уже познакомились и весело болтали друг с дружкой, потом Салли, потом Джастин и Берди, и, наконец, заключенный в круг света, падавшего на верхнюю лестничную площадку, Дэвид Томсен.

* * *

Что мне рассказать вам про Дэвида Томсена с точки зрения моего детского восприятия? Наверно, то, что он был красив. Но не мягкой, почти женственной красотой, как его сын, а более традиционной. У него была плотная щетина, которая казалась нарисованной, мощный, красивой лепки лоб, животная энергия, несомненная сила. Любой, кто стоял рядом с ним, невольно казался меньше, чем был на самом деле. Признаюсь честно, он в равной мере околдовывал меня и вселял в меня ужас. Скажу также, что в его присутствии моя мать вела себя странно, не кокетливо, а скорее более осторожно, как будто не доверяла самой себе. Он был одновременно напыщенным и приземленным, теплым и в то же время холодным. Я ненавидел его, но при этом понимал, почему другие его любят. Но все это было еще впереди. В тот первый вечер был тот самый первый ужин, когда все пытались показать себя с лучшей своей стороны.

* * *

Наша компания втиснулась за длинный стол ресторана «Челси китчен», рассчитанный только на восемь человек. Всех детей посадили за один конец стола, в результате чего я оказался локоть к локтю с Финеасом. Близость к нему привела меня в странное возбуждение: мои нервные окончания были наэлектризованы, а тело трепетало и жаждало чего-то такого, что мне по молодости лет было трудно понять. Так что у меня не было иного выбора, кроме как отвернуться от него.

Я посмотрел вдоль всей длины стола на моего отца, сидевшего во главе его.

При взгляде на него внутри меня как будто что-то оборвалось, словно ухнула вниз, на дно шахты, кабина лифта. Тогда я не понимал, что это за чувство, но теперь могу с уверенностью сказать: это был жуткий момент предвидения будущего. Я видел, как в обществе великана Дэвида Томсена мой отец внезапно как будто стал ниже ростом, а его право на место во главе стола, некогда столь неоспоримое и безоговорочно признаваемое всеми, пошатнулось.

Даже не считая последствий инсульта, все за столом были умнее его, и я тоже.

Оделся он по-дурацки — в слишком тесный пиджак с темно-розовым платком в нагрудном кармане, который явно не гармонировал с его рыжими волосами. Я видел, как он ерзает на своем стуле. Видел, как разговор проносился над его головой, как облака в ветреный день. Видел, как он изучал меню дольше, чем было необходимо. Видел, как Дэвид Томсен наклонился через стол к моей матери, чтобы что-то ей сказать, а затем вновь откинулся назад, наблюдая, как она отреагирует.

Я видел все это, видел, и на каком-то подсознательном, но невероятно болезненном уровне уже понимал: у меня прямо под носом началась борьба за власть и уже тогда, в тот нулевой момент, мой отец проиграл.

В понедельник утром Либби опаздывает на работу на двадцать минут. Дайдо удивленно смотрит на нее. Не в привычках Либби опаздывать на работу.

— Я собиралась позвонить тебе, — говорит она. — С тобой все в порядке?

Либби кивает, достает из сумки телефон, затем бальзам для губ и кардиган, кладет сумку под стол, распускает волосы, снова связывает их в хвост, вытаскивает стул и тяжело плюхается на стул.

— Извини, — говорит она, в конце концов. — Я совсем не спала прошлой ночью.

— Я как раз это собиралась сказать, — говорит Дайдо. — Ты выглядишь ужасно. Жара?

Либби кивает. Но на самом деле жара здесь ни при чем. Причина в том, что занимает все ее мысли.

— Давай я сделаю тебе крепкий кофе.

Обычно Либби сказала бы: нет, нет, нет, я могу сама заварить себе кофе. Но сегодня собственные ноги кажутся ей свинцовыми, а голова такая тупая, что она лишь кивает и благодарит коллегу. Она наблюдает за тем, как Дайдо заваривает кофе, и, глядя на ее блестящие черные крашенные волосы, на то, как она стоит, широко расставив маленькие ноги в массивных темно-зеленых бархатных кроссовках и сунув одну руку в карман черного платья-балахона, постепенно приходит в себя.

— Вот, — говорит Дайдо, ставя чашку на стол Либби. — Надеюсь, что это поможет.

Либби знает Дайдо уже пять лет. Она знает о ней все. Знает, что ее мать была именитой поэтессой, а отец — известным редактором газеты, что она выросла в одном из самых знаменитых домов Сент-Олбанса и воспитывалась дома гувернанткой. Она знает, что ее младший брат умер, когда ему было двадцать лет, и что последние одиннадцать лет она не занималась сексом. Она знает, что Дайдо живет в крошечном коттедже на краю поместья ее родителей и что у нее есть лошадь, на которой она каталась еще подростком, и что эту лошадь зовут Блестка. Она знает, что этот потрясающий старинный дом

родители Дайдо завещали не ей, а Обществу охраны памятников, но она воспринимает это спокойно.

Она знает, что Дайдо обожает: чай PG Tips, Бенедикта Камбербэтча, лошадей, шоколадную пасту «джандуйя», кокосовое молоко, сериал «Доктор Кто», дорогие матрасники, духи Orange Blossom Jo Malone, картофель фри, сетевые кафе «Нандос» и косметические маски. Но она никогда не была дома у Дайдо и не знакома с ее родителями или друзьями. Она никогда и нигде не видела Дайдо в нерабочее время, кроме ежегодной рождественской вечеринки в шикарном загородном отеле и редких выпивок по случаю чьего-то увольнения. На самом деле она не знает, кто такая Дайдо.

Но в эти мгновения она смотрит на Дайдо и внезапно со всей ясностью понимает: Дайдо — именно тот человек, в котором она сейчас нуждается. В субботу вечером она сидела на заднем дворе в доме Эйприл, вяло флиртуя с Дэнни, — тот оказался не таким уж и крутым, у него мордашка восьмилетнего ребенка и очень маленькие руки, — но сейчас ей нужен кто-то, с кем можно поговорить о безумных вещах, происходящих с ней, о доме и журнальной статье, о мертвых родителях и кашлявшем на чердаке человеке. Но все, кого она видела вокруг себя, были такие же люди, как и она сама, нормальные люди, живущие обычной жизнью, или дома, с родителями, или в крошечных квартирках с партнерами и друзьями, с невыплаченными студенческими займами, обыкновенной работой, обыкновенными мечтами, искусственным загаром из солярия, собачками, белыми зубами и чистыми волосами. Она чувствовала себя отвратительно, пойманная между двумя мучительно несопоставимыми мирами. Не в силах больше это терпеть, она ушла еще до одиннадцати, вернулась домой к своему ноутбуку и вновь зашла в интернет, чтобы узнать, что же случилось с Серенити Лэм.

Увы, это породило больше вопросов, чем дало ответов, и в два часа ночи Либби, наконец, захлопнула крышку ноутбука и легла спать. Но ее сон был беспокойным, а сновидения полны странных лейтмотивов и встреч.

— Мне нужен совет, — обращается она к Дайдо. — Относительно Челси.

— Угу, — отвечает Дайдо, потирая массивный серебряный кулон, висящий на цепочке у нее на шее. — Какой совет?

— Просто хочу поговорить. Ну ты знаешь, о... домах. Мне казалось, ты разбираешься в домах.

— Я знаю только об одном доме. Не о домах в целом. Но вообще-то... да, почему бы и нет. Приходи на ужин.

— Когда?

— Сегодня вечером? Придешь?

— Да, приду, — отвечает Либби, — обязательно.

* * *

Дом у Дайдо красивый: два фасада, окна в свинцовых рамах, розовые розы в палисаднике. Рядом с домом стоит ее блестящий черный «Фиат Спайдер» с коричневой складной крышей. Автомобиль как будто дополняет дом, а дом дополняет автомобиль, и Либби не может удержаться от того, чтобы достать из сумки телефон и сфотографировать его для своей страницы в инстаграме. Дайдо встречает ее у двери в широких брюках с цветочным принтом и черном топике. Ее волосы зачесаны назад, их удерживают большие солнцезащитные очки в красной оправе, сдвинутые на макушку. Кроме того, она босиком. Раньше Либби неизменно видела ее в массивной обуви на низком каблуке, поэтому ей удивительно видеть маленькие белые ступни с идеальным бледно-розовым педикюром.

— Здесь так красиво, — говорит Либби, проходя в маленькую дверь в белый коридор с терракотовым плиточным полом. — Просто нет слов.

Похоже, дом Дайдо полон полученного в наследство антиквариата. Либби не видит ни единой вещи из интернет-магазина ТК Махх. Стены увешаны броскими абстрактными картинами. Либби вспоминает, что Дайдо однажды упомянула, что ее мать также художница. Дайдо ведет Либби через французские двери в задней части дома, и они устраиваются в симпатичном садике на старомодных плетеных ротанговых стульях, на которые брошены декоративные подушки с цветочным орнаментом. Либби обводит взглядом задний двор красивого дома Дайдо, и ей в голову приходит мысль, что той, возможно, на самом деле не нужно работать. Похоже, ее работа дизайнера шикарных кухонь — всего лишь милое хобби.

Дайдо выносит миску с салатом из киноа и авокадо, еще одну с вареным картофелем, каравай темного хлеба и два бокала для просекко, которое Либби принесла с собой.

— Давно ты здесь живешь? — спрашивает Либби, намазывая масло на хлеб.

— С двадцати трех лет, когда я вернулась из Гонконга. Это был дом моей матери. Она сохранила его для меня. Мой брат должен был унаследовать дом, но потом все изменилось...

Либби глуповато улыбается. «Дом». «Коттедж». Совсем другой мир.

— Это так грустно, — говорит она.

— Да, — соглашается Дайдо. — Но дом — это проклятие. Я рада, что он не имеет ко мне никакого отношения.

Либби кивает. Еще неделю назад она не знала, что большие красивые дома — проклятие, теперь она ближе к пониманию этого факта.

— Итак, расскажи мне о своем доме. Расскажи все.

Либби делает глоток просекко, ставит бокал на стол и откидывается на спинку стула.

— Я нашла статью, — начинает она. — В «Гардиан». Про дом. Про моих родителей. Про меня.

— Про тебя?

— Да, — говорит Либби, потирая локти. — Все это очень странно. Видишь ли, когда мне был почти год, меня удочерили. Дом в Челси принадлежал моим биологическим родителям. И, согласно той статье, я родилась в секте.

Это слово, слетевшее с ее губ, звучит ужасно. Слово, которое она изо всех сил старалась избегать, чтобы даже не задумываться о нем. Оно так расходится с наивной фантазией, в которой она жила всю свою жизнь. Дайдо даже слегка дрожит от волнения.

— Что-что?

— В секте. Согласно этой статье, в том доме в Челси обитала своего рода секта. Там жили самые разные люди. Жили по-спартански. Спали на полу. Носили одежду, которую шили сами. И все же... — Она лезет в сумочку и достает распечатку статьи. — Взгляни, это мои родители за шесть лет до моего рождения, на благотворительном балу. Нет, ты посмотри на них.

Дайдо берет статью из ее рук и рассматривает фото.

— Черт, — говорит она, — это же просто шик!

— Знаю! Моя мать была светской львицей. Она возглавляла рекламную фирму в области моды. Когда-то она даже была помолвлена с австрийским князем. Это была просто потрясающая женщина!

Было странно и непривычно видеть лицо матери. Та чем-то напоминала Присциллу Пресли — те же крашенные черные волосы и пронзительно-голубые глаза.

Ее мать оправдывала каждую из ее детских фантазий, вплоть до работы в пиар-агентстве. А вот отец... да, он был очень хорошо одет, но ростом ниже, чем она себе его представляла, ниже ее матери. У него высокомерно вскинут подбородок. Но было в его взгляде нечто колючее: казалось, он смотрел на фотографа так, будто ожидал подвоха. Он обнимал Мартину Лэм за талию, и на снимке можно было разглядеть кончики его пальцев. Она удерживала наброшенную на плечи шелковую шаль, и сквозь тонкую ткань ее вечернего платья слегка выпирали ее подвздошные кости. Согласно тексту статьи, это было последнее фото, запечатлевшее «светскую пару» до того, как они исчезли из поля зрения и семь лет спустя были найдены мертвыми на полу их кухни.

— У меня были брат и сестра, — говорит Либби. Ее потрясение так свежо, что слова слетают с ее губ одно за другим, без промежутков.

Дайдо поднимает на нее глаза.

— Вот оно как! — говорит она. — И что же с ними случилось?

— Никто не знает. Адвокат склонен думать, что их, похоже, уже нет в живых.

Вот он. Самый тяжелый из всех этих жутко тяжелых фактов, давивших на нее все эти нескольких дней. Этот факт приземляется между ними, массивный, как метательный молот.

— О господи, — ахает Дайдо. — Это надо же... но как такое могло случиться?

Либби пожимает плечами.

— Полиция пришла в дом по звонку соседей. Копы нашли на кухне тела моих родителей и еще одного человека. Все трое были мертвы. Похоже, это было групповое самоубийство. А потом они обнаружили меня, малышку десяти месяцев от роду, цветущую и

здоровую... в кроватке наверху. Но никаких следов моего брата и сестры.

Дайдо, разинув рот, окидывается на спинку стула и пару секунд молчит.

— Ну хорошо. — Она садится ровно, подается вперед и сжимает пальцами виски. — Итак, там была секта. И твои родители совершили групповое самоубийство с каким-то случайным человеком...

Либби кивает.

— Они отравились ядовитыми растениями, которые выращивали в аптекарском огороде.

У Дайдо вновь отвисает челюсть.

— Да, — сухо говорит она. — Разумеется. Черт! И что потом?

— В доме жили другие люди. Возможно, другая семья, с детьми. Но когда туда приехала полиция, там никого не оказалось. Только трупы и я. Все дети просто... просто исчезли. С тех пор о них никто не слышал.

Дайдо вздрагивает и прижимает ладонь к груди.

— Включая твоего брата и сестру?

— Да, — отвечает Либби. — Их не видели долгие годы. Соседи предположили, что они учатся в школе-интернате. Но ни одна школа не подтвердила, что они там учатся. Но один из них, похоже, оставался в доме после смерти моих родителей, потому что кто-то в течение нескольких дней явно присматривал за мной. Мой подгузник был чистым. А когда меня вынули из кроватки, то нашли вот это. — Либби достает из сумочки кроличью лапку и передает ее Дайдо. — Это было спрятано среди моих одеял.

— На счастье, — высказывает предположение Дайдо.

— Думаю, да, — соглашается Либби.

— А другой человек, который умер, тот, третий... — спрашивает Дайдо. — Кто это был?

— Никто не знает. Полицейские не нашли никаких документов, которые позволили бы было установить его личность, только инициалы в предсмертной записке. Никто не сообщал о его исчезновении, никто не узнал его по полицейским зарисовкам. Считается, что он был бродягой. Может, даже цыганом. Что, возможно, объясняет вот это.

Она указывает на кроличью лапку в руке Дайдо.

— Цыгане. — Дайдо как будто смакует это слово. — Это надо же!

— И этот дом, он такой странный. В нем темно. Я была там в субботу утром и кое-что услышала. Звуки сверху.

— Что именно?

— Там как будто кто-то ходил. И покашливал.

— И ты уверена, что это не соседи?

— Что ж, может быть. Но звуки как будто исходили с верхнего этажа. И теперь я слишком напугана, чтобы вернуться туда. Думаю, я должна просто выставить дом на продажу, избавиться от него и жить дальше. Но...

— Твои брат и сестра?..

— Мои брат и сестра. Правда о том, что случилось. Моя история. Это все связано с этим домом, и если я продам его, то никогда не узнаю, что на самом деле произошло.

Дайдо пару секунд смотрит на газетную статью. Затем переводит взгляд на Либби.

— Вот, — говорит она, постукивая кончиком пальца по верхней части газетной статьи. — Он. Тот журналист. — Она щурится на подпись. — Миллер Роу. Он тот, кто тебе нужен. Тебе нужно связаться с ним. Только представь его удивление, когда после долгих месяцев журналистских расследований он внезапно обнаружит в почтовом ящике твое письмо! Серенити Лэм собственной персоной. В комплекте с той самой кроличьей лапкой.

Обе на мгновение умолкают и смотрят на кроличью лапку. Та лежит на садовом столике в лужице мягкого пятнистого вечернего света.

Либби берет из рук Дайдо статью и находит подпись. «Миллер Роу». Необычное имя. Такое поисковик найдет в два счета. Она достает из сумки телефон и вбивает имя в поисковую строку. Через минуту у нее уже есть контактный адрес электронной почты «Гардиан». Она поворачивает телефон и показывает его Дайдо.

Та мудро кивает.

— Отлично, — говорит она, поднимает бокал просекко и чокается с Либби. — За Серенити Лэм, — говорит она. — И Миллера Роу. Пусть один узнает правду о другом.

В пять тридцать на следующее утро Люси не спит. Она осторожно сползает с кровати. Пес прыгивает на пол и, царапая когтями по линолеуму, идет следом за ней в кухню. Джузеппе оставил на столе чайные пакетики, банку растворимого кофе и пакет бриошей с шоколадом. В холодильнике стоит бутылка молока. Люси наливает кастрюльку, ставит ее на огонь, чтобы вскипятить воду, садится на пластиковый стул в углу и смотрит на занавешенное окно. Спустя мгновение она встает и отдергивает занавеску, снова садится и смотрит на здание напротив. Его темные окна отражают оранжевый цвет раннего рассвета, серые стены ненадолго становятся розовыми. Небо над головой светло-голубое, и в нем кружатся стаи птиц. Уличное движение пока еще слабое, единственные звуки в эти минуты — это бульканье закипающей воды и шипение газовой горелки.

Люси изучает свой телефон. Ничего. Пес многозначительно смотрит на нее. Его хозяйка открывает дверь в их комнату, затем заднюю дверь на улицу и жестами приказывает ему выйти наружу. Фитц проходит мимо нее вон, на полминуты поднимает лапу, орошая внешнюю стену здания, затем вновь забегает внутрь.

Войдя в комнату, Люси берет рюкзак и расстегивает внутренний карман. Там лежит ее паспорт. Она открывает его. Как она и подозревала, срок его действия истек три года назад. В последний раз она пользовалась им, когда Марко было два года, и они с Майклом свозили мальчика в Нью-Йорк, чтобы показать внука его родителям. Вскоре они расстались, и с тех пор она ни разу не пользовалась документом.

Этот паспорт сделал для нее Майкл. Он заказал его для их медового месяца на Мальдивах.

— Дай мне свой паспорт, дорогая, — сказал он, — мне нужны сведения о тебе.

— У меня нет паспорта, — сказала она.

— Тогда тебе придется обновить его и как можно скорее, или медового месяца у нас не будет.

Она вздохнула и посмотрела на Майкла.

— Послушай, — сказала она. — У меня нет паспорта. И точка. У меня никогда не было паспорта.

Он замер и в упор посмотрел на нее. Все мысли в его голове были отчетливо видны сквозь его разинутый рот.

— Но...

— Я приехала во Францию как пассажир... в машине. Когда я была намного моложе. Никто не просил меня показать мой паспорт.

— Чья была машина?

— Я не помню. Просто машина.

— То есть... машина незнакомца?

— Не совсем. Нет.

— Но о чем ты думала? Если бы у тебя попросили паспорт, что бы ты сделала?

— Я не знаю.

— И как ты жила? Я имею в виду...

— Так, как когда ты нашел меня, — резко ответила она. — Играла на скрипке, собирала центы. Чтобы наскрести денег и заплатить за ночлег.

— С тех пор, как была ребенком?

— С тех пор, как была ребенком.

Тогда она доверилась ему, высокому, обаятельному американцу с теплой, добродушной улыбкой. Тогда он был ее героем. Он в течение почти целого месяца каждый вечер приходил послушать ее игру, он сказал ей, что она самая красивая скрипачка на свете, он привел ее в свой элегантный розовый дом и после того, как она полчаса пробыла в душевой кабине, выложенной золотой мозаикой, протянул ей мягкие полотенца. Он расчесал влажные пряди ее волос, и она невольно вздрогнула, когда кончики его пальцев коснулись ее голых плеч. Он отдал ее грязную одежду горничной для стирки. Та выложила ее вещи, постиранные и выглаженные и украшенные бумажным веером, на покрывало ее кровати в комнате для гостей. Тогда он был сплошь мягкие прикосновения, благоговение и нежность. Конечно, она доверилась ему.

Итак, она рассказала Майклу о себе все, всю свою историю, и он посмотрел на нее сияющими карими глазами и сказал:

— Все нормально, теперь ты в безопасности. Тебе здесь ничего не угрожает. — И потом он сделал ей паспорт. Она понятия не имела, как

и при помощи кого. Информация в нем была не совсем точной: в нем стояло не ее имя, не ее дата и место рождения. Но это был хороший паспорт, паспорт, с которым она слетала на Мальдивы и обратно, благодаря ему она побывала на Барбадосе, в Италии, Испании, Нью-Йорке, и никто никогда не задавал никаких вопросов.

И вот теперь срок его действия истек, и у нее нет средств получить новый и нет возможности вернуться в Англию. Не говоря уже о том, что у детей тоже нет паспортов, да и у пса нет ветеринарного паспорта.

Люси закрывает паспорт и вздыхает. Есть два пути обойти эти препятствия. Один из них опасный и незаконный, другой — просто опасный. Ее единственная альтернатива — вообще никуда не ехать.

При этой мысли в ее голове всплывают образы бегства из Англии двадцать четыре года назад. Она заново прокручивает в памяти эти последние моменты, как делала это тысячу раз: стук двери, захлопнувшейся у нее за спиной в последний раз, ее шепот, *я скоро вернусь, обещаю тебе, обещаю тебе, обещаю тебе*, когда она, задыхаясь, бежала в ночной тьме по Чейн-Уолк, и сердце ее бешено колотилось; у нее перехватывало дыхание, один ее кошмар заканчивался и одновременно начинался другой.

Прошло почти две недели, прежде чем Финеас Томсен снизошел до разговора со мной. Или, может быть, наоборот, кто знает. Я уверен, что у него на этот счет свое мнение. Но по моим воспоминаниям (а это целиком и полностью *мое* воспоминание) это был он.

Я, как всегда, слонялся по кухне, подслушивая разговор матери с женщинами, которые теперь, судя по всему, поселились в нашем доме. Я тогда подсознательно решил для себя: единственный способ действительно узнать, что происходит в мире, — это слушать разговоры женщин. Любой, кто игнорирует женскую болтовню, по любым меркам беднее всех остальных.

К этому времени Берди и Джастин жили с нами уже почти пять месяцев, а Томсены — почти две недели. Разговор на кухне в тот конкретный день, как и все последние две недели, был посвящен обсуждению уже в зубах навязшей темы: где жить Салли и Дэвиду. На тот момент я все еще цеплялся за глупое заблуждение, что Салли и Дэвид скоро уедут. Каждые несколько дней на горизонте появлялась возможность, которую долго обсуждали, и в воздухе ненадолго и мучительно повисало ощущение, что Салли и Дэвид вот-вот уедут, как вдруг, бац, оказывалось, что у «возможности» имеется некий неисправимый недостаток, и все возвращалось на круги своя. На данный момент такой «возможностью» был плавучий дом в Чизвике. Он принадлежал некой пациентке Дэвида, которая на целый год отправлялась путешествовать по свету с рюкзаком за спиной, и ей нужен был кто-то, кто присматривал бы за ее бородатыми ящерицами.

— Там только одна спальня, — жаловалась Салли моей маме и Берди. — И причем совсем крошечная. Конечно, мы с Дэвидом могли бы спать на койках в гостиной, но там немного тесновато из-за садков для ящериц.

— О господи! — воскликнула Берди, отдирая сухую кожу вокруг ногтей. Чешуйки падали на спину кошки. — Сколько их там?

— Садков?

— Без разницы. Да, садков.

— Без понятия. Штук шесть. Возможно, нам придется поставить их один на другой.

— А как же дети? — спросила моя мама. — Захотят ли они жить там? Особенно спать на двуспальной кровати. Ведь Фин уже взрослеет...

— Боже, это ведь лишь на короткое время. Просто пока мы не найдем что-нибудь постоянное.

Я посмотрел вверх. Это был тот самый момент, когда план обычно разваливался. Момент, когда становилось ясно, что на самом деле это был *дурацкий* план и Салли стоически произносила: «Но ведь это не навсегда», а моя мать говорила, «Это курам на смех, у нас здесь так много места. Не понимаю, куда вы так спешите».

Язык тела Салли тотчас смягчился, она улыбалась, касалась руки моей матери и говорила: «Не хочу злоупотреблять вашим гостеприимством». И моя красивая мама говорила с ее восхитительным немецким акцентом: «Чепуха, Салли. Пустяки. Не торопитесь. Что-то наверняка появится. Что-то идеальное».

Так было и в тот день, в конце сентября. План переезда в плавучий дом был рассмотрен и отмечен за рекордные восемь минут.

Должен сказать, что присутствие Томсенов разрывало меня на части. С одной стороны, они загромаждали мой дом. Не вещами как таковыми, а самими собой — своими телами, звуками, запахами, своей инаковостью. А вот моя сестра и Клеменси стали, как говорится, не разлей вода. Они скакали по дому с утра до вечера, увлеченные странными играми, смысл которых, казалось, заключался в том, чтобы произвести как можно больше шума. Мало того, Берди учила их обеих играть на скрипке, что было сущей пыткой.

И, разумеется, сам Дэвид Томсен, чье харизматическое присутствие, казалось, пронизывало каждый уголок нашего дома. Помимо спальни наверху, он также неким образом завладел нашей гостиной, в которой находился бар моего отца, превратив ее в своего рода тренажерный зал. Однажды я наблюдал за ним сквозь щель в двери, когда он, опираясь лишь на кончики пальцев, пытался оторвать свое тело от пола.

А на другом конце всего этого был Фин. Фин, который отказывался даже смотреть на меня, не говоря уже о том, чтобы говорить со мной. Фин, который вел себя так, будто меня просто не

существовало. И чем дольше он делал вид, будто в упор не замечает меня, тем сильнее мне казалось, что я не выдержу этого и умру.

И вот, наконец, в тот день это случилось. После того как было решено, что Салли и Дэвид останутся, я вышел из кухни и чуть не налетел на Фина, шагавшего мне навстречу. На нем была выцветшая толстовка с какой-то надписью и джинсы с порванными коленками. Увидев меня, он остановился и впервые встретился со мной взглядом. У меня перехватило дыхание. Я копался в своих запутанных мыслях, силясь что-то сказать, но так ничего и не придумал. Я шагнул влево; он шагнул вправо. Я сказал «извини» и шагнул вправо. Я думал, что он молча пройдет дальше, как вдруг он произнес:

— Ты ведь знаешь, что мы здесь насовсем, не так ли?

— Не понял?

— Не слушай того, что мои родители говорят о переезде. Мы никуда не собираемся. Знаешь, — продолжил он, — в том доме в Бретани мы застряли на целых два года. Хотя просто приехали туда в отпуск.

Он замолчал и выгнул бровь. Он явно ждал моего ответа, но я утратил дар речи. Я еще никогда не стоял так близко к столь прекрасному созданию. Его дыхание пахло мятой.

Он смотрел на меня, и я увидел, как по его лицу промелькнуло разочарование или даже не разочарование, а скорее досада, как будто я просто подтвердил то, что он уже подозревал: что я был скучным и тупым и не заслуживал его внимания.

— Почему у вас нет своего дома? — наконец спросил я.

Он пожал плечами.

— Потому что мой папаша слишком скуп, чтобы платить за него.

— И у вас никогда не было своего дома?

— Был. Однажды. Но он продал его, чтобы мы могли отправиться путешествовать.

— А как же школа?

— Какая школа?

— Когда ты ходишь в школу?

— Я не был в школе с шести лет. Меня учит мать.

— Ничего себе, — сказал я. — А как же друзья?

Он косо посмотрел на меня.

— Разве тебе не скучно без друзей?

Он прищурился.

— Нет, — честно ответил он. — Даже нисколько.

У него был такой вид, словно он собрался уйти. Я не хотел, чтобы он ушел. Я хотел и дальше ощущать его мятное дыхание и узнать о нем больше. Мой взгляд упал на книгу в его руке.

— Что ты читаешь? — спросил я.

Он опустил взгляд и перевернул книгу заголовком вверх. Это был «Игрок в кости» Люка Рейнхарта, роман, о котором я в то время не слышал, но который прочел впоследствии не менее тридцати раз.

— Хорошая книга?

— Все книги хорошие, — ответил он.

— Неправда, я прочитал несколько очень плохих книг, — заявил я, имея в виду в первую очередь книжку «Энн из Зеленых Крыш», которую нас заставили прочесть в прошлом учебном году. Скажу честно, такой дурацкой, раздражающей книжки я до этого ни разу не читал.

— Это не были плохие книги, — терпеливо возразил Фин. — Это были книги, которые тебе не понравились. Что не одно и то же. Единственные плохие книги — это книги, которые написаны так плохо, что их никто не опубликует. Любая опубликованная книга станет для кого-то «хорошей книгой».

Я кивнул. Его логика была безупречной, и мне было нечего возразить.

— Я почти закончил ее, — сказал он, глядя на книгу в руке. — Могу тебе одолжить, если захочешь.

Я снова кивнул.

— Хорошо. Спасибо.

С этими словами он ушел. Я же остался стоять на месте, мои виски пульсировали, ладони были влажными от пота, а мое сердце наполнилось чем-то новым и необыкновенным.

Видя, что Либби подходит к нему, Миллер Роу встает. Она узнает его по его фотографии в интернете, хотя с тех пор он отпустил бороду и набрал вес. Он почти доел свой сэндвич, и у него на бороде повисла капелька желтого соуса. Прежде чем пожать Либби руку, он вытирает пальцы салфеткой и говорит:

— Либби, рад познакомиться с вами. Очень рад! — У него лондонский акцент и темно-синие глаза. Его рука, сжимающая ее пальцы, огромна. — Прошу вас, садитесь. Что вам заказать? Сэндвичи здесь потрясающие.

Она смотрит на его сэндвич, напоминающий обломки автокатастрофы.

— Спасибо, я только что позавтракала.

— Кофе, чай?

— Капучино было бы неплохо. Спасибо.

Миллер идет к стойке модного кафе на Вест-Энд-лейн, где он предложил им встретиться, что как раз посередине между Сент-Олбансом и Саут-Норвудом. Либби разглядывает его. На нем низко сидящие джинсы, выцветшая футболка, зеленый хлопчатобумажный пиджак и туристские ботинки. У него выпирающее пузцо и огромная голова с копной темно-каштановых волос. Его внешность немного ошеломляет, он похож на медведя, хотя и довольно милого.

Он приносит ей капучино и ставит перед ней чашку.

— Я так благодарен вам за то, что вы согласись встретиться со мной. Надеюсь, вы благополучно добрались? — Он отодвигает свой недоеденный сэндвич в сторону, как будто не собирается его доедать.

— Без проблем, — говорит она, — пятнадцать минут езды.

— Из Сент-Олбанса, верно?

— Да.

— Хорошее место этот Сент-Олбанс.

— Да, — соглашается она. — Мне нравится.

— Итак, — говорит он, выдержав короткую паузу и многозначительно глядя на нее, — вы — тот самый ребенок.

Она нервно улыбается.

— Похоже, что да.

— И вы унаследовали этот дом?

— Верно.

— Ух ты! — говорит он. — Переломный момент в вашей жизни.

— Абсолютно, — соглашается она.

— Вы видели его?

— Дом?

— Да.

— Да, пару раз.

— Это надо же! — Он снова опускается на стул. — Я столько раз пытался попасть в него, но меня не впустили. Я фактически предлагал тому парню в адвокатской конторе первым узнать о результатах моего расследования. Однажды ночью я даже попытался взломать дверь и тайком проникнуть туда.

— То есть вы никогда не бывали внутри?

— Нет, никогда, — криво усмехается Миллер. — Лишь заглядывал в окна. Я даже мило поболтал с обитателями соседнего дома, того, что стоит позади него, чтобы они разрешили взглянуть на него из их окон. Но в самом доме я никогда не бывал. Какой он внутри?

— Темный, — говорит она. — Много деревянных панелей. Жутковатый дом.

— И вы намерены продать его, я полагаю?

— Да, я намерена продать его. Да. Но... — Она обводит кончиками пальцев ободок чашки кофе и задумчиво добавляет: — Сначала я хочу узнать, что там произошло.

Миллер Роу издает что-то вроде сдавленного рычания, проводит рукой по бороде и снимает капельку желтого соуса.

— Боже, вы и я... мы с вами встретились. Эта статья отняла у меня два года жизни, два одержимых, безумных, гребаных года жизни. Она разрушила мой брак, но я до сих пор не получил ответы, которые искал. Даже не приблизился к ним.

Он улыбается ей. У него красивое лицо, думает Либби. Она пытается угадать его возраст, но не может. Ему может быть от двадцати пяти до сорока.

Она сует руку в сумочку, вытаскивает ключи от дома на Чейн-Уолк и кладет на стол перед собой.

Взгляд Миллера Роу падает на них, и она замечает, как у него загораются глаза. Его рука тянется через стол.

— О господи! Можно?

— Конечно, — говорит она. — Не стесняйтесь.

Он смотрит по очереди на каждый ключ, пожирает глазами брелки.

— От «Ягуара»? — уточняет он, глядя на нее.

— По всей видимости.

— Знаете, Генри Лэм, ваш отец, он был настоящим мачо. По выходным отправлялся на охоту, закатывал шумные вечеринки в клубе «Аннабель».

— Знаю, — бодро отвечает она. — Я прочитала вашу статью.

— Да, — говорит он. — Конечно, кто бы сомневался.

Возникает короткое молчание. Миллер отщипывает край сэндвича и кладет его в рот. Либби делает глоток кофе.

— Итак, — говорит он, — что дальше?

— Я хочу найти брата и сестру, — говорит она.

— То есть они никогда не пытались связаться с вами?

— Нет. Никогда. Какова ваша теория на этот счет?

— У меня миллион теорий. Но главный вопрос: знают ли они, что дом находился в доверительном управлении, пока вы не вступите в наследство? И если знали, то известно ли им, что вы унаследовали его сейчас?

Либби вздыхает.

— Не знаю. Адвокат сказал, что траст был создан много лет назад, когда родился мой брат. Когда ему исполнилось двадцать пять лет, дом должен был перейти в его собственность. Но он так и не объявился и не затребовал его. Затем он должен был перейти его сестре, но она тоже не объявилась... адвокаты не смогли связаться ни с одним из них. Но да, я не исключаю, что они в курсе, что я — следующая претендентка на наследство. При условии... — Ей так и хочется сказать «если они все еще живы», но она вовремя останавливает себя.

— И тот человек, — продолжает она, — который умер вместе с моими родителями. В статье вы пишете, что прошли по многим тупиковым версиям. Вам так и не удалось выяснить, кто это был?

— Увы. Я зашел в тупик. — Миллер чешет бороду. — Хотя одно имя мне попало. К сожалению, мои поиски ни к чему не привели, и я

сдался. Но с тех пор оно не дает мне покоя. Дэвид Томсен.

Либби вопросительно смотрит на него.

— На предсмертной записке были инициалы, помните? М.Л., Г.Л., Д.Т. Поэтому я запросил у полиции имена пропавших без вести лиц с инициалами Д.Т. Дэвид Томсен был одним из тридцати восьми в переданном мне списке. Тридцать восемь пропавших без вести с инициалами Д.Т. Десять в пределах предполагаемого возраста того третьего. Одного за другим я отмел их всех. Но этот приковал мое внимание. Не знаю почему. Было в его истории нечто такое, что звучало правдоподобно. Сорокадвухлетний мужчина из Хэмпшира. Нормальное воспитание. И при этом никаких сведений о нем, с тех пор как в 1988 году он вернулся в Великобританию из Франции, с женой по имени Салли и двумя детьми, Финеасом и Клеменси. Все четверо прибыли на пароме из Сен-Мало в Портсмут... — он на мгновение умолкает и листает блокнот, — ...в сентябре 1988 года. И с тех пор ни об одном из них нет буквально ничего: ни записей лечащих врачей, ни данных об уплате налогов, ни имен детей в списках учащихся школ, ни обращений в больницу, ничего.

Родственники отзывались о них скупое — как я понял, между ними имели место разногласия и обиды, жуткая ссора из-за какого-то наследства. Поэтому никто не задавался вопросом, где они и что с ними. Общение прервалось на долгие годы. И так до тех пор, пока мать Дэвида Томсена, чувствуя, что доживает последние дни, не решает, что хочет примирения на смертном одре, и сообщает в полицию, что ее сын и его семья пропали без вести. Полиция проводит формальный розыск, но не находит никаких следов Дэвида или его семьи. Затем мать Дэвида умирает, и никому больше не интересно, что стало с Дэвидом или Салли Томсенами.

— Пока я три года назад не занялся их поисками. — Миллер вздыхает. — Видит бог, старался отыскать их. Финеаса. Клеменси. Необычные имена. Будь они живы, их было бы достаточно легко найти. Но увы. Ничего. Ни единого следа. Мне же нужно было сдать статью, получить за нее деньги, и я был вынужден сдать. — Он качает головой. — Теперь вам понятно? Вы понимаете, почему это заняло два года, почему это чуть не убило меня? Почему от меня ушла жена? Я буквально превратился в одержимого исследованием зомби. Я только об этом и говорил, только об этом и думал.

Он вздыхает и проводит пальцами по связке ключей.

— Но да. Давайте сделаем это. Давайте выясним, что случилось со всеми этими людьми. Давайте узнаем, что случилось с вами. — Он протягивает ей руку. — Ну так как, Серенити Лэм? Беремся мы за это или нет?

— Да, — отвечает Либби, пожимая его руку. — Беремся.

* * *

После завтрака с Миллером Роу Либби идет напрямик на работу. Сейчас лишь половина десятого, и Дайдо не сразу замечает ее опоздание. А когда замечает, то пристально смотрит на нее и взволнованным шепотом интересуется:

— О боже! Журналист! Как все прошло?

— Замечательно, — отвечает Либби. — Сегодня вечером мы встречаемся с ним в этом доме. Начнем наше расследование.

— Только ты, — говорит Дайдо, и ее нос слегка морщится, — и он?

— Да.

— Хм. Ты уверена, что это хорошая идея?

— Что такое? Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Вдруг он не тот, каким тебе кажется. — Дайдо прищуривается. — Думаю, я пойду с тобой.

Либби медленно моргает, а затем улыбается.

— Могла бы просто спросить.

— Не знаю, что ты имеешь в виду. — Дайдо возвращается к своему ноутбуку. — Я просто беспокоюсь за тебя.

— Ладно, — говорит Либби, все еще улыбаясь. — Если тебе так хочется. Я встречаюсь с ним в семь. Нам надо успеть на поезд, отходящий в шесть одиннадцать.

О'кей?

— Да, — говорит Дайдо, не отрывая глаз от компьютера. — О'кей. И, кстати, — внезапно она поднимает голову, — я прочла все когда-либо изданные романы Агаты Кристи. Дважды. Так что могу быть очень даже полезна.

Люси оставляет спящим детям на прикроватной тумбочке записку. Конечно же, она предназначена для Марко. В ней говорится:

«Пошла забирать паспорта. Вернусь через пару часов. Дай своей сестре что-нибудь поесть. Собака у Джузеппе».

Она выходит из дома в восемь часов утра и идет длинным путем через весь город к железнодорожному вокзалу Ниццы. Там она останавливается и какое-то время сидит на скамейке, подставив лицо ласковому утреннему солнцу. В восемь сорок пять она садится в поезд до Антиба.

В пару минут десятого она уже стоит перед домом Майкла. На кашке Фитца со вчерашнего утра сидит металлическое покрывало навозных мух. Люси злорадно улыбается. Затем медленно-медленно, ощущая в желудке жгучую желчь, звонит в дверной звонок.

Ей отвечает горничная. Узнав Люси, она улыбается и говорит:

— Доброе утро! Вы жена Майкла! Бывшая! Мать его сына. Я не знала раньше, что у Майкла есть сын! — Она прижимает руку к груди, лучась искренней радостью. — Такой красивый мальчик. Заходите, прошу вас.

В доме тихо.

— Майкл сейчас дома? — спрашивает Люси.

— Да, да, он дома. Он принимает душ. Подождите его на террасе. Хорошо?

Джой ведет ее на террасу и просит там посидеть, настаивая, что принесет ей кофе с миндальным печеньем, даже когда Люси говорит, что обойдется стаканом воды. Майкл не заслуживает такой женщины, думает Люси. Майкл ничего не заслуживает.

Она засовывает руку в сумочку и достает свой старый паспорт и крошечный бумажник с фотографиями Стеллы и Марко, засунутыми внутрь. Она пьет кофе, но оставляет миндальное печенье, которое не любит. Яркая птичка-щурка сидит на дереве, разглядывая сад, и выискивает себе перекус. Люси крошит печенье и бросает крошки на пол. Но птичка не замечает угощения и улетает. Живот Люси начинает урчать. Уже половина десятого.

Наконец появляется Майкл, в белоснежно-белой футболке и зеленых шортах. Его поредевшие волосы все еще мокры после душа, сам он босиком.

— О боже мой, — говорит он, приветственно коснувшись щеками ее щеки. — Дважды за два дня. Не иначе как сегодня день рождения. Без детей?

— Да. Я ушла, когда они еще спали. Вчера мы очень поздно легли.

— В следующий раз. — Он одаривает ее широкой улыбкой, садится и скрещивает ноги. — Так чем же я обязан этому удовольствию?

— Видишь ли... — Она касается кончиками пальцев паспорта, и взгляд Майкла падает на него. — Мне нужно уехать домой, — говорит она. — Моя подруга больна. Может, даже при смерти. Я хочу увидеть ее, прежде чем она... на всякий случай... Ты понимаешь. — Из ее левого глаза падает слеза, причем чудесным образом прямо на паспорт. Люси вытирает ее. Она не собиралась плакать, но это все равно случилось.

— Дорогая. — Майкл кладет руку ей на плечо.

Она натужно улыбается и старается выглядеть благодарной за этот жест.

— Это ужасно. Что такое? Рак?

Она кивает.

— Да. Яичников. — Она высвобождает руку из-под его руки и зажимает рот, чтобы унять рыдание. — Я хочу поехать на следующей неделе, — говорит она, — но мой паспорт... срок его действия истек. И у меня нет никаких документов на детей. И мне так неудобно просить тебя. Вчера ты был так щедр, дав денег, чтобы я могла забрать мою скрипку. Честное слово, я бы не стала просить, будь у меня другие варианты. Но ведь ты все еще знаешь нужных людей? Тех, кто помог мне в свое время получить паспорт?

Она проводит пальцем под глазами, а затем жалобно смотрит на него, в надежде, что все еще выглядит соблазнительно.

— Черт, вообще-то нет. Но я попробую. — Он тянет к себе паспорт. — Оставь его мне.

— Вот. Я принесла фотографии. И, наверное, это звучит глупо, но мне нужен ветеринарный паспорт для собаки. Фитц давно пропустил

прививки, так что вряд ли я смогу получить его обычным путем. И бог знает, сколько времени это займет в любом случае...

— Ты берешь с собаку? Собираясь навестить умирающую подругу?

— У меня нет другого выбора.

— Я мог бы взять его на время, что скажешь?

Она старается спрятать свой ужас при мысли о том, что ее драгоценный Фитц будет жить здесь с этим монстром.

— И что ты будешь с ним делать?

— Э-э, черт, не знаю. Играть с ним? Выгуливать? Кормить?

— Все гораздо сложнее. Тебе придется каждое утро рано вставать, чтобы он мог сходить в туалет. А затем подбирать за ним дерьмо.

Майкл закатывает глаза.

— Джой любит собак. Она была бы только рада присмотреть за ним. Да и я тоже.

Ну конечно, думает Люси, у Майкла есть кому подбирать собачье дерьмо.

— И все же, — говорит она, — я бы предпочла взять его с собой. Дети привязаны к нему, и я тоже...

— Я посмотрю, что смогу сделать, — говорит он. — Думаю, что паспорт для собаки — это уже перебор. Но я попытаюсь.

— Боже, — говорит она, с притворной благодарностью хлопая ресницами. — Большое спасибо, Майкл. Ты даже не представляешь, какую услугу ты мне окажешь. Я буквально накануне получила сообщение от подруги и всю ночь не могла спать, переживая, что больше не увижу ее. Спасибо тебе огромное.

— Вообще-то я еще ничего не сделал.

— Знаю, — говорит она. — Знаю, что не сделал. И все равно я так тебе благодарна.

Его лицо буквально на глазах превращается из приветливого в жуткое.

— Очень-очень благодарна?

Она заставляет себя улыбнуться. Она знает, куда он гнет, она была к этому готова.

— Да, очень-очень благодарна, — отвечает она.

— Понятно. — Он откидывается на спинку стула и улыбается. — Мне нравится, как это звучит.

Она отвечает ему улыбкой и проводит рукой по волосам.

Его взгляд скользит к закрытым окнам над головой, к главной спальне, где в свое время произошло не одно супружеское изнасилование. Затем он возвращается к ней, и она с трудом подавляет дрожь.

— Может быть, в следующий раз, — говорит она.

Он выгибает бровь и кладет руку на спинку стула справа от него.

— Ты оставляешь мне надежду?

— Возможно, — говорит она.

— Мне нравится твой стиль.

Она улыбается. Но тотчас резко выпрямляется на стуле и берется за ремешок сумочки.

— Но сейчас, — говорит она, — меня ждут спящие дети.

Они оба встают.

— Когда ты думаешь, ты сможешь?.. — нерешительно спрашивает она.

— Я займусь этим делом прямо сейчас, — говорит он. — Дай мне твой номер, и я позвоню, когда у меня будут новости.

— У меня сейчас нет телефона, — отвечает она.

Майкл морщится.

— Но ведь ты только что сказала, что вчера вечером получила известие от своей подруги?

Если необходимость спать на пляже в течение недели чему-то учит, то ее это научило быстро находить убедительный ответ.

— Мне звонили на стационарный телефон в хостел. Кто-то записал для меня сообщение. На листке бумаги.

— Тогда как я с тобой свяжусь? Мне позвонить тебе в хостел?

— Нет, — холодно говорит она. — Не надо. Дай мне твой номер. Я позвоню тебе из таксофона. Я позвоню в пятницу, хорошо?

Он пишет на бумажке свой номер и передает ей.

— Да, позвони мне в пятницу. И вот еще... — Он сует руку в карман и вытаскивает сложенную пополам пачку банкнот. Вынув из нее несколько двадцаток, он передает их Люси. — Купи себе телефон, ради бога!

Она берет двадцатки и благодарит. Теперь ей нечего терять. Она только что отдала за паспорт свою душу.

Прошло несколько месяцев. Финеасу исполнилось тринадцать, и он отрастил адамово яблоко и маленькие светлые усики. Я подрос на дюйм и наконец отпустил волосы, чтобы, мотнув головой, отбрасывать челку с глаз. Моя сестра и Клеменси сдружились и страшно привязались друг к другу — общались между собой на тайном языке и проводили долгие часы в логове из простыней и перевернутых стульев в пустой спальне на мансардном этаже. Группа Берди выпустила жуткий сингл, который попал на 48-е место в хит-парадах. Она рассердилась и ушла, но никто в музыкальной прессе, похоже, не заметил или не заинтересовался этим, и она взялась учить детей игре на скрипке в музыкальной комнате.

Тем временем Джастин превратил сад моего отца в коммерческое предприятие, продавая свои лекарственные травы с помощью рекламных объявлений в газетах. Салли учила нас всех четыре часа каждый день за кухонным столом, а Дэвид трижды в неделю проводил в церковном зале занятия по альтернативным методам лечения и приходил домой с карманами, полными денег.

Фин был абсолютно прав в своем предсказании, сделанном несколько месяцев назад.

Томсены никуда не собирались уезжать.

* * *

Оглядываясь назад, на те годы в доме на Чейн-Уолк, когда там жили Томсены, я хорошо вижу переломные моменты, опорные точки, на которых балансировала судьба, когда ход нашей жизни шел вкривь и вкось. Помню, ужин в пабе «Челси Китчен», где я заметил, как мой отец уже проигрывает борьбу за власть в доме. Он же был слишком слаб, чтобы это понять и попытаться что-то исправить. Помню, как моя мать старалась держаться подальше от Дэвида, отказываясь блистать на фоне окружающих из опасения, что он положит на нее глаз. Помню, где это началось, но понятия не имею, как мы дошли с

того вечера до того момента, когда через девять месяцев чужие люди захватили буквально каждый уголок нашего дома, и мои родители позволили им это сделать.

Мой отец изображал интерес к происходящему. Он возился с Джастином в саду, притворяясь, будто очарован грядками трав и растений. Каждый день в семь часов вечера он наливал на два пальца виски в два больших стакана и, сидя с Дэвидом за кухонным столом, вел с ним натужные разговоры о политике и международных проблемах. Помню, как он пучил глаза, как будто понимал, о чем говорит. (Любое мнение моего отца было либо черным, либо белым. Все было или правильно, или неправильно, хорошо или плохо. В его взгляде на мир не было полутонов. От этого становилось неловко.) Иногда он присутствовал на наших уроках на кухне и, похоже, бывал впечатлен тем, какие мы все умные. Я не мог понять, что случилось с отцом. Как будто Генри Лэм покинул дом, но оставил в нем свое тело.

Я отчаянно хотел поговорить с ним обо всем, что тут происходило, о разрушении моего мира, но я боялся, что это будет все равно что содрать струп с последних остатков его чувства собственной значимости. Он казался таким уязвимым, сломленным. Однажды в начале лета я увидел его в обеденное время. Он стоял у входной двери и, держа в руке мохеровую кепку и пиджак, проверял содержимое своего бумажника. Наши уроки закончились, и мне было скучно.

— Куда ты идешь? — спросил я.

— В мой клуб, — ответил он.

Его клуб. Несколько прокуренных комнат в доме, в переулке рядом с Пикадилли. Я был там однажды, когда мама куда-то ушла, а наша няня так и не появилась. Вместо того чтобы торчать дома с двумя маленькими скучными детьми, ему захотелось немного развлечься, он посадил нас на заднее сиденье черного такси и отвез в свой клуб. Мы с Люси устроились в углу с лимонадом и арахисом, в то время как отец сидел за столом, курил сигары и пил виски с мужчинами, которых я никогда раньше не видел. Я был очарован этим местом, не хотел уходить оттуда, мысленно молил небеса, чтобы наша няня больше никогда не приходила.

— Мне можно пойти с тобой?

Он недоуменно посмотрел на меня, как будто я задал ему сложный вопрос по математике.

— Пожалуйста. Я буду вести себя тихо. Буду молчать.

Он посмотрел вверх на лестницу, как будто ожидал увидеть на площадке решение головоломки.

— У тебя закончились уроки?

— Да.

— Хорошо. Идем.

Он подождал, пока я надел куртку, затем мы вместе вышли на улицу, и он остановил такси. В клубе он не нашел никого из знакомых, и пока мы ждали, когда принесут напитки, он посмотрел на меня и спросил:

— Ну как дела?

— Не знаю, — начал я. — Я запутался.

— Запутался?

— Да. От того, как складывается наша жизнь. — Я задержал дыхание. Это был образчик того самого дерзкого поведения, в ответ на которое в прошлом мой отец соорудил бы гримасу, перевел взгляд на мою мать и мрачно спросил ее, считает ли она такое поведение приемлемым и какого ребенка они воспитывали.

Но он лишь посмотрел на меня водянисто-голубыми глазами.

— Да, — сказал он и поспешил отвести взгляд.

— Ты тоже запутался?

— Нет, сынок, нет. Я не запутался. Я точно знаю, что происходит.

Было непонятно, что он имел в виду: то, что он знает, что происходит, и держит все под контролем или же он знает, что происходит, но ничего не может с этим поделать.

— И что же? — сказал я. — Что это такое?

В этот момент принесли наши напитки: лимонад на белом кружочке-подставке для меня, виски и воду для отца. Он не ответил на мой вопрос, и я подумал, что, возможно, он и не ответит. Но затем он вздохнул.

— Сынок, — сказал он, — иногда в жизни человек оказывается на развилке дороги. Мы с твоей мамой тоже оказались на такой развилке. Она хотела пойти одним путем, я хотел пойти другим. Победа досталась ей.

Мои брови поползли вверх.

— Ты имеешь в виду, что мама хочет, чтобы все эти люди жили в нашем доме? Она на самом деле этого хочет?

— Хочет? — хмуро переспросил он, как будто мой вопрос был нелеп, хотя явно не был таковым.

— Она хочет жить со всеми этими людьми?

— Боже, я не знаю. Я не знаю, чего хочет твоя мама. И вот что, прими мой совет. Никогда не женись на женщине. Они могут хорошо выглядеть, но они тебя уничтожат.

Ничто из сказанного отцом не имело никакого смысла. Какое отношение брак с женщиной — нечто такое, что вообще не входило в мои намерения, но, с другой стороны, чему я не видел альтернативы: если ты не женился на женщине, то на ком бы ты женился? — имел к людям, живущим в нашем доме?

Я в упор смотрел на отца в надежде, что он скажет что-то понятное и поучительное. Но мой отец страдал эмоциональной глухотой, или же после инсульта ему не хватало словарного запаса, чтобы сказать что-то понятное или поучительное. Он вытащил из кармана пиджака сигару и какое-то время вертел ее, готовясь закурить.

— Разве они тебе не нравятся? — спросил он в конце концов.

— Нет, — ответил я. — Не нравятся. Они когда-нибудь уедут?

— Знаешь, если бы это от меня зависело...

— Но ведь это твой дом. Конечно, все зависит от тебя.

У меня перехватило дыхание. Я испугался, что зашел слишком далеко.

Но он лишь вздохнул.

— Тебе так кажется, не правда ли?

Его тупоумие просто убивало меня. Я хотел закричать, но вместо этого произнес:

— Разве ты не можешь просто сказать им, чтобы они уехали? Скажи им, что мы хотим вернуть наш дом. Что мы хотим снова пойти в школу. Что мы больше не хотим, чтобы они у нас жили.

— Нет, — ответил отец. — Нет. Я не могу.

— Но почему?

Мой голос взлетел на октаву выше, и я увидел, как отец вздрогнул.

— Я сказал тебе, — отрезал он. — Дело в твоей матери. Они нужны ей. Она нуждается в нем.

— В ком? — сказал я. — В Дэвиде?

— Да. В Дэвиде. Видимо, он помогает ей не заикливаться на ее бессмысленном существовании. Придает ее жизни смысл. Помни, — проворчал он, открывая газету, — что ты обещал молчать. Как насчет того, чтобы держать свое слово?

Миллер Роу стоит возле дома на Чейн-Уолк, глядя на экран своего телефона. Он выглядит еще более помятым, чем утром в кафе на Вест-Энд-лейн. Увидев Либби и Дайдо, он расправляет плечи и улыбается.

— Миллер, это Дайдо, моя коллега, — говорит Либби и тут же поправляется: — Моя подруга. Дайдо, знакомься, это Миллер Роу.

Они пожимают друг другу руки, а затем все поворачиваются лицом к дому. В лучах заходящего солнца его окна сияют золотом.

— Либби Джонс, — говорит Дайдо, — вот это да! Это же настоящий особняк.

Либби улыбается и поворачивается к двери, чтобы открыть замок. Когда они все трое топчутся в коридоре, оглядываясь по сторонам, она не ощущает себя владелицей дома. Она все еще ожидает, что сейчас появится адвокат и как хозяин положения поведет их за собой.

— Теперь мне понятно, что вы имели в виду под сплошным деревом, — говорит Миллер. — Знаете, в свое время этот дом был полон чучел животных и охотничьих ножей. Здесь даже стояли настоящие старинные троны... — Он указывает по обе стороны лестницы. — Хозяина и хозяйки, — добавляет он с иронией.

— Откуда вам известно про троны? — спрашивает Дайдо.

— От старых друзей Генри и Мартины, которые приезжали сюда на шумные вечеринки в семидесятые годы и в начале восьмидесятых. Когда Генри и Мартина были светской парой. Когда их дети были маленькими. Подозреваю, здесь все было очень шикарно.

— Кстати, все эти старые друзья, — продолжает Дайдо, — где они были, когда все изменилось?

— Это не были друзья в полном смысле слова, — уточняет Миллер. — Просто родители школьных друзей их детей, временные соседи, представители космополитической тусовки. На самом деле им всем было на них наплевать. Просто люди, которые их помнили.

— А также их троны, — говорит Либби.

— Да. — Миллер улыбается. — А также их троны.

— А как насчет родственников Генри и Мартины? — уточняет Дайдо. — Где были они?

— Видите ли, у Генри не было близких. Он был единственным ребенком, его родители давно умерли. Отец Мартины ушел от ее матери, а та снова вышла замуж и жила в Германии со второй семьей. Судя по всему, она пыталась приехать, но Мартина все время отговаривала ее. В 1992 году она даже послала одного из своих сыновей. Он в течение пяти дней каждый день приходил и стучал в дверь, но никто ему так и не ответил. По его словам, он слышал какие-то звуки, видел, как шевелятся шторы. Телефон не отвечал. Позже мать корила себя за то, что не пыталась разыскать дочь. Она так себе этого и не простила. Можно?.. — Он поворачивает налево, к кухне.

Либби и Дайдо следуют за ним.

— Вот здесь учили детей, — поясняет он. — Ящики были полны бумаги, учебников и тетрадей.

— И кто же их учил?

— Неизвестно. Но явно не Генри Лэм. Он провалил экзамены за неполную среднюю школу и не получил высшего образования. Для Мартины английский не был родным языком, так что вряд ли это была она. Значит, кто-то из тех загадочных «других». И, скорее всего, женщина.

— Что случилось со всеми учебниками? — спрашивает Либби.

— Понятия не имею, — отвечает Миллер. — Может, они все еще здесь?

Либби смотрит на большой деревянный стол в центре комнаты с двумя выдвигаемыми ящиками с каждой стороны и, затаив дыхание, открывает их по очереди. Ящики пусты. Она вздыхает.

— Вещественные доказательства, — говорит Миллер. — Их вполне могли уничтожить.

— Что еще полиция взяла в качестве вещдоков? — спрашивает Дайдо.

— Балахоны. Постельное белье. Все аптекарское оборудование, бутылки, подносы и тому подобное. Мыло. Салфетки для лица. Полотенца. Волокна, конечно, и все такое прочее. Но больше ничего не было. Ни картин на стенах, ни игрушек, ни обуви.

— Даже обуви? — удивляется Дайдо.

Либби кивает. Это была одна из самых шокирующих деталей в статье Миллера в «Гардиан». Дом, где было полно людей, но ни одной пары обуви.

Дайдо оглядывается по сторонам.

— Эта кухня, — говорит она, — в семидесятых была образцом кухонного шика.

— Это да, — соглашается Миллер. — Причем не дешевого. Практически все, что было в доме — до того, как они все продали — было куплено в «Хэрродсе». Архивариус в отделе продаж универмага позволил мне взглянуть на счета тех лет, когда Генри купил дом. Бытовая техника, кровати, абажуры, диваны, одежда, еженедельная доставка цветов, визиты парикмахера, туалетные принадлежности, полотенца, еда, все-все.

— Включая мою кровать.

— Да, включая и вашу кровать. Которая была куплена, если мне не изменяет память, в 1977 году, когда появился на свет юный Генри.

— Значит, я была третьим ребенком, который в ней спал?

— Да. Полагаю, что так.

Они направляются к маленькой комнате в передней части дома.

— Какова ваша версия? Как вы думаете, что здесь произошло? — спрашивает Дайдо.

— В двух словах? В доме богатой семьи поселяются странные люди. Происходят странные вещи, и все умирают, кроме нескольких детей-подростков, о которых затем никто больше не слышал. И, конечно же, малышка Серенити. А также свидетельства того, что здесь жил кто-то еще. Кто-то, кто устроил аптекарский огород. Я целый месяц занимался поисками всех аптекарей Великобритании и за границей, которые, возможно, жили в то время в Лондоне. Ничего я не нашел. Никаких следов.

Стены комнаты, в которой они стоят, обшиты деревянными панелями. В ней также деревянный пол. Возле дальней стены — огромный каменный камин, возле другой — остатки бара из красного дерева.

— Здесь нашли оборудование, — серьезно говорит Миллер. — Полиция сначала подумала, что это орудия пыток, но, видимо, это были домашние тренажеры. Тела двух жертв самоубийства были очень худыми и мускулистыми. Они явно тренировались в этой комнате. Возможно, чтобы избежать негативных последствий постоянного проживания взаперти, в четырех стенах. Опять-таки я целый месяц убил на то, чтобы выяснить у тренеров фитнеса, известно ли им хоть

что-нибудь о гимнастических снарядах, какие использовались в Челси в восьмидесятых — начале девяностых. И снова ничего. — Он вздыхает, а затем неожиданно поворачивается к Либби. — Вы нашли потайную лестницу, ведущую на мансарду?

— Да, адвокат показал ее мне, когда приводил меня сюда.

— Вы видели замки? На дверях детских комнат?

Либби чувствует, как по ее спине пробегает холодок.

— Тогда я еще не читала вашу статью, — говорит она, — и поэтому не обратила внимания. И в прошлый раз, когда я приходила сюда. — Она на секунду умолкает. — В прошлый раз мне показалось, будто я там кого-то услышала. Я испугалась и поспешила уйти.

— Зайдем и посмотрим?

Она кивает.

— Не возражаю.

— В доме моих родителей тоже есть потайная лестница, — говорит Дайдо, крепко держась за перила, когда они поднимаются по узкой лестнице. — Когда я была маленькой, она всегда наводила на меня ужас. Мне казалось, что злой призрак запрет обе двери, и я останусь там навсегда.

При ее этих словах Либби ускоряет шаг и, слегка задыхаясь, заходит на чердак.

— С вами все в порядке? — любезно спрашивает Миллер.

— Ммм, — бормочет она. — Почти.

Он приставляет ладонь к уху.

— Слышите это? — спрашивает он.

— Что?

— Что-то скрипит, слышите?

Широко раскрыв глаза, она кивает.

— Такое случается со старыми домами, когда им становится слишком жарко или наоборот слишком холодно. Они жалуются. Это то, что вы слышали на днях. Дом жаловался.

Она хочет спросить его, кашляют ли дома, когда им становится жарко, но решает этого не делать.

Миллер достает телефон из кармана и, включив камеру, снимает на ходу.

— Боже, — произносит он громким шепотом. — Вот он. Вот он.

Он поворачивает камеру к двери первой комнаты слева.

— Смотрите, — говорит он.

Либби и Дайдо смотрят. С внешней стороны двери висит замок. Они идут за ним к следующей двери. Еще один замок. И еще, и еще.

— Все четыре комнаты запирались снаружи. Полиция считает, что здесь спали дети. Здесь были обнаружены следы крови и отметины на стенах. Смотрите, — говорит он, — даже в туалете замок был снаружи. Вы не против?.. — он берется за дверную ручку одной из комнат.

Либби кивает.

Впервые прочитав статью Миллера, она лишь пробежала глазами абзацы о комнатах на чердаке, стараясь не задумываться о том, что за этим скрывалось. Теперь она просто хочет поскорее с этим покончить.

Это просторная комната, окрашенная в белый цвет с мазками желтого над плинтусами, голыми половицами, ветхими белыми занавесками на окнах, тонкими матрасами по углам. Больше в ней ничего нет. Вторая комната такая же. И следующая тоже. Либби затаив дыхание подходит к четвертой спальне, уверенная в том, что за дверью там наверняка кто-то прячется. Но там никого нет, это лишь еще одна пустая белая комната с белыми занавесками и голыми половицами. Они уже собираются закрыть за собой дверь, когда Миллер внезапно останавливается, идет в самый дальний конец комнаты и наводит камеру на матрас.

— Что там?

Подойдя к матрацу, он слегка отодвигает его от стены и наводит объектив на что-то застрявшее там.

— Что это?

Он поднимает какой-то предмет и сначала болтает им перед камерой, а затем подносит ближе к глазам.

— Это носок.

— Носок?

— Да. Мужской носок.

Это красно-синий носок, яркое пятно цвета на фоне унылого холста мансардных спален.

— Странно, — говорит Либби.

— Это более чем странно, — говорит Миллер. — Это невозможно. Потому что... смотрите. — Он переворачивает носок и показывает его Либби и Дайдо. На носке логотип фирмы Gap.

— Что? — говорит Дайдо. — Ничего не понимаю.

— Это нынешний логотип Gap, — поясняет журналист. — Он в ходу только последнюю пару лет. — Он пристально смотрит на Либби. — Этот носок новый.

Люси звонит Майклу в пятницу в пять часов вечера из таксофона за углом. Он тотчас же берет трубку.

— Я так и думал, что это ты, — говорит он, и Люси слышит в его голосе похотливые нотки.

— Как дела? — спрашивает она с наигранной бодростью.

— О, просто великолепно, а у тебя?

— У меня тоже все просто великолепно.

— Ты уже купила себе телефон? Это ведь стационарный номер, не так ли?

— Я уже попросила одного человека, и он говорит, что купил, — беззастенчиво врет она. — Как я понимаю, бэушный. Должен привезти мне его завтра.

— Отлично, — говорит Майкл, — Как я понимаю, ты звонишь не просто для того, чтобы поболтать. Думаю, тебе интересно узнать, как я справился с твоей маленькой просьбой.

— Да, я бы очень хотела знать, — говорит она и смеется.

— Итак, Люси Лу, — продолжает он, — ты будешь любить меня, потому что у меня все готово. Паспорта для тебя, для Марко, твоей девочки и даже твоего пса. Более того, я выложил за паспорта такую кругленькую сумму, что собачий паспорт они оформили бесплатно!

Она чувствует, как вездесущая желчь жжет ей желудок. Ей не хочется думать о том, сколько денег Майкл заплатил за паспорта и чего он захочет взамен.

— О! Как мило с их стороны! — говорит она и даже смеется.

— Мило, как же, как же, — говорит Майкл и тут же добавляет: — Итак, хочешь приехать? Прийти и забрать их?

— Конечно! — отвечает она. — Конечно. Но только не сегодня. Может, завтра или в воскресенье?

— Приезжай в воскресенье, — говорит он. — Приезжай на обед. В воскресенье у Джой выходной, поэтому мы будем в доме одни.

Люси чувствует, как желчь поднимается из желудка к горлу.

— Во сколько? — выдавливает она вопрос.

— Скажем, в час. Я положу несколько стейков на гриль. Ты можешь приготовить эту штуку, какую ты делала раньше... как там она называется? Салат с хлебом и помидорами?

— Панзанелла.

— Точно. Боже, как же вкусно ты ее делала.

— Спасибо, — говорит она. — Надеюсь, я не разучилась ее делать и «волшебное прикосновение» все еще при мне.

— Это точно. «Волшебное прикосновение». Я чертовски скучаю по твоему волшебному прикосновению.

Люси смеется. Она прощается и говорит, что приедет в воскресенье, в час дня. Положив трубку, она бежит в туалет, чтобы выbleвать содержимое желудка в унитаз.

Летом 1990 года, когда мне только исполнилось тринадцать, как-то раз днем я наткнулся на лестничной площадке на мать. Она укладывала в шкаф стопки чистого постельного белья. Когда-то раз в неделю к нам приезжал маленький фургон с золотыми буквами на боку и отвозил белье в стирку, а через несколько дней возвращал его нам в безупречно ровных стопках, перевязанных лентами, или на деревянных вешалках под пластиковыми чехлами.

— Что случилось с услугами прачечной? — спросил я.

— Какой прачечной? — удивилась мать.

Теперь у нее длинные волосы. Она не стриглась уже два года, с тех пор как эти люди переехали в наш дом. Берди носила длинные волосы, Салли тоже. Раньше у мамы была короткая стрижка. Теперь ее волосы были ниже лопаток и расчесаны на прямой пробор. Меня мучил вопрос: пытается ли она быть похожей на других женщин, точно так же, как я пытался быть похожим на Фина?

— Разве ты забыла? Того старика, что приезжал в белом фургоне, чтобы забрать наше белье в стирку? Он был такой крошечный, что ты все время переживала, что он не сможет донести белье до фургона?

Взгляд моей матери медленно скользнул влево, словно она вспоминала сон.

— Ты прав. Я совершенно забыла о нем, — сказала она.

— Почему он больше не приезжает?

Мама потерла характерным жестом кончики пальцев, и я с тревогой посмотрел на нее. Я знал, что означает этот жест. Я давно это подозревал, но сегодня я впервые получил подтверждение моим подозрениям. Мы были бедны.

— Но куда делись все папины деньги?

— Тсс.

— Ничего не понимаю.

— Тсс! — снова шикнула она. И, осторожно потянув меня за руку, привела в свою спальню, где усадила на кровать. Сжав мою руку в своей, она пристально смотрела на меня. Мне же бросилось в глаза, что она не покрашена. Интересно, задумался я, и когда она перестала

пользоваться косметикой? За это время столько всего изменилось, причем так медленно и незаметно, что порой бывало трудно уловить момент, когда собственно начались эти изменения.

— Ты должен пообещать, — сказала она, — что никому об этом не скажешь. Ни твоей сестре. Ни другим детям. Ни взрослым. Никому-никому, договорились?

Я кивнул.

— И я говорю это тебе только потому, что доверяю тебе. Потому что ты человек разумный. Так что не подведи меня, договорились?

Я кивнул еще энергичней.

— Деньги у отца закончились давным-давно.

Я ахнул.

— Что, сразу все?

— Можно сказать, что да.

— И на что мы живем?

— Папа продавал акции и ценные бумаги. Еще есть пара сберегательных счетов. Если мы сможем жить на тридцать фунтов в неделю, у нас все будет хорошо, по крайней мере, еще пару лет.

— На тридцать фунтов в неделю? — мои глаза полезли на лоб. Когда-то мама тратила тридцать фунтов в неделю на одни только свежие цветы. — Но это невозможно!

— Возможно. Дэвид сел с нами и все посчитал.

— Дэвид? Но что Дэвид знает о деньгах? У него даже нет своего дома!

— Тсс. — Она прижала палец к губам и с опаской посмотрела на дверь спальни. — Ты должен доверять нам, Генри. Мы взрослые люди, и ты должен нам доверять. Берди зарабатывает деньги уроками скрипки. Дэвид получает деньги за свои занятия фитнесом. Джастин зарабатывает кучу денег своими травами.

— Да, но ведь они нам ничего не дают?

— Неправда. Каждый вносит свою долю. И мы живем за счет этой общей копилки.

И тогда до меня дошло. Предельно ясно и четко.

— То есть теперь это коммуна? — с ужасом спросил я.

Моя мать рассмеялась, как будто я ляпнул какую-то глупость.

— Нет! — сказала она. — Конечно же, нет!

— Почему отец не может просто продать дом? — спросил я. — Мы могли бы жить в небольшой квартире. Там нам было бы даже уютно. И тогда у нас была бы куча денег.

— Но дело не только в деньгах, ты ведь это знаешь, не так ли?

— Тогда в чем? — спросил я. — В чем дело?

Она еле слышно вздохнула и подушечками больших пальцев погладила мою руку.

— Думаю... все дело во мне. В том, как я воспринимаю себя, в том, что мне так долго было грустно, и что все это... — она обвела глазами огромную спальню с пышными занавесками и сверкающей люстрой, — не делает меня счастливой. Скорее угнетает. А потом появился Дэвид, и он показал мне другой способ жить, менее эгоистичный. У нас слишком много всего, Генри. Ты понимаешь? Слишком, слишком много всего, а когда у человека слишком много, это тянет его вниз. И теперь, когда денег практически не стало, самое время измениться, подумать о том, что мы едим и чем пользуемся, что тратим и чем наполняем наши дни. Мы должны дарить миру, а не постоянно что-то брать у него. Ты знаешь, Дэвид... — она произнесла его имя, и ее голос прозвенел как ложка, которой ударили по бокалу. — Он почти все свои деньги отдает на благотворительность. И теперь, по его совету, мы делаем то же самое. Дарить нуждающимся людям — это хорошо для души. Жизнь, которой мы жили раньше, была расточительной. Неправильной. Ты понимаешь? Но теперь, когда Дэвид здесь, чтобы вести нас по правильному пути, мы можем начать восстанавливать баланс.

Я пару секунд пытался постичь весь смысл услышанного.

— Итак, они остаются, — сказал я в конце концов. — Навсегда?

— Да, — ответила она с легкой улыбкой. — Да. Я надеюсь, что это так.

— А мы бедные?

— Нет, мы не бедные, мой дорогой. Нас просто ничто не обременяет. Мы свободные.

Либби, Миллер и Дайдо обыскивают дом сверху донизу в поисках возможных путей проникновения таинственного человека в носках. В задней части дома есть большая застекленная дверь, которая выходит на каменные ступеньки, ведущие в сад. Изнутри она закрыта на засов, и когда они пытаются ее открыть, она оказывается запертой на ключ. В щели между дверью и дверной коробкой проникли побеги густо разросшейся глицинии, что указывает на то, что дверь не открывали в течение многих недель и, возможно, даже лет.

Они толкают пыльные оконные рамы, но все они заперты. Они заглядывают в темные углы в поисках секретных дверей, но их нет. Они перебирают все ключи на связке Либби и, наконец, находят тот, который открывает застекленную дверь. Но та даже не сдвинулась с места.

Миллер смотрит сквозь стекло наружу.

— Там снаружи навесной замок, — говорит он. — У вас есть в этой связке маленький ключ?

Найдя самый маленький ключ, Либби передает его Миллеру.

— Вы не будете возражать, если я выставлю стекло?

— Выставьте стекло? — говорит она. — Чем?

Он показывает ей свой локоть. Она морщится.

— Тогда действуйте.

Чтобы смягчить удар и не порезаться, он обматывает локоть потрепанной ситцевой занавеской. Стекло трескается и раскалывается на две идеально равные части. Он просовывает в получившееся отверстие руку и маленьким ключом отпирает навесной замок. Разрывая спутанные побеги глицинии, дверь наконец открывается.

— Вот, — говорит Миллер, выходя на лужайку. — Здесь выращивали снадобья.

— Те самые, которые убили родителей Либби? — спрашивает Дайдо.

— Да. Белладонну. Ее еще называют сонная одурь. Полиция нашла большой куст этого растения.

Они идут в дальний конец сада, точнее, в прохладную тень под пологом высокой акации. Здесь, лицом к дому, стоит скамья, как будто специально изогнутая в форме тени дерева. Даже в самое жаркое лето, какое только Лондон знал за последние двадцать лет, скамейка оставалась влажной и заплесневелой. Либби осторожно проводит кончиками пальцев по подлокотнику и представляет себе Мартину Лэм, как та сидит здесь солнечным утром, с кружкой чая в руках. Ее руки покоятся там, где сейчас лежат пальцы Либби, она наблюдает за кружащими над головой птицами. Другая рука поглаживает выпирающий живот, а сама она улыбается, чувствуя, как ребенок крошечными кулачками и ножками пинает ее изнутри.

А потом Либби представляет себе, как год спустя она принимает за обедом яд, а затем ложится на кухонный пол и умирает без всякой на то причины, оставляя наверху своего ребенка.

Либби отдергивает руку и резко поворачивается, чтобы посмотреть на дом.

Отсюда им видны четыре больших окна задней стены гостиной. Им также видны еще четыре окна меньшего размера наверху, по два в каждой из задних спален, плюс маленькое окошко посередине — это окно верхней лестничной площадки. На самом верху восемь узких окон с карнизами, по два на каждую мансардную спальню, и крошечное круглое окошко между ними — окно ванной комнаты. Выше только плоская крыша, три дымохода и голубое небо.

— Посмотрите! — говорит Дайдо, встав на цыпочки и энергично указывая на что-то. — Посмотрите! Это там, случайно, не лестница? Приставная или пожарная?

— Где?

— Вон там! Смотрите! Просто она спрятана за вон той дымовой трубой, красной. Посмотрите.

Либби замечает блеск металла. Ее взгляд скользит к кирпичному уступу, затем к карнизу над скатом крыши, затем по водосточной трубе, прикрепленной к другому кирпичному выступу на стороне дома, затем перескакивает на примыкающую к нему стену сада, затем вниз на нечто похожее на бетонный бункер и, наконец, на сад.

Она резко поворачивается. Позади нее густая листва, ограниченная старой кирпичной стеной. Чувствуя под ногами вытопанные среди травы проплешины, она пробирается сквозь

заросли. Те затянуты старой паутиной, которая липнет к одежде и волосам. Но она упорно продолжает идти вперед. Она чувствует направление, оно уже в ней, она знает, что ищет. И вот она, перед ней — обветшалая деревянная калитка, окрашенная в темно-зеленый цвет и свисающая с петель, и она ведет в заросший дальний конец сада дома по ту сторону ограды.

Миллер и Дайдо стоят позади нее, глядя через ее плечо на деревянную калитку. Она со всей силы толкает ее и заглядывает в соседский сад. Он неряшливый и неухоженный. Посреди газона возвышаются дурацкие солнечные часы, здесь же несколько пыльных гравийных дорожек. Ни садовой мебели, ни детских игрушек. А вон там, у стены дома, виднеется дорожка, которая, похоже, ведет отсюда прямо на улицу.

— Я поняла, — говорит Либби, касаясь навесного замка, который был вскрыт болторезом. — Посмотрите. Кто бы ни спал в доме, он проходил через эту калитку, через сад, к этой бетонной штуке вон там. — Она ведет их обратно в сад. — К стене сада, вверх по водосточной трубе, к тому карнизу, видите, вон там, затем наверх, на уступ, а оттуда на крышу и на лестницу. Нам просто нужно выяснить, куда ведет эта лестница.

Она смотрит на Миллера. Он, в свою очередь, смотрит на нее.

— Я не очень проворный, — признается он.

Она смотрит на Дайдо. Та надувает щеки и говорит:

— Да ладно вам.

Они возвращаются в дом и поднимаются в мансардные комнаты. И точно! Вот он, небольшой деревянный люк в потолке в коридоре. Миллер помогает Либби встать ему на его плечи, и она просовывает голову в люк.

— Что вы там видите?

— Пыльный проход. И еще одну дверь. Поднимите меня выше.

Миллер фыркает и подталкивает ее еще выше. Она цепляется за деревянную планку и подтягивается. Здесь жарко и душно. Она тотчас чувствует, как одежда прилипает к ее потному телу. Она ползет по проходу и толкает еще один деревянный люк. Ее мгновенно ослепляет яркое солнце. Она на плоской крыше — здесь несколько усохших растений в горшках и два пластиковых стула.

Встав, уперев руки в боки, она рассматривает открывающийся отсюда вид: впереди выгоревшая на солнце зелень парка на берегу Темзы, а за парком — темная лента самой реки. Обернувшись, она видит сеть узких улиц между ее домом и Кингс-роуд; биргартен, заполненный любителями пива, лоскутное одеяло палисадников и припаркованные машины.

— Что ты видишь? — слышит она голос Дайдо.

— Я вижу все, — отвечает она, — абсолютно все.

Марко, прищурившись, смотрит на мать.

— Почему мы не можем поехать с тобой? — говорит он. — Я не понимаю.

Люси вздыхает, глядя в ручное зеркальце, обводит темным карандашом глаза и говорит:

— Просто потому, понятно? Он оказал мне огромную услугу, и пригласил меня одну, и поэтому я и поеду туда одна.

— Но что, если он сделает тебе больно?

Люси внутренне вздрагивает.

— Он не сделает мне больно, ясно? У нас был очень сложный брак, но мы больше не муж и жена. Жизнь не стоит на месте. Люди меняются.

Она не осмеливается посмотреть сыну в глаза, зная, что лжет ему. Он увидит страх в ее глазах. Он поймет, что она собирается сделать. И он понятия не имеет, почему она собирается это сделать, потому что ничего не знал о ее детстве, о том, от чего она убежала двадцать четыре года назад.

— Тебе нужен пароль, — авторитетно заявляет Марко. — Я позвоню тебе, и, если ты будешь напугана, просто скажи: *как там Фитц?* Договорились?

Люси кивает и улыбается.

— Договорились, — отвечает она. Затем притягивает сына к себе и чмокает его за ухом. На этот раз он даже не вырывается.

Несколько минут спустя Стелла и Марко стоят на кухне и смотрят, как она уходит.

— Ты сегодня такая красивая, мама, — говорит Стелла.

У Люси все холодеет внутри.

— Спасибо, детка, — говорит она. — Я вернусь около четырех. У меня будут паспорта, и мы сможем спланировать нашу поездку в Лондон. — Она широко улыбается. Стелла обнимает ее ногу. Через пару мгновений Люси высвобождается и, не оборачиваясь, выходит из дома.

Дерьмо Фитца валяется на прежнем месте. Правда, сейчас его облепило вдвое больше мух. Это странным образом успокаивает Люси. Майкл открывает дверь. Он в мешковатых шортах и ярко-белой футболке. На макушке солнечные очки. Он берет у нее сумку с продуктами, помидорами, хлебом и анчоусами, которые она купила по дороге, и суетливо целует ее в обе щеки. От него пахнет пивом.

— Ух ты, ты сегодня просто красавица! — говорит он. — Заходи, заходи.

Она идет следом за ним в кухню. На столе два стейка в бумажной обертке, в серебряном ведерке со льдом охлаждается бутылка вина. Майкл слушает песню в исполнении Эда Ширана, чей голос звучит из колонок стереосистемы, и, похоже, пребывает в отличном настроении.

— Не хочешь что-нибудь выпить? — предлагает он. — Чего бы ты хотела? Джин с тоником? «Кровавую Мэри»? Вино? Пиво?

— Пожалуй, пиво, — отвечает она. — Спасибо.

Он передает ей бутылку пива «Перони», и она делает глоток. Ей следовало плотно позавтракать, понимает она, чувствуя, как слегка пьянеет от первого же глотка.

— Твое здоровье! — говорит он, чокаясь с ней бутылками.

— Твое здоровье! — повторяет она. На столе стоит тарелка с его любимыми рифлеными чипсами, и она берет большую горсть. Ей нужно быть достаточно трезвой, чтобы контролировать ситуацию, но достаточно пьяной, чтобы вытерпеть то, ради чего она сюда пришла.

— Итак, — говорит Люси, найдя в ящиках стола разделочную доску, нож и вынимая из хозяйственной сумки помидоры. — Как продвигается твоя книга?

— Боже, лучше не спрашивай, — отвечает Майкл, закатывая глаза. — Скажем так: это была не слишком продуктивная неделя.

— Думаю, так бывает. Надо подготовиться психологически.

— Хм, — говорит он, передавая ей блюдо. — С одной стороны, да. С другой стороны, все лучшие писатели просто привыкают к этому. Это все равно что не пойти на пробежку, потому что идет дождь. Просто отговорка. И я должен прикладывать больше усилий. — Он улыбается ей и на мгновение кажется почти скромным, почти настоящим, и в это мгновение Люси думает, что, возможно, сегодня

все будет не так, как она предполагает, что они просто пообедают и поговорят, а потом он даст ей паспорта и отпустит, ограничившись лишь объятием у порога.

— Что ж, справедливо, — говорит она, чувствуя, как острый нож в руках Майкла вонзается в мягкие помидоры, словно в теплое масло. — Полагаю, это просто работа, как и любая другая. Нужно просто взяться за нее и сделать.

— Именно, — подтверждает Майкл, — именно.

Он допивает оставшееся пиво и бросает пустую бутылку в мусорное ведро. Затем достает из холодильника еще одну и протягивает ее Люси. Она качает головой и показывает ему свою бутылку, все еще почти полную.

— Допивай, — говорит он. — У меня для тебя в холодильнике есть бутылка твоего любимого превосходного «Сансера».

— Извини, — говорит она, поднося бутылку к губам. — Я довольно долго не брала в рот спиртного.

— Неужели?

— Не специально, — отвечает она. — Просто не было денег.

— Хорошо, давайте назовем это операцией «Люси начинает снова», хорошо? Давай пей.

А вот и они, эти самые нотки, пока еще вроде бы дружеские, но в которых уже слышна легкая агрессия. Не беззаботное предложение, а команда. Она улыбается и выпивает половину бутылки.

Он пристально смотрит на нее.

— Хорошая девочка, — говорит он, — славная девочка. Давай, до конца.

Она хмуро улыбается и допивает остальное, почти давась от того, что пиво попадает в желудок слишком быстро.

— Хорошая девочка. *Молодчина*, — говорит он, улыбаясь ей акульей улыбкой.

Затем берет у нее пустую бутылку и поворачивается, чтобы достать из шкафа два бокала.

— Идем? — говорит он, указывая на дверь в сад.

— Сначала нужно закончить с ними. — Она указывает на помидоры, которые еще не все нарезаны.

— Закончишь потом, — возражает он. — Давай сначала выпьем.

Она идет за ним во внутренний дворик, держа в руках тарелку с чипсами и сумочку.

Он наливает два больших бокала вина и подталкивает один из них через весь стол к ней. Они чокаются, после чего он взглядом как будто приковывает ее к месту.

— Итак, Люси Лу, расскажи мне, расскажи мне все. Чем ты занималась последние десять лет?

— Ха! — пронзительно усмехается она. — С чего ты хочешь, чтобы я начала?

— Например, с того человека, который подарил тебе дочь.

В животе у Люси становится нехорошо. С первого момента, когда Майкл увидел Стеллу, ей стало ясно: его задело, что она занималась сексом с другим мужчиной.

— Вообще-то, — начинает она, — рассказывать особо нечего. Это была катастрофа. Зато теперь у меня есть Стелла. Ну ты сам знаешь.

Он наклоняется к ней и как будто прожигает насквозь своими карими глазами. Он улыбается, но улыбка эта холодная, ненатуральная.

— Нет, — говорит он. — Я ничего не знаю. Кто он? Где ты познакомилась с ним?

Она думает о паспортах, лежащих где-то в этом доме. Она не может позволить себе разозлить его. Не может сказать ему, что отец Стеллы был любовью всей ее жизни, самым красивым мужчиной, какого она когда-либо встречала, что он был превосходным пианистом, чья музыка доводила ее до слез, что он разбил ей сердце, но она до сих пор носит его осколки в карманах, даже сейчас, спустя три года после того, как видела его в последний раз.

— Он был настоящим козлом, — лжет она. Затем на мгновение умолкает и делает большой глоток вина. — Просто симпатичный чувак, безмозглый преступник. Мне было его жалко. Он был не достоин меня и, конечно, не достоин Стеллы. — Она произносит эти слова с уверенностью, потому что, хотя она и смотрит Майклу прямо в глаза, он не знает, что она имеет в виду его самого.

Эта характеристика, похоже, удовлетворила Майкла. Его улыбка смягчается, и он снова становится прежним.

— Где же он сейчас, этот идиот?

— Он сделал ноги. Вернулся в Алжир. Разбил сердце своей матери. Его мать обвиняет во всем меня. — Люси пожимает плечами. — Но на самом деле было бы странно, поступи он иначе. Он только и делал, что разочаровывал всех. Он просто был из таких парней.

Майкл снова наклоняется к ней.

— Ты любила его?

Люси насмешливо фыркает.

— Боже, — говорит она, все еще думая о Майкле. — Нет.

Он кивает, как будто выражая ей одобрение.

— У тебя после него был кто-нибудь еще? За все эти годы?

Она качает головой. Это еще одна ложь, но ее легче произнести.

— Нет, — говорит она. — Никого. Никого. Я едва свожу концы с концами с двумя маленькими детьми. Знаешь, даже если бы я встретила кого-то, из этого ничего бы не вышло. Логистически.

Она пожимает плечами.

— Да. Я понимаю. Знаешь, Люси, — он серьезно смотрит на нее, — если бы ты попросила меня о помощи, я бы тебе помог. Все, что тебе нужно было сделать, это попросить.

Она печально качает головой.

— Да. Я знаю.

— Ты слишком гордая, — говорит он.

Это так далеко от правды, что почти смешно, но она кивает в знак согласия.

— Ты так хорошо меня знаешь, — говорит она, и он улыбается.

— Во многих отношениях мы были худшей, худшей на свете парой. Я хочу сказать, господи, помнишь те моменты, которые у нас были? Боже, мы вели себя как сумасшедшие! Но в других отношениях мы были офигенно крутыми, верно?

Люси заставляет себя улыбнуться и кивнуть в знак согласия, но не может заставить себя сказать «да».

— Наверно, мы плохо старались, — говорит он, уже наполнив свой бокал и подливая вина в бокал Люси, хотя она едва успела сделать из него пару глотков.

— Иногда в жизни все происходит само собой, — говорит она, просто чтобы что-то сказать.

— Это правда, Люси, — соглашается Майкл, как будто она только что изрекла нечто глубокомысленное, и, сделав большой глоток вина, спрашивает: — Расскажи мне все о моем мальчике. Он умный? Спортивный?

Он добрый? — мысленно задает она вопрос. Он хороший? Он заботится о своей младшей сестре? Он говорит мне правду? Он хорошо пахнет? Он умеет петь? Он умеет рисовать самые красивые портреты людей? Он заслуживает лучшего, чем эта дерьмовая жизнь, которую я могу ему дать?

— Он неглупый, — отвечает она. — Средне успевает в школе по математике и естественным наукам, отлично по иностранным языкам, изобразительному искусству и английскому. И нет, не спортивный. Совсем не спортивный.

Люси пристально смотрит на Майкла, ища в его взгляде тень разочарования. Но он, похоже, воспринял ее слова спокойно.

— Невозможно быть лучшим во всем, — говорит он. — И он симпатичный мальчик. Уже проявляет интерес к девушкам?

— Ему всего двенадцать, — резко отвечает Люси.

— Он уже взрослый, — говорит он. — Надеюсь, ты не думаешь, что он может вырасти геем?

Ей так и хочется выплеснуть в лицо Майклу вино и уйти. Вместо этого она говорит:

— Кто знает? Пока никаких признаков я не наблюдаю. Но, как я уже сказала, он пока не интересуется такими вещами. В любом случае, — меняет она тему, — пожалуй, мне стоит заняться панзанеллой. Пусть немного пропитается маслом, прежде чем мы ее съедим.

Люси встает. Майкл следует ее примеру.

— А я должен заняться барбекю, — говорит он.

Она было направляется в сторону кухни, но прежде чем успевает уйти, Майкл хватает ее за руки и поворачивает к себе лицом. Она видит, как его взгляд уже теряет фокус, а ведь сейчас всего лишь половина второго. Он кладет руки ей на бедра и прижимает их к себе. Затем убирает ее волосы за ухо, близко наклоняется к ней и шепчет:

— Я не должен был тебя отпускать.

Его губы ненадолго касаются ее губ, затем он шлепает ее по ягодицам и провожает взглядом, когда она уходит на кухню.

Вскоре после того, как моя мать сказала мне, что Дэвид заставляет нас отдавать все наши деньги на благотворительность и что он будет жить с нами всегда, я случайно увидел, как он целует Берди.

Тогда это показалось мне тошнотворным, причем по самым разным причинам.

Во-первых, как вы знаете, в моих глазах Берди была физически непривлекательной, даже отталкивающей. Мне было противно думать о том, что большой рот Дэвида прижимается к ее жестким, узким губам, что его руки лежат на ее костлявых бедрах, а ее мерзкий язык нащупывает его язык в темной пещере их ртов. Фу!

Во-вторых, я тогда придерживался довольно консервативных взглядов, и картина прелюбодеяния шокировала меня до глубины души.

И в-третьих: вообще-то, эта третья ужасная вещь поразила меня не сразу. Да и не могла, потому что последствия того, чему я стал невольным свидетелем, были не совсем очевидны. Но я определенно почувствовал, как при виде поцелуя Дэвида и Берди во мне шевельнулось нечто вроде страха, некое предчувствие того, что они могут разбудить друг в друге что-то, что лучше прятать от посторонних глаз.

* * *

Это случилось в субботу утром. Салли отсутствовала, делая фотографии на какой-то съемочной площадке. Джастин отправился на рынок, чтобы продать свои лекарственные снадобья.

Мои родители сидели в саду в халатах, читали газеты и пили из кружек чай. Я спал до половины девятого, что было для меня поздно. Я всегда вставал рано. Я редко просыпался позже девяти, даже будучи подростком. Я едва успел протереть сонные глаза, когда вышел из своей комнаты и увидел их, обнимающихся в дверях комнаты Дэвида. Она была в муслиновой ночной рубашке. Он — в черном хлопковом

балахоне, перехваченном поясом. Ее нога была зажата между его коленями. Его пах прижимался к ее лобку. Его рука обнимала ее бледную, всю в родинках, шею. Ее рука лежала на его левой ягодице.

Я тотчас же отступил в свою спальню. Мое сердце бешено колотилось, желудок скрутило узлом. Я прижал обе руки к горлу, пытаюсь подавить тошноту и ужас. Я грязно выругался себе под нос. Затем громко повторил ругательство. Выждав мгновение, я приоткрыл дверь. Их уже не было. Я не знал, что делать. Мне нужно было рассказать кому-то. Мне нужно было рассказать об этом Фину.

* * *

Фин откинул с лица светлые пряди волос. Вступив в пору полового созревания, он, как ни странно, становился еще красивее. Ему было всего четырнадцать, но ростом он вымахал уже под шесть футов. Насколько мне было известно, он никогда не страдал от прыщей. Если бы они были, я бы их сразу заметил, так как разглядывание лица Фина стало практически моим хобби.

— Мне нужно с тобой поговорить, — прошипел я ему в лицо. — Это действительно очень важно.

Мы прошли в конец сада, где под лучами утреннего солнца стояла изогнутая скамья. Из-за полога зеленой листвы и цветов нас не было видно из дома. Мы повернулись лицом друг к другу.

— Я только что кое-что видел, — сказал я. — Что-то ужасно скверное.

Фин с прищуром посмотрел на меня. Я понял: он думает, что я сейчас расскажу о том, что я видел, как кошка полакомилась содержимым масленки или что-то в равной степени детское и банальное. Он явно не верил в мою способность сообщить нечто настоящему шокирующее.

— Я видел твоего отца. И Берди...

Выражение снисходительного нетерпения слетело с его лица, и он с тревогой посмотрел на меня.

— Они выходили из комнаты Берди и Джастина. И они целовались.

При этих словах он слегка вздрогнул. Они явно произвели на него впечатление. Наконец, спустя два года, Фин всерьез посмотрел на меня.

Я заметил, как дернулись мышцы на нижней челюсти Фина.

— На фига ты врешь мне? — почти прорычал он.

Я мотнул головой.

— Клянусь, — сказал я. — Я видел своими глазами. Только что. Минут двадцать назад. Клянусь тебе.

К моему удивлению, глаза Фина тотчас наполнились слезами. Было видно, что он изо всех сил пытается не расплакаться. Я слышал от некоторых людей, что якобы мне не хватает сочувствия. Возможно, это так. Мне даже на миг не пришло в голову, что Фин может расстроиться. Ужаснуться — да. Возмутиться — да. Что ему может стать противно — да. Но расстроиться?

— Извини, — сказал я. — Я просто...

Он покачал головой. Его красивые светлые волосы упали ему на лицо, но затем вновь колыхнулись в сторону, и я увидел на нем выражение угрюмой, душераздирающей бравады.

— Все нормально, — сказал он. — Спасибо, что сказал мне.

На миг воцарилось молчание. Я не знал, что мне делать. Я завладел вниманием Фина. Но я причинил ему боль. Я посмотрел на его большие загорелые руки, сложенные на коленях. Меня так и подмывало поднять их, погладить, поднести к губам, поцеловать, прогнать его боль. Я чувствовал, как внутри меня нарастает волна физического желания, острого и мучительного. Я быстро перевел взгляд с его рук на землю между моими босыми ногами.

— Ты скажешь своей маме? — спросил я в конце концов.

Он покачал головой. Волосы снова упали и скрыли от меня его лицо.

— Это убьет ее, — честно ответил он.

Я кивнул, как будто знал, что он имел в виду. Но на самом деле я не знал. Мне было всего лишь тринадцать. И я был жутко наивен для своих тринадцати лет. Да, мне стало противно, когда я увидел, как Берди и Дэвид страстно целуются, да еще в ночных рубашках. Я знал, что это нехорошо, что женатый мужчина не должен целовать женщину, которая не была его женой. Но мне было сложно представить реакцию других людей — то, какие чувства это может вызвать у кого-то помимо

меня. Я не понимал, почему Салли предпочла бы умереть, потому что ее муж поцеловал Берди.

— А сестре своей скажешь?

— Я никому ничего не рассказываю, — отрезал он. — И ты тоже не должен. Я серьезно. Не говори никому. Ничего не делай, пока я не скажу тебе. Договорились?

Я снова кивнул. Все это было выше моего понимания, и я был рад следовать приказам Фина.

Похоже, я рисковал упустить момент. Я чувствовал это нутром. Я видел, что Фин собирается встать и пойти в дом, и что он не пригласит меня пойти с ним, и что я останусь сидеть здесь на скамейке, глядя на заднюю стену дома, и все это будет и дальше распирать меня изнутри, все эти желания, потребности и нутряное необузданное вожделение. И я знал: несмотря на то, что только что произошло, мы вернемся к обычной жизни, к вежливой взаимной сдержанности.

— Давай сходим сегодня куда-нибудь, — сказал я, затаив дыхание. — Чем-нибудь займемся.

Он повернулся и пристально посмотрел на меня.

— У тебя есть деньги?

— Нет. Но я могу раздобыть немного.

— Я тоже, — пообещал он. — Встретимся в холле, в десять.

С этими словами он встал и ушел. Я проводил его взглядом, пожирая глазами торчащие под футболкой позвонки, и широкие плечи, и большие ноги, ступающие на землю, его трагически опущенную красивую голову.

* * *

В карманах папиной куртки я нашел горсть монет. И еще взял два фунта из маминого кошелька. Я причесал челку, надел ветровку на молнии, которую мама купила мне несколько недель назад в дешевом магазине на Оксфорд-стрит и которая была раз в сто раз лучше, чем все, что мне когда-либо покупали в «Хэрродсе» или «Питере Джонсе».

Фин сидел на троне у подножия лестницы, с книгой в мягкой обложке. Я до сего дня мысленно вижу Фина именно так — с той разницей, что в моих фантазиях он опускает книгу, смотрит на меня,

его глаза при виде меня загораются, и он улыбается. На самом деле он едва отреагировал на мое появление.

Он медленно встал и украдкой оглядел дом.

— Путь свободен, — сказал он и жестом пригласил меня выйти следом за ним через входную дверь.

— Куда мы идем? — спросил я, еле поспевая за ним.

Но он лишь, словно в салюте, вскинул руку и шагнул к тротуару. Остановилось такси, и мы залезли в него.

— У меня нет денег на такси. У меня всего два фунта пятьдесят, — признался я.

— Не бери в голову, — спокойно ответил он и, вытащив из кармана куртки стопку десятифунтовых банкнот, поднял бровь и посмотрел на меня.

— Господи! Где ты это взял?

— Из главной записки моего отца.

— У твоего отца есть записка?

— Ага. Он думает, что никто не знает об этом. Но я знаю все.

— А он не заметит?

— Может, заметит, — ответил он. — А может, нет. В любом случае он никак не докажет, кто их взял.

Таксист высадил нас на Кенсингтон-Хай-стрит. Я посмотрел на здание перед нами: длинный фасад, дюжина арочных окон и слова «Кенсингтонский рынок» из хромированных букв. Со стороны главного входа доносилась музыка, что-то металлическое, грохочущее, будоражащее. Я последовал за Фином внутрь и оказался в пугающем лабиринте извилистых коридоров. В каждом из них было множество крошечных магазинчиков, перед которыми стояли мужчины с каменными лицами и женщины с волосами всех мыслимых цветов и оттенков, с подведенными черной тушью глазами. Это был калейдоскоп рваной кожи, белых губ, резаного шифона, рыбацких сетей, шпилек, платформ, пирсингов в носу, пирсингов на лице, собачьих ошейников, ирокезов, накидок, сетчатых нижних юбок, осветленных перекисью волос, розовых платьев, высоченных сапог-ботфортов из хлорвинила, коротких сапожек, бейсбольных курток, бакенбардов, высоких причесок с начесом, бальных платьев, черных губ, красных губ, жующих жевательную резинку, поглощающих булочки с беконом, пьющих чай из чашек с цветочным орнаментом,

при этом мизинец с выкрашенным черным лаком ногтем отставлен в сторону, а на шипованном кожаном поводке — хореке.

В каждом магазине играла своя музыка. Пока мы шли, возникало ощущение, будто кто-то перещелкивает один за другим каналы радиостанций. Фин на ходу трогал разные вещи: винтажную бейсбольную куртку, шелковую рубашку для боулинга с вышитым на спине именем «Билли», стойку с виниловыми грампластинками, кожаный ремень с шипами.

Я ничего не трогал. Я был напуган. Из двери следующего магазинчика, мимо которого мы прошли, поднимались клубы курящихся благовоний. Женщина с белыми волосами и белой кожей, сидевшая снаружи на табурете, скользнула по мне коротким взглядом ледяных голубых глаз, и я схватился за сердце.

Возле следующей лавчонки сидела женщина с ребенком на коленях. Я решил, что это не лучшее место для ребенка.

Мы в течение часа бродили по коридорам этого странного места. Взяв булочки с беконом и очень крепкий чай в странном кафе на верхнем этаже, мы наблюдали оттуда за людьми внизу. Фин купил себе черно-белый узорный платок того типа, который носят жители Сахары, и несколько семидюймовых синглов с записями музыки, которую я никогда раньше не слышал. Он пытался купить мне черную футболку с изображениями змей и мечей. Я отказался, хотя в принципе она мне понравилась. Он примерил пару синих замшевых туфель со сморщенными подошвами, которые он назвал бордельными тапками. Он посмотрел на себя в зеркало в полный рост, пятерней зачесал от лица назад челку на манер чуба в стиле 1950-х годов и внезапно стал похож на красавца-сердцеда, этакий гибрид Монтгомери Клифта и Джеймса Дина.

Я купил себе галстук-шнурок с серебряной заколкой в виде бараньей головы, что обошлось мне в два фунта. Его упаковал в бумажный пакет человек, похожий на панка-ковбоя.

Спустя час мы вышли в толчею обычного субботнего утра: семьи ходили по магазинам, люди садились в автобусы или выходили из них. Мы прошагали мило до Гайд-парка, где сели на скамейку.

— Смотри, — сказал Фин, разжимая пальцы правой руки.

Я посмотрел на маленький скомканный прозрачный пакетик. Внутри были два крошечных квадратика бумаги.

— Что это? — спросил я.

— Это кислота, — ответил он.

Я не понял.

— ЛСД, — пояснил он.

Я слышал об ЛСД. Это был наркотик, имевший какое-то отношение к хиппи и галлюцинациям.

Я вытаращил глаза.

— Что... Но как? Зачем?

— Парень в музыкальном магазине. Он просто сказал мне, что у него это есть. Я не спрашивал. Наверно, решил, что я старше, чем на самом деле.

Я испуганно посмотрел на крошечные бумажные квадратики в крошечном прозрачном пакетике. В голове вертелись самые разные мысли.

— Ты ведь не собираешься?..

— Нет. По крайней мере, не сегодня. Но, может быть, в другой раз, а? Когда мы дома? Ты как?

Я кивнул. Я был готов на все, если это означало, что я могу провести время с ним рядом.

* * *

В ресторане шикарного отеля с видом на парк Фин купил нам сэндвичи. Их принесли на тарелках с серебряной каемкой, ножом и вилкой. Мы сидели у высокого окна, и я думал, как мы смотримся со стороны: высокий, красивый юноша и его крошечный друг с детским личиком в потертой трикотажной курточке.

— Как ты думаешь, что сейчас делают взрослые? — спросил я.

— Да мне насрать, — ответил Фин.

— Вдруг они вызвали полицию?

— Я оставил записку.

— Понятно! — сказал я, удивленный этим проявлением послушания. — Что ты написал?

— Написал, что мы с Генри идем гулять и вернемся позже.

Мы с Генри. Мое сердце подпрыгнуло.

— Скажи, а что случилось в Бретани? — спросил я. — Почему вы вдруг оттуда уехали?

Он покачал головой.

— Вряд ли ты захочешь это знать.

— Нет, я как раз-таки очень хочу. Что там стряслось?

Он вздохнул.

— Да все из-за отца. Он взял что-то такое, что не принадлежало ему. Затем он сказал что-то типа, мол, я думал, что мы все должны делиться всем, что у нас есть, но это было что-то вроде семейной реликвии. Эта штука стоила около тысячи фунтов. Он просто отвез ее в город и продал, а затем сделал вид, будто видел, как «кто-то» проник в дом и украл ее. Деньги он припрятал. Но до хозяев дома дошла правда. И разразился сущий ад. На следующий день нам дали коленом под зад. — Он пожал плечами. — Были и другие дела. Но это главная причина.

Внезапно мне стало понятно, почему он не раскаивался в том, что взял деньги отца.

Дэвид утверждал, что зарабатывал много денег, проводя свои занятия, но, если задуматься, сколько денег можно заработать на горстке хиппи в церковном зале два раза в неделю? Что, если он прямо у нас под носом уже продал что-то из наших вещей? Он уже промыл мозги моей матери, и та позволила ему распоряжаться финансами нашей семьи. Что, если он снимает деньги прямо с нашего банковского счета? Или же это были деньги, которые, как считала моя мама, шли на благотворительность, на помощь бедным людям?

Все мои смутные подозрения по поводу Дэвида Томсена начали складываться в нечто весомое и реальное.

— Тебе нравится твой отец? — спросил я у Фина, ковыряя кресс-салат на краю своей тарелки.

— Нет, — просто ответил он. — Я презираю его.

Я кивнул, получив подтверждение моим мыслям.

— Как насчет тебя? — спросил он. — Тебе нравится твой отец?

— Мой отец слабак, — ответил я, со жгучей ясностью понимая, что это правда.

— Все люди слабаки, — сказал Фин. — Это главная беда этого гребаного мира. Слишком слабы, чтобы любить по-настоящему. Слишком слабы, чтобы ошибаться.

От мощи этого утверждения у меня перехватило дыхание. Столь верных слов я еще ни разу не слышал. В основе всех плохих вещей, которые когда-либо случались, лежит людская слабость.

Прямо на моих глазах Фин вынул из пачки две банкноты по десять фунтов и заплатил за дорогие сэндвичи.

— Извини, но я не смогу вернуть тебе деньги, — сказал я.

Он тряхнул головой.

— Мой отец заберет все, что у вас есть, а потом разрушит вашу жизнь. Так что это самое меньшее, что я могу для тебя сделать.

Либби, Дайдо и Миллер запирают дверь дома и идут в паб. Это паб, который Либби заметила с крыши дома. Он забит под завязку, но они находят высокий стол в биргартене и перетаскивают к нему табуреты от других столов.

— Как по-вашему, кто это? — говорит Дайдо, трубочкой размешивая джин с тоником.

— Вряд ли это какой-то бездомный, — отвечает Миллер. — Там слишком мало вещей. Если бы он действительно там жил, то мы бы увидели кучи разного барахла.

— То есть, вы считаете, что он лишь иногда заглядывает туда? — говорит Либби.

— Я бы предположил, что да.

— И когда я приходила в субботу, там, наверху, кто-то был?

— И это тоже.

Либби вздрагивает.

— Послушайте, — говорит Миллер, — я вот что думаю. Вы родились, если не ошибаюсь, в июне 1993 года?

— Девятнадцатого июня. — Произнося эту дату, Либби ощущает холодок. Откуда это известно? Что, если это вымышленная дата? Придуманная социальными службами? Ее приемной матерью? Она чувствует, как ее уверенность в себе начинает куда-то ускользать.

— Верно. Ваш брат и сестра наверняка знали дату вашего рождения, ведь когда вы родились, они были подростками. И если они каким-то образом знали, что дом находится в доверительном управлении и станет вашим, когда вам исполнится двадцать пять лет, нет ничего удивительного в том, если кто-то из них решил вернуться в дом. Увидеть вас...

Либби удивленно ахает.

— Вы хотите сказать... вы думаете, что это может быть мой брат?

— Да, я думаю, что это может быть Генри.

— Но если он знал, что это была я, и он был там, в доме, то почему он тогда не спустился и не увиделся со мной?

— Ну этого я не знаю.

Либби поднимает бокал с вином, подносит к губам, и снова ставит.

— Нет, — решительно говорит она. — Это полная бессмыслица.

— Может, он не хотел тебя напугать? — высказывает предположение Дайдо.

— Неужели он не мог оставить мне записку? — отвечает Либби. — Разве нельзя было связаться с адвокатом, сообщить ему, что он хочет встретиться со мной? Но вместо этого он прятался на чердаке, как какой-то чокнутый.

— Слушай, может, он извращенец? — говорит Дайдо.

— Кстати, что вы узнали о нем? — спрашивает Либби Миллера. — Кроме того, что он мой брат?

— Ничего особенного, — отвечает тот. — Я знаю, что в возрасте от трех до одиннадцати лет он посещал школу Портман-Хаус. Его учителя говорили, что он умный мальчик, но немного замкнутый. У него действительно не было друзей. Но потом, в 1988 году, он ушел из этой школы, потому что ему предложили место в колледже Святого Ксавье в Кенсингтоне, но он не стал там учиться. И это последнее, что о нем кто-либо слышал.

— Ничего не понимаю, — говорит Либби. — Бродит по дому, пробирается по тоннелям и через кусты в саду, прячется наверху, когда знает, что я внизу. Вы уверены, что это Генри?

— Нет, конечно. Но кто еще мог знать, что вы там будете? Кто еще знает, как попасть в дом?

— Один из тех, других, — отвечает Либби. — Что, если это кто-то из других людей?

Майкл ненадолго отвлекается, отгоняя осу, которая атакует его тарелку. Он хлопает салфеткой, но оса все время возвращается. Люси тем временем украдкой проверяет время на своем телефоне.

Уже почти три часа дня. Она хочет к четверем вернуться домой. Ей нужны паспорта, но она знает: спросив про них, она тем самым ускорит неизбежное перемещение в кровать Майкла. Она собирает со стола тарелки.

— Послушай, — говорит она, — давай отнесем их в дом. Хоть избавишься от твоей назойливой подружки-осы.

У Майкла остекленевший взгляд, и он с благодарностью улыбается ей.

— Точно, — говорит он. — Хороший план, и давай выпьем кофе.

Люси идет в кухню и начинает загружать посудомоечную машину. Пока кофемашина размалывает зерна, Майкл разглядывает ее.

— А ты сохранила фигуру, Люси, — говорит он. — Очень даже неплохо выглядишь для сорокалетней матери двоих детей.

— Мне тридцать девять. — Она натужно улыбается и бросает две вилки в лоток для столовых приборов. — Но все равно спасибо.

Атмосфера неловкая, слегка напряженная. Они слишком долго тянули с тем, что должно произойти дальше. Они слишком много выпили, слишком много съели, слишком долго сидели в душном воздухе сада.

— Мне пора возвращаться к детям, — говорит Люси.

— Ерунда, — беспечно говорит Майкл. — Марко большой мальчик. Он может присмотреть за младшей сестренкой чуть дольше.

— Да, конечно, но Стелла нервничает, когда меня нет рядом.

При этих ее словах нижняя челюсть Майкла слегка дергается. Он терпеть не может слышать о чужой слабости. Он это ненавидит.

— Итак, — со вздохом говорит он, — я полагаю, тебе нужны паспорта?

— Да. Пожалуйста.

Ее сердце так сильно стучит в груди, что его стук отдается в ее ушах.

Он наклоняет голову и улыбается ей.

— Но пока ты никуда не торопишься? Верно?

Он идет в свой кабинет, и она слышит, как он открывает и закрывает ящики. Через минуту он возвращается с паспортами в фетровой сумочке на шнурке. Он на ходу помахивает ею.

— Как ты знаешь, я человек слова, — говорит он, медленно приближаясь к Люси, и, не сводя с нее глаз, покачивает перед собой фетровой сумочкой.

Она не может понять, что он делает. Он ожидает, что она вырвет паспорта у него из рук? Станет гоняться за ним? Или что там еще?

Люси нервно улыбается.

— Спасибо, — говорит она.

А потом, не выпуская из рук фетровой сумочки, он становится напротив нее, крепко прижимая ее спиной к кухонной стойке, и его губы тянутся к изгибу ее шеи. Она чувствует их на своей коже. Она слышит, как он стонет.

— О Люси, Люси, Люси, — шепчет он. — Боже, ты так хорошо пахнешь. Ты такая... — он сильнее прижимается к ней, — сладкая. Ты... — Он снова стонет, и его рот находит ее губы, и она целует его в ответ. Вот почему она здесь. Она пришла сюда, чтобы трахнуть Майкла, и теперь она собирается трахнуть Майкла, ведь она трахала его раньше, и она сможет трахнуть его снова, действительно сможет, особенно если она представит себе, что он — Ахмед, или даже что он незнакомец, тогда да, она сможет сделать это, она сможет сделать это.

Она впускает его язык в свой рот и зажмуривает глаза... крепко, крепко, крепко. И его руки хватают ее за ягодицы и толкают вверх, он усаживает ее на кухонный стол, он берет ее ноги и оборачивает их вокруг себя. Его руки с силой сжимают ее лодыжки, и она даже морщится от боли, но она не останавливается, она терпит, потому, что она пришла сюда, чтобы получить паспорта. За ее спиной булькает и шипит кофеварка. Она сбивает пустой стакан, и он катится по стойке и разбивается о чайник. Она пытается отдернуть руку от разбитого стекла, но Майкл подталкивает ее ближе к нему, его руки задирают подол ее юбки, нащупывает резинку ее трусов.

Она пытается отодвинуться в сторону от разбитого стекла, но не хочет прерывать импульс происходящего, ей нужно, чтобы это произошло, и как можно скорее, чтобы она могла натянуть трусы,

взять паспорта и поехать домой к детям. Она пытается сосредоточиться на том, чтобы помочь ему снять с нее нижнее белье, но чувствует, что ей в поясницу впивается осколок стекла. Она в последний раз пытается отодвинуться прочь от битого стекла, как вдруг Майкл внезапно отстраняется и говорит:

— Черт, сколько можно дергаться? Ты прекратишь уворачиваться от меня? — он наваливает на нее всем своим весом, и стекло вонзается ей в кожу. Она вздрагивает, резко подается вперед и кричит от боли. — Что за хрень? Сколько можно, на фиг!

Почти как в замедленной съемке она видит, как к ее лицу приближается его кулак, а в следующий миг ее зубы клацают, а мозг как будто ударяется о стенки черепа.

А еще она чувствует, как течет кровь, как по ее спине течет теплая кровь.

— Мне больно, — говорит она. — Посмотри. Там было битое стекло и...

Но он не слушает ее. Вместо этого он снова заваливает ее на стойку. Стекло вонзается в новый участок ее поясницы, а затем он оказывается внутри ее, и его рука зажимает ей рот, и все получается не так, как должно было быть. А должно было быть по обоюдному согласию. Она собиралась дать ему то, чего он хотел. Но теперь ей больно, из раны на спине бежит кровь, она чувствует запах жареного мяса, исходящий от его руки, видит перекошенное от ярости лицо. А ведь она просто хочет получить паспорта, эти гребаные паспорта, но не хочет всего этого. Ее рука нащупывает нож. Это нож, которым она резала помидоры, нож, который пронзил их кожуру, как масло, и вот он в ее руке, и она вонзает его Майклу в бок, в полоску голого тела ниже его задравшейся футболки, в мягкую, нежную белую плоть, где кожа похожа на детскую, и нож входит в нее так легко, что она почти не замечает, как это получилось.

Она видит, как его глаза на миг растерянно затуманиваются, но затем этот туман исчезает. Поняв, что произошло, он отшатывается назад. Он смотрит на кровь, хлещущую из раны в бок, и зажимает ее руками, но кровь продолжает течь.

— Черт возьми, Люси. Ты совсем с катушек съехала? — Он смотрит на нее широко открытыми глазами. — Помоги мне, мать твою!

Она находит чайные полотенца и сует их ему в руки.

— Прижми крепче, — говорит она, задыхаясь. — Прижми как можно сильнее.

Он берет полотенца и прижимает их к ране, но его ноги подгибаются, и он валится на пол. Она снова пытается помочь ему, но он отталкивает ее. До Люси внезапно доходит, что Майкл умирает. Она представляет себе, как звонит в службу экстренной помощи. Представляет, как приезжает «Скорая», как медики спрашивают ее, что случилось. Она скажет им, что он ее изнасиловал. Доказательство будет. Осколок стекла, все еще торчащий в ее спине, — лучшее тому доказательство. Тот факт, что брюки у него до сих пор на лодыжках. Да, они поверили бы ей. Точно поверили бы.

— Я звоню в «Скорую», — говорит она Майклу, чьи глаза незряче смотрят в пространство. — Просто продолжай дышать. Продолжай дышать. Я звоню им.

Дрожащими пальцами она достает из сумки телефон, включает его и уже собирается нажать первую цифру, когда до нее доходит: ей вполне могут поверить, но из страны не выпустят. Ей придется остаться во Франции, отвечать на неприятные вопросы. Ей придется признаться, что она находится здесь незаконно, что официально ее нет, и тогда у нее отберут детей и все, абсолютно все полетит к чертям собачьим, словно в кошмарном сне.

Ее палец все еще прижат к экрану телефона. Она смотрит на Майкла. Тот дрожит. Из его бока все еще бежит кровь. Чувствуя, что ее вот-вот вырвет, она поворачивается к раковине и делает несколько глубоких вдохов.

— Боже, о боже, о боже. Боже, боже, боже.

Она оборачивается, смотрит сначала на свой телефон, затем на Майкла. Она не знает, что делать. И тут до нее доходит: она видит, как жизнь уходит из тела Майкла. Она видела это раньше. Она знает, как это выглядит. Майкл мертв.

— О боже, о боже, о боже.

Она опускается на корточки и щупает его пульс. Пульса нет.

Она начинает разговаривать сама с собой.

— О'кей, — говорит она, вставая. — О'кей. Итак, кто знает, что ты была здесь? Джой... Майкл мог сказать Джой. Но он сказал бы ей, что приедет Люси Смит. Да. Люси Смит. Но это не мое настоящее имя,

и теперь я даже не Люси Смит. Я... — Ее рука находит маленькую фетровую сумочку. Она достает паспорта, открывает последнюю страницу и читает. — Я — Мари Валери Карон. Отлично. Я — Мари Карон. Да. А Люси Смит не существует. Джой не знает, где я живу. Но...

— Школа! — говорит она. — Майкл знал, в какую школу ходил Марко. Но мог он сказать об этом Джой? Нет, он не сказал бы об этом Джой. Конечно, нет. И даже если бы сказал, они знают только Люси Смит, а не Мари Карон.

А Стелла ходит в другую школу, не в ту, где учится Марко, и никто, кроме меня и Самии, не знает, где она. Так, а те, кто делали паспорта? Нет. Это люди из преступного мира, никому даже не придет в голову спрашивать их. Так что никто даже не подумает их искать. Дети. Они знали, что я поехала сюда, но они никому не скажут. Хорошо. О'кей.

Она ходит туда-сюда и рассуждает вслух. Затем смотрит на тело Майкла. Должна ли она оставить его на полу? Чтобы Джой обнаружила его завтра утром. Или лучше перетащить его в другое место, а здесь все отмыть? Спрятать тело? Оно такое большое. Где она его спрячет? Ей никогда не спрятать его так, чтобы его никто не нашел, но, может, хотя бы на то время, пока они с детьми доберутся до Лондона.

Да, решает она, да. Она все отмоет. Она перетащит тело в винный погреб. Она накроет его чем-нибудь. Джой придет завтра и подумает, что он куда-то ушел. Она не будет знать, что он пропал, пока не появится запах. К тому времени ее с детьми уже здесь не будет. И все подумают, что его убил кто-то из темных личностей, с которыми он якшался.

Она открывает дверцу шкафчика под раковиной. Она достает отбеливатель. Она открывает новый рулон кухонного полотенца.

И принимается за уборку.

Мы с Финном сидели на плоской крыше дома. Эту плоскую крышу нашел Фин. Я понятия не имел, что она существует. Чтобы выбраться на нее, нужно было открыть люк в потолке мансардного коридора, забраться в лаз под низкой крышей, а потом толкнуть еще один люк, выходящий на плоскую крышу, откуда открывается изумительный вид на реку.

Похоже, мы не первые, кто нашел выход на потайную террасу на крыше. Там уже стояла пара грязных пластиковых стульев, несколько засохших растений в горшках и маленький столик.

Я отказывался поверить, что мой отец не знал об этом месте. Он вечно жаловался на то, что сад находится на северной стороне, отчего в нем невозможно любоваться закатом. Здесь, наверху, был уединенный оазис, который весь день купался в солнечных лучах.

Каждый крошечный бумажный квадратик, которые Фин за неделю до этого раздобыл на Кенсингтонском рынке, состоял из четырех еще более мелких квадратов, соединенных вместе. На каждом крошечном кусочке было нарисовано улыбающееся лицо.

— Что, если у нас будет плохой улет? — спросил я, чувствуя себя круглым идиотом от того, что использую такую лексику.

— Мы попробуем всего по половинке, — сказал Фин. — Для начала.

Я кивнул. Я бы предпочел вообще ничего не принимать. Улеты не для меня. Но это был Фин, и я, используя слова моих родителей, пошел бы за ним на край света и прыгнул бы вниз со скалы, попроси он меня об этом.

Я пронаблюдал, как он глотает малюсенькую полоску бумаги, а потом он пронаблюдал, как я сделал то же самое. Небо было акварельно-голубым. Солнце светило слабо, но здесь, в этом тайном месте, было тепло и его лучи согревали нам кожу. Какое-то время мы ничего не чувствовали. Мы говорили о том, что нам было сверху видно: о сидевших в садиках людях, о лениво покачивавшихся на водной глади Темзы лодках, об электростанции на другой стороне реки. Примерно через полчаса я расслабился, решив, что кислота явно

поддельная, что ничего не произойдет, что мне все сойдет с рук. Как вдруг я почувствовал, что кровь начинает нагреваться у меня под кожей.

Я посмотрел вверх, на небо, и увидел, что оно заполнено пульсирующими белыми прожилками, которые, чем дольше я смотрел на них, прямо на глазах начинали светиться и переливаться, как перламутр. Я понял, что небо вовсе не голубое, а имеет миллионы разных оттенков, как будто сговорившихся создать бледно-голубой цвет, и что небо коварное и лживое, что на самом деле оно гораздо умнее нас и что, может быть, все, что мы считали неодушевленными вещами, на самом деле умнее нас и смеется над нами. Я посмотрел на листья на деревьях и усомнился в их зелени. «Вы действительно зеленые?» — спросил я себя. Или вы на самом деле крошечные частички пурпурного, красного, желтого и золотого? Их компания закатила вечеринку, и они смеются, смеются, смеются. Я посмотрел на Фина.

— Твоя кожа действительно белая? — спросил я.

Он посмотрел на свою кожу.

— Нет. Она... — Он смерил меня взглядом и громко расхохотался. — У меня чешуя! Смотри! У меня есть чешуя. А у тебя! — он радостно указал на меня. — У тебя есть перья! О боже, — произнес он. — Кем мы стали? Мы животные!

В течение минуты мы гонялись друг за другом по всей крыше, издавая животные звуки. Я погладил свои перья. Фин высунул язык. Его длина привела нас обоих в шок и трепет.

— Такого длинного языка, как твой, я еще ни разу не видел!

— Это потому, что я — ящерица. — Он втянул его назад, а затем снова высунул. Я пристально наблюдал за ним. И как только язык снова выскочил из его рта, я наклонился и сжал его зубами.

— Ой! — сказал Фин, хватаясь за язык и смеясь надо мной.

— Извини! — сказал я. — Я просто глупая птица. Я подумал, что это червяк.

А потом мы перестали смеяться и сидели в пластиковых шезлонгах и смотрели, смотрели, смотрели на кружащееся северное сияние над нашими головами, и наши руки свисали бок о бок, и время от времени костяшки наших пальцев соприкасались, и каждый раз, когда кожа Фина касалась моей, мне казалось, будто все его существо

проникало сквозь мой эпидермис, и крошечные частички его сущности, кружась, сливались с моей сущностью, превращая нас с ним в суп, и это было слишком мучительно, и мне нужно было подключиться к нему, чтобы я мог захватить всю его сущность, и мои пальцы переплелись с его пальцами, и он позволил мне держать его за руку, и я чувствовал, как он вливается в меня, как когда-то, когда мы однажды плыли на лодке по каналу, и человек открыл шлюз, и мы наблюдали, как вода перетекает из одного места в другое.

— Вот, — сказал я, поворачиваясь, чтобы посмотреть на Фина. — Ты и я. Теперь мы с тобой один человек, одно целое.

— Неужели? — сказал Фин, удивленно глядя на меня.

— Да, смотри. — Я указал на наши руки. — Мы одно и то же.

Фин кивнул, и мы какое-то время сидели, я не знаю, как долго, это могло быть пять минут, это мог быть час, но наши пальцы были сплетены, и мы смотрели в небо, погруженные в наши собственные странные, вызванные химией, грезы.

— У нас неплохой улет, верно? — сказал я в конце концов.

— Нет, — возразил Фин. — У нас хороший улет.

— Отличный улет, — заявил я.

— Да, — согласился он. — Отличный улет.

— Мы должны жить здесь, наверху, — сказал я. — Притащим сюда кровати и будем здесь жить.

— Это точно! Мы должны это сделать. Прямо сейчас!

Мы оба вскочили и спрыгнули через люк в лаз над чердаком. Я видел, как стены лаза пульсируют, как внутренности тела. Мне казалось, что мы в его горле, а может быть, в пищеводе. Мы чуть не вывалились через люк в коридор, но как будто оказались не в том месте, как в сериале «Доктор Кто», когда он открывает дверь в ТАРДИС и не знает, где находится.

— Где мы? — спросил я.

— Мы упали, — ответил Фин. — В потусторонний мир.

— Я хочу вернуться наверх.

— Давай возьмем подушки, — предложил Фин. — Быстро.

Он потянул меня за руку в свою спальню, и мы схватили подушки, и уже собрались заползти обратно в лаз, как перед нами возник Дэвид.

Он был мокрым после душа. Ниже пояса он обмотался полотенцем, а его грудь оставалась голой. Я уставился на его соски.

Они были темными и сморщенными.

— Что вы тут делаете? — спросил он, подозрительно глядя то на Фина, то на меня. Его голос был похож на раскат грома. Он был высокий и абсолютно твердый, как статуя. В его присутствии моя кровь тотчас похолодела.

— Мы забираем подушки, — сказал Фин. — Наверх.

— Наверх?

— Наверх, — повторил Фин. — А это низ.

— Низ?

— Низ, — подтвердил Фин.

— Что, черт возьми, с вами такое? — спросил Дэвид. — Живо посмотрите на меня. — Он крепко взял Фина за подбородок и заглянул ему в глаза. — Вы принимали наркотики? — спросил он, поворачиваясь ко мне. — Господи, да вы оба обдолбанные. Что, черт побери, вы принимали? Что это было? Гашиш? Кислота? Что?

Вскоре нам было велено спуститься вниз. Были вызваны мои родители и мать Фина, а Дэвид все еще был завернут в полотенце, и я по-прежнему тараторил на его сморщенные соски и чувствовал, как завтрак в моем животе просится наружу. Мы были в гостиной, в окружении глазевших на нас со стен написанных маслом портретов и чучел мертвых животных, прибитых к стене, и четверо взрослых осыпали нас бесконечными вопросами.

Как? Что? Откуда? Как вы заплатили за это? Они знали, сколько вам лет? Вы могли умереть. Вы слишком юные. О чем, черт возьми, вы думали?

И именно в этот момент в комнату вошла Берди.

— Что тут происходит? — спросила она.

— Уходи, — сказал Фин, — это не имеет к тебе никакого отношения.

— Не смей так говорить со взрослыми, — рявкнул Дэвид.

— Где ты видишь взрослую? — заявил Фин, указывая на Берди.

— Фин!

— Не вижу никаких взрослых. Она? Она даже не человек. Она свинья. Вы только взгляните. Посмотрите на ее розовую кожу, ее крошечные глазенки. Она свинья.

Все дружно ахнули. Я уставился на Берди и попытался представить ее в обличье свиньи. Но в моих глазах она была похожа на

очень старую кошку, костлявую, с облезлой шерстью и слезящимися глазами.

Я перевел взгляд на Фина и увидел, что он смотрит на своего отца, а потом он широко открыл рот, расхохотался и громко заявил:

— Из чего следует, что ты любитель целоваться со свиньями!

И он зашелся в приступе хохота.

— Да, она свинья, а ты любитель целоваться со свиньями. Ты это знал, когда ты ее целовал... ты знал, что она свинья?

— Фин! — брезгливо поморщилась Салли.

— Генри видел, как отец целовал Берди. На прошлой неделе. Вот почему мы взяли все его деньги и пошли гулять, никого не спрашивая. Потому что я был на него зол. Но теперь я знаю, почему он поцеловал ее. Потому что... — теперь Фин хохотал до икоты и с трудом мог говорить, — ...ему нравится целоваться со свиньями!

Я тоже хотел рассмеяться, потому что мы с Финном были одним целым, но это чувство куда-то ушло, эта мощная связь исчезла, и теперь все, что я чувствовал, — это холодный, жестокий ужас.

Салли выбежала из комнаты. Фин последовал за ней, затем Дэвид, все еще обернутый в банное полотенце. Я смущенно посмотрел на Берди.

— Извините, — сказал я, сам не знаю, почему.

Она лишь глянула на меня и тоже вышла из комнаты.

После этого остались только мы втроем — я и мои родители. Отец встал.

— Чья это была идея? — спросил он. — Наркотики?

Я пожал плечами. Кислота уже покидала мое существо. Я чувствовал, что возвращаюсь в реальность.

— Я не знаю.

— Это все он, не так ли?

— Я не знаю, — повторил я.

Отец вздохнул.

— Мы это просто так не оставим, молодой человек. Будут последствия, — хмуро сказал он. — Нам придется их обсудить. Но пока мы принесем тебе стакан воды и дадим что-нибудь поесть. Что-то простое, но сытное. Может, тост, Мартина?

Мама кивнула, и я, поджав хвост, поплелся за ней на кухню. Я слышал доносившиеся сверху голоса: резкие гласные Салли,

рокочущий бас Дэвида, всхлипывания Берди. Я слышал шаги, слышал, как хлопали двери. Мама положила для меня в тостер ломоть хлеба, и мы с ней посмотрели друг на друга.

— Это правда? — спросила моя мать. — Что сказал Фин про Дэвида и Берди?

Я кивнул. Она прокашлялась, но ничего не сказала. Мгновение спустя мы услышали, как хлопнула входная дверь.

Я выглянул в прихожую и увидел Джастина. В руках он нес полотняные сумки. Он вернулся из своего субботнего похода на рынок. Вскоре в симфонию криков, доносившихся сверху, влился и его голос.

Мама передала мне тост, и я молча принялся его жевать. Я вспомнил странный ужас, который обуял меня, когда я на прошлой неделе увидел, как Берди и Дэвид целовались. Ощущение было такое, будто в мир проникла какая-то мерзость, будто они были ключами и открывали двери друг друга. А потом я вспомнил ощущение руки Фина в моей руке, там, на крыше, и подумал, что мы с ним тоже ключи, которые открывают друг друга, но выпускают наружу что-то приятное и доброе.

— Что теперь будет? — спросил я.

— Понятия не имею, — ответила моя мама. — Но явно что-то нехорошее. Даже не сомневаюсь.

Майкл лежит в подвале, а Люси уже более часа убирает в доме. Она берет пакет с мусором у входной двери. Тот набит пропитанными кровью бумажными полотенцами. В нем также лежит пара латексных перчаток Джой и остатки их трапезы: пустые винные и пивные бутылки, так и несъеденная панзанелла. Порезы на спине она залепила пластырем, найденным в ванной Майкла, и положила в сумочку три тысячи евро, которые взяла из ящика тумбочки в его спальне.

Проходя мимо «Мазератти», она смотрит на автомобиль, и на нее накатывается странная волна грусти. Майкл больше никогда не сядет за руль очередной показушной машины. Никогда больше не закажет очередной рейс на Мартинику, никогда не откроет дорогую бутылку марочного шампанского, никогда не напишет свою глупую книгу, никогда не прыгнет в одежде в бассейн, никогда не подарит женщине сто красных роз, никогда никого не трахнет, никогда никого больше не поцелует...

Никогда никому не сделает больно.

Чувство грусти улечувивается. Она бросает мешок в огромный муниципальный мусорный бак на пляже. В ней бурлит адреналин, придавая сил и уверенности в себе. Она покупает два пакета еды и напитков для детей. Марко пишет ей в пять часов вечера эсэмэску. *Ты где?*

В магазине, отвечает она. Скоро буду дома.

* * *

Дети послушны и готовы помочь. Они недоверчиво заглядывают в сумку с бутербродами и конфетами.

— Мы едем в Англию, — игриво говорит она им. — Мы встретимся там с дочерью моего друга и отпразднуем ее день рождения.

— Малышка! — восклицает Марко.

— Да, — говорит она. — Та самая малышка. И мы будем гостить в доме, в котором я когда-то жила, когда была маленькой. Но сначала у нас будет приключение! Сначала мы поедем в Париж! На поезде! Затем мы сядем на другой поезд и отправимся в Шербур. Из него мы поплывем на маленькой лодке к маленькому острову под названием Гернси и проведем ночь или две в симпатичном маленьком домике. После этого мы пересядем в другую лодку и поплывем в Англию и на машине приедем в Лондон.

— Мы все? — спрашивает Стелла. — И даже Фитц?

— И даже Фитц. Но мы должны упаковать вещи, хорошо? И нам нужно немного поспать, потому что завтра мы должны быть на вокзале в пять часов утра! Так что давайте что-нибудь съедим, вымоемся, соберем вещи и ляжем спать.

Она оставляет детей собирать вещи, а сама идет в комнату Джузеппе. Пес радостно прыгает на нее, и она даже позволяет ему облизать ей лицо. Она смотрит на Джузеппе и думает, что ему сказать. Он верный друг, но он стар и может многое напутать. Она решает солгать ему.

— Мы с детьми собрались в отпуск, — говорит она. — На Мальту. У меня там друзья.

— О, — говорит Джузеппе. — Мальта — волшебное место!

— Да, — соглашается она, и ей грустно от того, что она вынуждена лгать одному из самых добрых людей, каких она только знает.

— Но там жарко, — говорит он, — в это время года. Очень жарко. — Он смотрит на пса. — Ты хочешь, чтобы я присмотрел за ним?

Пес. Черт, она не подумала о нем! Люси на мгновение впадает в панику, но затем она собирается с духом и говорит:

— Я возьму его с собой. В качестве терапевтической собаки. От приступов тревоги.

— Ты страдаешь приступами тревоги?

— Нет. Но я сказала своим друзьями, что у меня случаются тревожные приступы, и они разрешили приехать к ним с собакой.

Джузеппе не станет подвергать ее слова сомнению. Он плохо знает, как устроен современный мир. В мире Джузеппе на дворе сейчас примерно 1987 год.

— Как мило! — говорит итальянец, глядя пса по голове. — Ты едешь в отпуск, мальчик! Приятного тебе отдыха! И надолго ты уезжаешь?

— На пару недель, — отвечает она. — Может даже, на три. Если хотите, можете пока сдать нашу комнату.

Джузеппе улыбается.

— Но я позабочусь, чтобы он была в твоём распоряжении, когда ты вернешься.

Люси берет его за руку.

— Спасибо, — говорит она. — Огромное вам спасибо.

Она крепко обнимает старика. Она понятия не имеет, увидит ли она его снова. И спешит выйти из его комнаты, прежде чем он заметит ее слезы.

— Сегодня вечером я собираюсь остаться в доме, — говорит Миллер, ставя на стол пустой стакан из-под пива. — Если вы не против. Что скажете?

— Где вы будете спать?

— Я не собираюсь спать.

Судя по его лицу, он настроен решительно. Либби согласно кивает.

— Ладно, — говорит она. — Оставайтесь.

Они возвращаются к дому, и Либби вновь отпирает замок, вновь снимает деревянный щит, и они вновь входят в дом. Внутри они на миг застывают неподвижно, глядя вверх и прислушиваясь, не послышатся ли наверху шаги или шорохи. Но дом молчит.

— Итак, — говорит Либби, глядя на Дайдо, — пожалуй, нам пора домой.

Дайдо кивает, и Либби делает шаг к входной двери.

— С вами все будет в порядке? — говорит она. — Здесь? Одному?

— Слушайте, — говорит Миллер. — Посмотрите на меня. Неужели я похож на человека, которому будто будет страшно одному в темном пустом доме, где погибли три члена секты в каких-то балахонах?

— Может, вы хотите, чтобы я тоже осталась?

— Нет. Поезжайте домой, и ложитесь в свою красивую уютную постельку.

Он гладит пальцами бороду и смотрит на нее очаровательными щенячьими глазами.

Либби улыбается.

— Вы хотите, чтобы я осталась, не так ли? — говорит она.

— Нет. Нет, нет и нет.

Либби смеется и смотрит на Дайдо.

— Ты не против ехать без меня? — спрашивает она. — Я буду завтра утром. Обещаю.

— Оставайся, — говорит Дайдо. — И приходи завтра на работу в любое время. Без всякой спешки.

Когда Либби, проводив Дайдо до станции метро, возвращается в дом, уже начинает смеркаться. Она окунается в атмосферу жаркого летнего вечера в Челси, с его толпами белокурых подростков в рваных джинсовых шортах и огромных кроссовках, с шикарными комнатами в окнах первых этажей. Пару мгновений она представляет, как будет жить здесь, став частью этого утонченного мира, настоящей девушкой из Челси. Представляет дом на Чейн-Уолк, под завязку забитый антиквариатом, хрустальными люстрами и произведениями современного искусства.

Увы, стоит ей открыть дверь дома номер шестнадцать, как фантазия рассеивается. Дом обветшал, сильно попорчен плесенью.

Миллер сидит в кухне за большим деревянным столом. Когда она входит, он поднимает взгляд и говорит:

— Нет, вы только взгляните на это.

Используя подсветку телефона в качестве фонарика, он смотрит на что-то внутри ящика. Либби заглядывает внутрь.

— Видите? — спрашивает Миллер.

В самой задней части ящика, черным карандашом кто-то нацарапал: «Я — ФИН».

Через несколько недель Салли уехала от нас. Еще через несколько дней Берди перебралась в комнату Дэвида. А вот Джастин даже не думал никуда уезжать. Он остался в спальне, в которой раньше жил с Берди.

Меня так и не наказали за эксперимент с кислотой и улетом, как и Фина. Но было ясно: для Фина потеря матери хуже любого наказания, какое только мог придумать его отец. В первую очередь он винил самого себя. После этого он обвинил Берди. Он презирал ее и называл «это». Затем он обвинил своего отца.

А потом, к сожалению, и главным образом подсознательно, он обвинил меня. В конце концов, именно я сообщил ему эту ужасную, роковую весть, которой он непреднамеренно разрушил брак своих родителей. Не скажи я ему, ничего бы не было: ни похода по магазинам, ни кислоты, ни гадкого дня откровений о поцелуях свиней. И наш союз, который мы заключили в тот день на крыше, не просто испарился, а, я бы даже сказал, сгорел в облаке ядовитого дыма.

Трудно было не согласиться с тем, что все это я навлек на себя сам. Когда я думал о том, чего я хотел добиться, рассказывая ему, чему стал свидетелем, о моем желании ужаснуть и произвести впечатление, об отсутствии у меня сочувствия или понимания того, какую реакцию это может вызвать в Фине, да, я ощущал чувство личной ответственности. И я заплатил за это цену, видит бог, я ее заплатил. Потому что, невольно разрушив брак его родителей, я тем самым невольно разрушил и свою собственную жизнь.

* * *

Вскоре после того, как Салли уехала, я наткнулся в саду на Джастина. Сидя за столом на террасе, он перебирал охапки трав и цветов. То, что он остался под одной крышей с изменившей ему женщиной, было выше моего понимания — было в этом нечто печальное, подрывавшее нравственные устои. Он продолжал, как и

прежде, ухаживать за своими растениями, собирал их, превращал в порошки, которые затем ссыпал в маленькие холщовые мешочки, наполнял настойками крошечные стеклянные пузырьки, к которым привязывал бирочки с надписью «Аптекарь из Челси». Он носил ту же одежду, и его походка оставалась прежней. Я не замечал в нем никаких внешних признаков внутренних переживаний или разбитого сердца. Поскольку я сам мучился душевными страданиями по поводу моих столь скоротечных отношений с Фином, то мне было любопытно узнать его мысли. После того как Салли уехала, Берди и Дэвид сошлись, а мои собственные родители превратились в тени себя прежних, Джастин, как ни странно, производил впечатление одного из самых нормальных людей в нашем доме.

Я сел напротив него, и он добродушно посмотрел на меня.

— Привет, парень. Как дела?

— Дела... — Я собрался было сказать, что все в порядке, но потом вспомнил, что они были далеко не в порядке. Поэтому я сказал: — Все странно.

Он пристально посмотрел на меня и произнес:

— Это да.

Пару секунд мы молчали. Я наблюдал, как он аккуратно обрывал с веток почки и укладывал их на поднос.

— Почему вы до сих пор живете здесь? — спросил я в конце концов. — Теперь, когда вы и Берди?..

— Хороший вопрос, — сказал он, не глядя на меня. Он положил на поднос еще один бутон, потер кончики пальцев и положил руки на колени. — Наверно, потому, что, хотя я больше не с ней, она по-прежнему часть меня? Знаешь, часть любви, та, которая не про секс, не умирает автоматически. Или, по крайней мере, такое случается не всегда.

Я кивнул. Это было верно и для меня. Хотя, скорее всего, я больше никогда не смогу снова взять Фиона за руку или даже поговорить с ним по душам, это не умаляло моих чувств к нему.

— Как вы думаете, вы могли бы вернуться к ней?

Джастин вздохнул.

— Да, — сказал он. — Может быть. А может, и нет.

— Что вы думаете про Дэвида?

— А-а-а...

Язык его тела тотчас изменился. Он нахохлился и переплел пальцы.

— Присяжные разошлись, — произнес он в конце концов. — В некотором смысле он потрясающий чувак. В другом... — Джастин покачал головой. — Он пугает меня.

— Да, — сказал я громче и энергичнее, нежели хотел. — Да, — повторил я, но уже тихо. — Меня он тоже пугает.

— И каким же образом, если не секрет?

— Он... — Я посмотрел в небо в поисках слов поприличней. — Зловещий.

Джастин расхохотался.

— В точку попал. Да. Зловещий, — сказал он. — Держи, — сказал он, протягивая мне горсть маленьких желтых цветков, похожих на маргаритки, и моток ниток. — Свяжи их в маленькие пучки, за стебли.

— Что это?

— Это календула. Для успокоения кожного зуда. Прекрасное средство.

— А это что? — я указал на поднос с крошечными желтыми бутонами.

— Это ромашка. Ее можно заваривать, как чай. Понюхай. — Он передал мне бутон. Я поднес его к носу. — Правда, приятный запах?

Я кивнул и обмотал стебли календулы ниткой, которую завязал бантом.

— Так пойдет?

— Великолепно. Кстати, — произнес он. — Я слышал о вас с Фином. На прошлой неделе. Ну про то, как вы кайфанули.

Я покраснел до корней волос.

— Ну и ну! — воскликнул Джастин. — Лично я первый раз попробовал наркотики в восемнадцать лет! А тебе сейчас сколько? Двенадцать?

— Тринадцать, — твердо ответил я. — Мне тринадцать.

— Ну ты даешь! Ты ведь совсем еще пацан! — сказал он. — Снимаю перед тобой шляпу.

Скажу честно, я не понял его восхищения. Ведь это явно был дурной поступок. Но я все равно улыбнулся.

— Знаешь, — заговорщически произнес он, — я могу вырастить здесь что угодно. Практически все. Ты врубаешься, что я имею в виду?

Я покачал головой.

— Я не просто выращиваю полезные вещи. Я могу выращивать и другие. Все, что только захочешь.

Я серьезно кивнул.

— Вы имеете в виду наркотики? — спросил я.

Он вновь рассмеялся своим утробным смехом.

— Ну да, наверно. Хорошие. — Он постучал себя по носу. — И плохие тоже.

В этот момент открылась задняя дверь. Мы оба обернулись, чтобы посмотреть, кто это.

Это были Дэвид и Берди. Они обнимали друг друга за талию. Быстро посмотрев в нашу сторону, они пошли и сели в другом конце сада. Атмосфера мгновенно изменилась. Как будто облако закрыло собой солнце.

— Вы в порядке? — шепотом спросил я у Джастина.

— Да, — кивнул он.

Некоторое время мы сидели в удушающем коконе их присутствия, болтая о разных растениях и об их свойствах. Я спросил у Джастина про яды, и он рассказал мне о белладонне, или смертельном паслене, которым, если верить легенде, солдаты Макбета якобы отравили наступающую английскую армию, и о цикуте, ставшей причиной смерти Сократа. Он также рассказал мне о колдовских травах, с помощью которых можно наводить чары, и о афродизиаках, таких как *гинкго билоба*.

— И откуда только вы все это знаете? — спросил я.

Джастин пожал плечами.

— Из книг. В основном. И моя мать обожает садоводство. В некотором смысле я рос на земле, среди растений. Так что ничего удивительного...

На тот момент у нас не было уроков, точнее, их не стало с тех пор, как Салли уехала. Мы, дети, были предоставлены самим себе: беспрепятственно слонялись по дому, скучая и не зная, чем себя занять.

— Почитай книгу, — говорили взрослые любому из нас, кто жаловался на то, что ему нечего делать. — Реши несколько задач.

Так что я, похоже, созрел для того, чтобы узнавать что-то новое, но все, что нам предлагалось, — это странные упражнения Дэвида или

Берди со своими уроками скрипки.

— А есть ли какие-нибудь растения, которые могут заставить людей, ну вы знаете, делать вещи — против их воли?

— Да, есть. Галлюциногенные вещества... волшебные грибы и тому подобное.

— А вы можете вырастить их? — спросил я. — В нашем саду?

— Я могу вырастить практически все, мальчик, причем где угодно.

— Могу я вам помочь? — спросил я. — Могу я помочь вам выращивать такие вещи?

— Конечно, — ответил Джастин. — Ты можешь стать моим маленьким дружком-учеником. Это будет классно.

* * *

Я не знаю, какие постельные разговоры велись за ужасной дверью комнаты Дэвида и Берди. Я старался не задумываться о том, что происходило за этой дверью. Я слышал вещи, которые даже сейчас, почти тридцать лет спустя, заставляют меня содрогнуться. Каждую ночь я спал, накрыв голову подушкой.

Каждое утро они вместе спускались вниз, излучая самодовольство и чувство собственного превосходства. Дэвид был одержим длинными, до пояса, волосами Берди. Он постоянно их трогал. Он накручивал их на пальцы и сжимал в руках пряди; разговаривая с ней, он гладил, перебирал их. Как-то раз я видел, как он поднял прядь ее волос, поднес ее к носу и глубоко вдохнул.

— Разве волосы Берди не прекрасны? — сказал он однажды. Он посмотрел на мою сестру и Клеменси, которые обе носили волосы до плеч. — Разве вы не хотели бы иметь такие волосы, девочки? — спросил он.

— Во многих религиях, — сказала Берди, — для женщин считается высокодуховным носить длинные волосы.

Хотя ни Дэвид, ни Берди не были религиозны, в первые дни их отношений они много рассуждали о религии. Они говорили о смысле жизни и жуткой одноразовости всего сущего. Они обсуждали минимализм и фэн-шуй. Они спросили мою маму, не будет ли та

против, если они перекрасят свою спальню в белый цвет, а заодно перенесут свою старинную металлическую кровать в другую комнату, а на пол положат матрас. Они ненавидели аэрозольные баллончики, фаст-фуд, фармацевтические препараты, искусственные волокна и полиэтиленовые пакеты, автомобили и самолеты.

Они уже тогда говорили об угрозе глобального потепления и беспокоились о последствиях своих углеродных следов. Если посмотреть на все это с точки зрения сценария конца света, который разыгрывается перед нами во время зловещей жары 2018 года, когда мы видим полный пластика океан и его мертвых обитателей, когда белые медведи соскальзывают в воду с тающих льдин, приходится признать: эта парочка опередила свое время. Но в контексте 1990-х годов, когда мир только начинал осознавать, чем чреваты современные технологии и одноразовая культура, они казались отклонением от нормы.

Если честно, я бы даже заужавал Дэвида и Берди и силу их заботы о нашей планете, если бы не тот факт, что Дэвид считал, что все должны жить согласно его воле. Ему и Берди было мало просто спать на матрасах на полу. Им захотелось, чтобы мы следовали их примеру. Мы все должны спать на матрасах на полу. Ему и Берди было мало только их собственного отказа от машин, аспирина и рыбных палочек. Мы все должны отказаться от машин, аспирина и рыбных палочек. Мне стало ясно: то, что я подсознательно предвидел несколько недель назад, когда стал свидетелем поцелуя Дэвида и Берди, сбылось. Она выпустила на волю в Дэвиде нечто ужасное и теперь хотела, чтобы Дэвид все контролировал.

Похоже, мы больше не были свободны.

Темнеть начинает только после десяти. Сидя за садовым столиком в сгущающихся сумерках, Либби и Миллер разговаривают друг с другом, не замечая темноты, пока не перестают видеть белки глаз друг друга. Тогда они зажигают свечи, чьи огоньки подрагивают и пляшут на ветру. Последний час дневного света они провели, обыскивая дом, и теперь обсуждают свои находки.

Помимо слов «Я — ФИН», написанных на внутренней стороне ящика стола, они нашли те же слова на дне ванны на мансардном этаже, на плинтусе рядом с дверью в одной из спален и внутри встроенного шкафа в комнате на втором этаже. В одной из комнат внизу они нашли несколько струн и пюпитр для нот, засунутый в угловой шкаф. В шкафу комнаты, где Либби была найдена в кровати, они отыскивали кучу чистых махровых подгузников, английские булавки, детский крем и ползунки. В сундуке в заднем коридоре лежала куча книг, заплесневелых и посеревших, — о целебных свойствах трав и растений, о средневековом колдовстве, сборники заклинаний. Книги эти были завернуты в старое одеяло и завалены сверху подушками в чехлах, которые, должно быть, некогда украшали садовую мебель.

Они также нашли тонкое золотое кольцо, застрявшее в щели между деревянными половицами и плинтусом. На кольце было клеймо, которое Миллер сфотографировал с помощью фотокамеры своего телефона, а затем увеличил изображение. Когда они погуглили его, оказалось, что это клеймо 1975 года — года свадьбы Генри и Мартины. Крошечная вещица, потерянная для мира, спасенная от глаз мародеров и полицейских, она пролежала в своем темном тайнике двадцать пять лет или даже больше.

Теперь это кольцо на безымянном пальце левой руки Либби. *Кольцо ее матери.* Оно как будто сделано по ее мерке. Они разговаривают, и Либби машинально крутит его на пальце.

Они то и дело умолкают, прислушиваясь к звукам шагов в зарослях сада. Время от времени Миллер встает и идет в дальний конец сада, выискивает глазами тени или свидетельства того, что кто-

то прошмыгнул через калитку в задней стене. Они выносят найденные в сундуке подушки, задувают свечи и садятся на краю лужайки, как можно дальше от задней двери.

Они шепотом разговаривают в темноте. Внезапно Миллер смотрит на нее и прижимает палец к губам.

— Тсс.

Его взгляд устремлен в дальний конец сада. Либби выпрямляется в кресле. Там, в глубине сада, кто-то есть. Приглядевшись, они видят, как по лужайке крадется мужчина. Высокий, стройный, с короткой стрижкой, в очках, отражающих лунный свет. На ногах белые кроссовки, на плече сумка. Прямо у них на глазах он закидывает сумку на бункер, предназначенный для хранения угля, а затем забирается на него сам. Им слышно, как он карабкается по водосточной трубе к карнизу второго этажа. После этого Либби и Миллер очень тихо встают и видят, как он исчезает на крыше.

Сердце Либби готово выскочить из груди.

— О господи, — шепчет она, — о господи! Что же нам делать?

— Не имею ни малейшего понятия, — шепотом отвечает ей Миллер.

— Может, надо окликнуть его?

— Я не знаю. А вы как думаете?

Она качает головой. Одна половина ее «я» напугана, вторая отчаянно желает встретиться с этим человеком лицом к лицу.

Она смотрит на Миллера. Он не даст ее в обиду. Или, по крайней мере, создаст впечатление, что сможет ее защитить. Человек, которого они только что увидели, ростом ниже его и в очках. Либби кивает.

— Пойдемте внутрь. И поговорим с ним.

Миллер на пару секунд как будто окаменел, однако быстро берет себя в руки.

— Да. Пойдемте.

В доме темно. Единственный источник света — подрагивающее мерцание уличных фонарей и серебристое сияние луны над рекой. Либби идет на ощупь следом за Миллером, защищенная его широкой спиной. У основания лестницы они останавливаются. Затем шаг за шагом медленно и уверенно поднимаются вверх и оказываются на лестничной площадке второго этажа. Здесь светлее. В большое окно,

выходящее на улицу, видна луна. Оба сначала смотрят вверх, затем друг на друга.

— Идем? — шепчет Миллер.

— Идем, — отвечает Либби.

Люк в потолке мансардного этажа открыт, а дверь ванной закрыта. Им слышно, как, ударяясь о стенки унитаза, журчит струя мочи, затем наступает короткий миг тишины, затем из водопроводного крана течет вода и раздается покашливание. Дверь открывается, и мужчина выходит в коридор. А он симпатичный. Это первая мысль Либби. Симпатичный мужчина с аккуратно подстриженными светлыми волосами, с молодежавым, чисто выбритым лицом и загорелыми руками. На нем серая футболка, узкие черные джинсы, модные очки и дорогие кроссовки.

Увидев перед собой Либби и Миллера, он вздрагивает от неожиданности и хватается за сердце.

— О господи! — восклицает он.

Либби вздрагивает. Миллер тоже.

Пару секунд они все смотрят друг на друга.

— Вы?.. — в конце концов спрашивает мужчина.

— Вы?.. — одновременно с ним спрашивает Либби.

Они указывают друг на друга, а затем оба поворачиваются и смотрят на Миллера, как будто тот знает ответ.

Затем мужчина поворачивается к Либби и спрашивает:

— Вы Серенити?

Либби кивает.

— А вы Генри?

Мужчина растерянно смотрит на них, но затем его лицо проясняется, и он говорит:

— Нет, я не Генри. Я Фин.

Часть вторая

Моя мать, будучи немкой, знала, как устроить хорошее Рождество. Она знала в этом толк. С начала декабря дом украшался самодельными рождественскими венками из засахаренных апельсиновых долек, красных лент и расписных сосновых шишек. Воздух благоухал ароматами штоллена — рождественского пирога — и глинтвейна. Никакой вульгарной мишуры или бумажных гирлянд, никаких наборов конфет «Кволити стрит» или «Кэдбери» в жестяных коробках.

Даже мой отец любил Рождество. У него был рождественский костюм, который, когда мы были маленькими, он надевал каждый сочельник, и я до сих пор не могу объяснить, как я мог одновременно знать, что это был он, но при этом даже не подозревать, что это был он. Оглядываясь в прошлое, сегодня я понимаю: это был тот же самый ужасный самообман, который сыграл свою роль в том, как все воспринимали Дэвида Томсена. Люди могут смотреть и видеть просто человека, и одновременно — ответ на все их проблемы.

В тот сочельник мой отец не стал надевать этот наряд. Он заявил, что для этого мы все уже слишком взрослые, и, вероятно, был прав. Но он также сказал, что ему нездоровится. Однако мама настояла на праздновании сочельника. Сидя вокруг елочки (на сей раз она была меньше, чем обычно), мы развернули наши подарки (их тоже было меньше, чем обычно), а тем временем по радио крутили рождественские песенки, а в камине потрескивал огонь. Примерно через полчаса, незадолго до ужина, отец сказал, что ему нужно лечь, мол, у него от боли раскалывается голова.

Тридцать секунд спустя он лежал на полу в гостиной. У него случился инсульт. Тогда мы не поняли, что это инсульт. Мы решили, что у него какой-то припадок. Или сердечный приступ. Доктор Броутон, личный врач моего отца, пришел осмотреть его, все еще в рождественском наряде — в красном шерстяном джемпере и галстук-бабочке с изображением остролиста. Я помню, как вытянулось его лицо, когда мой отец сказал, что у него больше нет частной медицинской страховки, как быстро он ушел от нас, как обходительные манеры мгновенно улетучились. Вызвав отцу

«Скорую», он отправил его прямиком в больницу и ушел, даже не попрощавшись.

Отец вернулся домой на второй день Рождества. Врачи сказали, что с ним все в порядке, что у него какое-то время будут небольшие проблемы с когнитивными функциями, небольшие проблемы с двигательным аппаратом, но его мозг восстановится и через несколько недель он вернется к нормальной жизни. Возможно, даже раньше.

Но, как и в случае с его первым инсультом, он так толком и не поправился. На этот раз последствия были даже тяжелее. Он употреблял не те слова. Или вообще не мог подобрать никаких слов. Целые дни он сидел в кресле в своей спальне и медленно грыз печенье. Иногда он смеялся тогда, когда не следовало. В других случаях он не понимал шуток.

Он двигался медленно. Избегал лестниц. Совсем перестал выходить из дома. И чем слабее становился мой отец, тем ближе подбирался к своей цели Дэвид Томсен.

* * *

К тому времени, когда мне исполнилось четырнадцать лет, в мае 1991 года, у нас были установлены правила. Не просто обычные семейные правила, такие как не становиться ногами на мебель или делать домашнее задание, прежде чем смотреть телевизор.

Не те правила, которые регламентировали всю нашу жизнь.

Нет, теперь у нас были безумные деспотичные правила, написанные черным маркером на большом листе ватмана, приклеенном липкой лентой к стене кухни. Я помню их по сей день:

Никаких стрижек БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ Дэвида и/или Берди.

Никаких телепередач.

Никаких гостей БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ Дэвида и/или Берди.

Никакого тщеславия.

Никакой жадности.

Никому не разрешается покидать дом без РАЗРЕШЕНИЯ Дэвида и/или Берди.

Никакого мяса.

Никаких продуктов животного происхождения.

Никакой кожи/замши/шерсти/перьев.

Никаких пластиковых контейнеров.

Не более четырех единиц мусора в день на человека, в том числе пищевых отходов.

Никакой одежды кричащих расцветок.

Никакой фармацевтики.

Никаких химикатов.

Одна стирка или душ на человека в день.

Один шампунь на неделю.

ВСЕ ОБИТАТЕЛИ должны проводить минимум два часа в день с Дэвидом в тренажерном зале.

ВСЕ ДЕТИ должны проводить минимум два часа в день с Берди в музыкальной комнате.

Вся пища должна быть приготовлена в домашних условиях из органических ингредиентов.

Никакого электрического или газового отопления.

Никаких криков.

Никакого сквернословия.

Никакой беготни.

Сначала этот список правил был довольно коротким, но по мере того как Дэвид приобретал все большую власть над нашей семьей, к нему периодически добавлялись другие.

На этом этапе Салли все еще приходила в дом пару раз в неделю, чтобы сводить детей в город выпить чаю.

Она спала на диване в квартире одной своей знакомой в Брикстоне и отчаянно пыталась найти жилье, достаточно просторное, чтобы в нем можно было жить с детьми. После встреч с матерью Фин становился еще угрюмее. Он запирался в своей комнате и порой даже не выходил к ужину. Фактически многие правила были введены именно из-за Фина. Перепады его настроения бесили Дэвида. Он терпеть не мог, когда еда оставалась несъеденной или дверь оказывалась заперта, и он не мог войти в комнату. Он терпеть не мог, когда кто-то поступал по-своему, а не так, как хотелось ему. Он терпеть не мог подростков.

Поэтому были добавлены два новых правила:

Никаких запертых дверей.

ВСЕ ПРИЕМЫ ПИЩИ обязательны для ВСЕХ членов семьи.

Однажды утром, вскоре после того, как Фин, в пятый раз проведя день с матерью, вернулся и нарушил правило о *запертых дверях*, я поднялся наверх и увидел, как Дэвид, скрипя от злости зубами, снимает в комнате Фина замки. Он с такой силой сжимал отвертку, что костяшки его пальцев побелели. Фин сидел на кровати и, сложив на груди руки, наблюдал за ним.

Когда пришло время ужина, но Фин по-прежнему продолжал сидеть на кровати со сложенными руками, молчаливый и мрачный, Дэвид притащил его, держа за эти сложенные на груди руки, вниз и швырнул на стул.

Затем грубо придвинул стул к столу и поставил перед Финном большую миску кабачков с рисом. Фин даже не пошелохнулся. Тогда Дэвид поднялся на ноги, положил немного карри на ложку и поднес ее ко рту сына.

Фин сжал губы. Было слышно, как ложка стукнулась о его зубы. Атмосфера была жуткой. Тогда Фину было пятнадцать с половиной лет, но выглядел он намного старше, высокий и сильный. Я испугался, что ситуация обернется рукоприкладством. Но Фин с каменным лицом продолжал сидеть, как статуя, впившись глазами в стену напротив.

В конце концов Дэвид прекратил попытки запихнуть ложку в рот сына и швырнул ее через всю комнату. Оставив на стене уродливый след в виде желтого полумесяца, ложка, звякнув, упала на пол.

— Убирайся в свою комнату! — рявкнул Дэвид. — Немедленно! — На его виске пульсировала жилка. Шея раздулась и побагровела.

Такого разъяренного человека, как Дэвид в тот момент, я видел впервые. Казалось, он вот-вот лопнет от ярости.

— С удовольствием, — прошипел Фин.

Затем, когда Фин проходил мимо отца, Дэвид, почти как в замедленной съемке, вскинул руку и дал сыну подзатыльник. Фин обернулся и замер. Их взгляды встретились, и я увидел в их глазах жгучую взаимную ненависть.

Фин двинулся дальше. Было слышно, как он поднимается по лестнице. До нас доносились его шаги, размеренные и решительные.

Кто-то прочистил горло. Берди и Дэвид переглянулись. Взгляд Берди, неодобрительный и страдающий, как будто говорил:

— *Ты теряешь контроль. Сделай что-нибудь.*

Взгляд Дэвида, темный и разъяренный, ответил ей:

— *Можешь не сомневаться.*

* * *

Как только ужин закончился, я заглянул в комнату Фина. Он сидел на кровати, крепко прижав колени к подбородку. Он хмуро посмотрел на меня.

— Что?

— С тобой все в порядке?

— А как ты думаешь?

Я робко сделал еще пару шагов. Я ждал, что он велит мне уйти, но он этого не сделал.

— Тебе было больно? — спросил я. — Когда он ударил тебя?

Мои родители, какими бы странными они ни были, никогда не трогали меня даже пальцем. Нечто подобное было просто невыносимо.

— Да нет.

Я шагнул еще ближе.

Затем, внезапно, Фин посмотрел на меня, и случилось то же самое. Он смотрел на меня. Не мимо, не сквозь, а на меня.

— Я больше не могу, — сказал он, качнув головой. — Я должен уйти отсюда.

Мое сердце екнуло. Фин был единственным, кто не давал надежде умереть во мне.

— И куда ты пойдешь?

— Не знаю. К матери.

— Но...

Я собирался сказать, что его мать спит на диване в Брикстоне. Но он не дал мне договорить.

— Я не знаю, понял? Просто я должен уйти отсюда. Я больше не могу здесь находиться.

— Когда?

— Прямо сейчас.

Он посмотрел на меня сквозь свои нелепые длинные ресницы. Я попытался прочесть выражение его лица. Мне показалось, что я разглядел в нем вызов.

— Ты... Может, мне... уйти с тобой?

— Нет! На фиг! Нет!

Я сжался и втянул голову в плечи. Нет, конечно, нет.

— Что мне сказать? Когда взрослые спросят?

— Ничего, — прошипел он. — Совсем ничего. Ничего им не говори.

Я вытаращил глаза и кивнул. Прямо при мне он принялся бросать в сумку на шнурке свои вещи: брюки, носки, футболку, книгу, зубную щетку. Затем обернулся и увидел, что я смотрю на него.

— Уйди, — сказал он. — Прошу тебя.

Я вышел из комнаты и медленно поплелся к задней лестнице, где сел на третью ступеньку. Верхнюю дверь я лишь слегка прикрыл, оставив узкую щель, в которую пронаблюдал, как Фин с сумкой в руке вылез через люк на чердак. Я понятия не имел, что он задумал или куда он пошел. На мгновение я подумал, вдруг он решил поселиться на крыше. Но хотя на дворе стоял май, все еще было холодно, так что такой вариант исключался. Затем снаружи послышался какой-то шорох. Я бросился в спальню Фина, сложив ладони подзорной трубой, я приставил их к стеклу слухового окна и стал всматриваться в сад. Вот он: метнулся через темный сад и исчез в чернильно-черной тени деревьев. Еще миг, и он исчез из вида.

Я повернулся лицом к его пустой комнате. Взяв его подушку, я поднес ее к лицу. И втянул в себя ее запах.

Когда на следующее утро Люси выходит из «Голубого дома», на улице еще темно. Дети сонные и тихие. Затаив дыхание она передает деньги на билеты на поезд до Парижа какой-то женщине, которая, как ей кажется, знает все ее самые заветные тайны. Затаив дыхание она с детьми садится в поезд и со страхом ждет приближения контролера — тот входит в их вагон и просит предъявить билеты. Каждый раз, когда поезд замедляет ход, она задерживает дыхание и тревожно вглядывается в окно, ожидая увидеть синие вспышки полицейских мигалок или мундиры жандармов. В Париже, ожидая поезда на Шербур, она садится с детьми и собакой за столик в самом тихом уголке самого тихого кафе.

А затем все повторяется снова: отупляющий страх на каждом перегоне, на каждой станции. Днем, когда они садятся на свой следующий поезд, она представляет себе, как Джой, придя в дом Майкла, нигде не может его найти. Адреналин начинает бурлить в ней с такой силой, что кажется, что она вот-вот умрет от разрыва сердца. Она мысленно оглядывает дом Майкла в поисках чего-то, что могла там забыть, этакое огромное красного флага, который немедленно подскажет Джой, что надо заглянуть в подвал. Но нет, она уверена, абсолютно уверена, что не оставила ни подсказки, ни следа. Она купила себе время.

По крайней мере, день. Может, даже три или четыре. Но даже тогда сообщит ли Джой полиции о ней, милой женщине по имени Люси, матери сына Майкла, хоть что-то такое, что вызовет у них подозрения? Нет, она расскажет им о подозрительных связях Майкла с преступным миром, грубых мужчинах, что время от времени приходят к двери его дома «перетереть дела». Она поведет их в совершенно ином направлении, и когда они в конце концов поймут, что это тупик, Люси уже как будто провалится сквозь землю.

Вечером, когда поезд въезжает в Шербур, ее пульс успокаивается, и она находит в себе силы съесть купленный еще в Париже круассан.

На стоянке такси они забираются на заднее сиденье потрепанного «Рено» и просят водителя отвезти их в Дилетт. Собака сидит у нее на

коленях, высунув морду в полуоткрытое окно. Уже поздно. Дети засыпают.

Дилетт — крошечный портовый городок, зеленый и холмистый. Единственные пассажиры на последнем пароме до Гернси — это британские туристы, в основном семьи с маленькими детьми. Люси крепко сжимает паспорта в потной руке. Ее паспорта французские, но она англичанка. У обоих детей в паспортах другая фамилия, нежели у нее. А у Стеллы и вообще другой цвет кожи. У них огромные грязные рюкзаки, и они так устали, что выглядят больными.

Да и паспорта у них фальшивые. Люси уверена, абсолютно убеждена, что их сейчас остановят, отведут в сторону, засыпят вопросами. Она спланировала это долгое, запутанное путешествие в Лондон, чтобы сбить ищеек со следа, и тем не менее, показывая инспектору в порту паспорта, она готова поклясться, что слышит, как бьется ее сердце, и пугается, что он тоже это услышит. Инспектор пролистывает паспорта, смотрит на фотографии в них, затем на Люси и на детей, возвращает паспорта и глазами показывает, что они могут проходить.

Вскоре они уже в море, в водах Ла-Манша среди волн с темно-серыми барашками пены, и Франция остается у них за спиной.

Люси сидит на корме, держа Стеллу на коленях, чтобы малышке было видно, как страна ее рождения, единственный дом, который она когда-либо знала, постепенно исчезает из вида, уменьшаясь до размеров гирлянды огоньков на горизонте.

— Пока, Франция, — говорит Стелла и машет рукой. — Пока!

Либби смотрит на Фина.

Он смотрит на нее.

— Раньше я жил здесь, — говорит он, хотя никто не просил его объяснять, кто он такой. Затем быстро, прежде чем Либби успевает придумать ответ, добавляет: — Вы такая красивая.

— О, — только и отвечает Либби.

Тогда Фин смотрит на Миллера и спрашивает:

— Кто вы?

— Привет! — Миллер протягивает ему свою большую руку. — Я Миллер Роу.

Фин вопросительно смотрит на него.

— Откуда мне знакомо ваше имя?

Миллер издает неопределенный звук и пожимает плечами.

— Вы тот самый журналист, не так ли?

— Угу.

— Ваша статья — сущее дерьмо. Вы были неправы во всем.

— Согласен, — снова говорит Миллер. — Теперь мне это понятно.

— Не могу поверить, что вы такая красивая, — говорит Фин, поворачиваясь к Либби. — Вылитая...

— Вылитая мать?

— Да, — говорит он. — Вылитая мать.

Либби вспоминает фотографии матери с ее черными волосами под Присциллу Пресли и темными покрашенными глазами. Она чувствует себя польщенной.

— Что вы здесь делаете? — спрашивает она.

— Ждал вас, — отвечает Фин.

— Но я была здесь на днях. Я слышала вас, вы были наверху. Почему вы не спустились тогда?

Он пожимает плечами.

— Я спустился. Но к тому времени, когда я добрался до первого этажа, вы уже ушли.

— Понятно.

— Может, нам лучше?.. — Фин жестом указывает на лестницу.

Они следуют за ним вниз по лестнице и идут на кухню.

Фин садится по одну сторону стола, Миллер и Либби — по другую. Либби разглядывает лицо Фина. Ему должно быть слегка за сорок, но он выглядит намного моложе. У него необычайно длинные ресницы.

— Итак, — говорит он, широко раскинув руки, — это все ваше.

Либби кивает.

— Хотя на самом деле это должно принадлежать моим брату и сестре?

— Что ж, пусть кусают локти! Полагаю, я должен поздравить вас с днем рождения. Пусть и с небольшим опозданием.

— Спасибо, — благодарит она. — И давно вы были здесь в последний раз?

— Десятки лет назад.

Возникает долгое и очень хрупкое молчание. Фин нарушает его первым.

— Думаю, у вас есть ко мне вопросы.

Миллер и Либби быстро переглядываются. Либби кивает.

— Послушайте, — говорит Фин, — может, мы уйдем отсюда? Я живу рядом, на том берегу реки. У меня есть холодное вино. И терраса. И кошки, которые похожи на подушки.

Либби и Миллер обмениваются еще одним взглядом.

— Я не собираюсь вас убивать, — говорит Фин. — И мои коты тоже. Пойдемте. Я расскажу вам абсолютно все.

* * *

Спустя двадцать минут Либби и Миллер выходят следом за Финном из шикарного лифта в коридор с мраморным полом.

Его квартира на другом конце.

Он ведет их за собой по коридору в гостиную со стеклянными дверями, выходящими на террасу с видом на реку. Свет включается автоматически.

Все в светлых тонах и все очень простое. На спинку очень длинного кремового дивана накинута огромная белая овчина. В вазе

красуется экстравагантная композиция из лилий и роз, которая бы неплохо смотрелась в выставочном зале ее фирмы, думает Либби.

Фин берет маленький пульт дистанционного управления, открывает двери на террасу и предлагает им сесть на диваны вокруг низкого столика. Пока он уходит за вином, Либби и Миллер обмениваются взглядами.

— Эта квартира стоит пару миллионов, — говорит Миллер.

— Не меньше, — соглашается Либби. Она встает и смотрит на реку. — Смотрите! — говорит она. — Вон мой дом. Мы прямо напротив него.

Миллер встает к ней рядом.

— Что ж, — сухо говорит он, — думаю, это вовсе не совпадение.

— Вы думаете, он наблюдал?..

— Да, я абсолютно уверен, что он наблюдал. Иначе зачем было выбирать квартиру с таким видом?

— Что вы о нем думаете? — шепотом спрашивает она.

Миллер пожимает плечами.

— Думаю, что он немного...

— Странный?

— Да, немного странный. И немного...

В этот момент Фин возвращается с бутылкой вина и тремя бокалами в ведерке со льдом в одной руке и с кошкой в другой. Ведерко он ставит на стол, но кошку все еще прижимает к груди.

— Познакомьтесь, это Минди, — говорит он, поднимая кошачью лапу в подобии салюта. — Минди, познакомься, это Либби и Миллер.

Кошка игнорирует их и пытается вырваться из объятий Фина.

— Ладно, — говорит он кошке, — гуляй, стервоза, но только потом не подлизывайся ко мне. — Затем он снова поворачивается к гостям. — Она моя любимица. Я всегда влюбляюсь в тех, кто меня не выносит. Вот почему я до сих пор холост.

Он открывает вино и разливает его по бокалам.

— Предлагаю выпить за встречу! — говорит он.

Они чокаются, и вновь устанавливается неловкое молчание.

— Просто фантастический вид, — говорит Миллер. — И давно вы живете здесь?

— Недавно. Дом сдан лишь в прошлом году.

— Удивительно, не правда ли? Прямо напротив Чейн-Уолк.

Фин кивает.

— Я хотел быть рядом, — признается он, поворачиваясь к Либби, — когда вы вернетесь.

На террасе появляется еще один персидский кот. Жутко толстый и с выпученными глазами.

— Ах, — говорит Фин, — а вот и он. Мистер, Ищущий Внимания. Услышал, что ко мне пришли гости. — Он подхватывает кота-великана на руки и усаживает его себе на колени. — Это Дик. Я назвал его так для напоминания о том, что он у меня все-таки есть^[2].

Либби смеется и отпивает глоток вина. В другом мире это была бы прекрасная вечеринка: два симпатичных мужчины, теплая летняя ночь, гламурная терраса с видом на Темзу, бокал холодного белого вина. Но в этом мире все выглядит извращенным и смутно угрожающим. Даже кошки.

— Итак, — говорит Миллер, — если вы хотите рассказать нам все, что на самом деле произошло в доме на Чейн-Уолк, я полагаю, это, скорее всего, не для записи? Или я могу снова стать журналистом?

— Вы можете быть кем угодно.

— То есть я могу записывать вас? — Миллер достает из заднего кармана телефон.

— Конечно, — говорит Фин, почесывая густой мех на кошачьей спине. — Почему бы нет? Мне больше нечего терять. Действуйте.

Миллер некоторое время возится с телефоном, настраивая его на запись. Либби замечает, что его руки слегка дрожат, выдавая волнение. Она делает еще один большой глоток вина, чтобы успокоить нервы. Затем Миллер кладет свой телефон на стол и спрашивает:

— Итак, вы утверждаете, что я все неправильно изложил в своей статье. Можем мы начать с этого?

— Конечно. — Толстый кот спрыгивает с колен Фина, и он рассеянно стряхивает со штанин кошачью шерсть.

— Итак, когда я собирал материал для статьи, я наткнулся на имя Дэвид Томсен. Томсен, а не Томсон.

— Да, верно, — говорит Фин. — Это мой отец.

Либби видит на лице Миллера некое подобие триумфального облегчения.

— А ваша мать — Салли? — спрашивает он.

— Да, Салли моя мать.

— А Клеменси?

— Моя сестра, да.

— И третье тело...

— Был ли это мой отец? — Фин кивает. — В самую точку. Досадно, что вы не догадались об этом прежде, чем написали вашу статью.

— Вообще-то я догадывался. Но я не смог найти никого из вас. Я искал много месяцев, но безрезультатно. Итак, что случилось со всеми вами?

— Видите ли, я знаю, что случилось со мной. Но, боюсь, я понятия не имею, что случилось с моей матерью и Клеменси.

— Вы не поддерживаете связь?

— Нет. Я не видел их с тех пор, как был подростком. Насколько мне известно, моя мать живет в Корнуолле, и смею предположить, что моя сестра тоже. — Он пожимает плечами и берет свой бокал. — Пенрит, — добавляет он.

Миллер бросает на него вопросительный взгляд.

— Я почти уверен, что она живет в Пенрите.

— О, — говорит Миллер. — Это здорово, спасибо.

— Не стоит благодарности, — отвечает Фин. Затем потирает руки и говорит: — Спросите у меня что-нибудь еще! Спросите меня, что на самом деле произошло в тот вечер, когда все умерли.

Миллер мрачно улыбается.

— Хорошо, — говорит он. — Итак, что же тогда произошло? В тот вечер, когда все умерли?

Фин озорно смотрит на них обоих, затем наклоняется так, чтобы его рот был прямо над микрофоном мобильного телефона Миллера, и говорит:

— Итак, для начала, это никакое не самоубийство. Это было убийство.

Фин исчез на неделю. Без него моя жизнь становилась бессмысленной. Когда он был в доме, каждый приход на кухню дарил возможность увидеть его лицо, каждое утро начиналось с мысли о возможной встрече с ним. Без него мне казалось, будто я заперт в темном доме, полном чужих людей.

А потом, спустя неделю, я услышал, как хлопнула входная дверь, из коридора донеслись голоса, и я увидел Финна, а позади него Салли. Она настойчивым тоном что-то доказывала Дэвиду, который стоял, сложив руки на животе.

— Я не просила его приезжать. Ради бога. Это последнее, что я бы сделала. Я и так загостилась у Тони. А тут еще мой сын-подросток!

— Почему ты не позвонила? — спросил Дэвид.

— Он сказал мне, что ты знаешь, что он вернется! Откуда мне было знать? И я позвонила тебе сейчас, не так ли?

— Я думал, что его убили. Мы страшно беспокоились.

— Мы? Кто такие, мать твою, эти гребаные «мы»?

— Мы, — сказал Дэвид. — Мы все. И, пожалуйста, не сквернословь в нашем доме.

— Фин сказал, что ты его ударил.

— Я его не бил. Ради бога. Это был всего лишь шлепок.

— Шлепок?

— Боже мой, Салли, ты понятия не имеешь, ты вообще не представляешь себе, каково жить с этим ребенком. Он грубит. Он ворует. Он принимает наркотики. Он не уважает соседей по дому...

Салли вскинула руку.

— Довольно, — сказала она. — Он подросток. Он хороший ребенок, но он подросток. И этим все объясняется. Переходный возраст.

— Возможно, в твоём жалком видении мира это правда. Но остальной мир не согласится с тобой. Этому нет оправдания. В его возрасте мне бы и в голову не пришло вести себя таким образом. В него как будто вселился дьявол.

Я видел, как Салли взяла Фина за плечо. Я видел, как осунулось ее лицо.

— Завтра я смотрю одну квартиру, — сказала она. — В Хаммерсмите. Две спальни. Дети могут какое-то время жить со мной.

Дэвид скептически посмотрел на нее.

— И как ты собираешься платить за квартиру?

— Я работала и скопила немного денег.

— Ладно, посмотрим. А если серьезно, сомневаюсь, что ты в состоянии контролировать Фина. Ты слишком мягкая и ему потакаешь.

— Я не потакаю ему, Дэвид, я его люблю. Советую и тебе попробовать это когда-нибудь.

* * *

Салли осталась на пару часов. Атмосфера была токсичной. Берди не выходила из своей комнаты, но я слышал, как она демонстративно кашляет, вздыхает и расхаживает по комнате. Когда Салли наконец ушла, Берди спустилась по лестнице, бросилась в объятия Дэвида и мелодраматически прошептала:

— С тобой все в порядке, мой дорогой?

Дэвид стоически кивнул:

— Да, все в порядке.

А потом, в упор глядя на Фина, он прищурился и произнес слова, свидетельствовавшие о начале настоящего кошмара.

— Отныне здесь кое-что изменится, — сказал он. — Помяни мое слово.

* * *

Первое, что изменилось, — это то, что Фина стали запирают в его спальне всякий раз, когда Дэвид или Берди не могли его контролировать. Неким образом взрослые дружно пытались убедить нас, что это нормально, объяснимо и даже разумно. *Это для его собственной безопасности* — такова была их мантра. Ему было разрешено принимать душ, ухаживать за садом, помогать на кухне,

учиться играть на скрипке, есть вместе со всеми и заниматься физическими упражнениями.

Поскольку мы и так уже проводили большую часть нашего свободного времени в наших комнатах, поначалу это не казалось таким зловещим, как кажется сейчас. Оглядываясь в прошлое, порой поражаешься тому, с какой легкостью дети способны воспринимать самые странные сценарии. Если же воспринимать все это с позиций сегодняшнего дня, в черно-белом свете, это действительно шокирует.

* * *

Однажды, вскоре после того, как Фин в сопровождении матери вернулся в дом, я, скрестив по-турецки ноги, сидел на кровати и читал книгу, которую он дал мне почитать несколько недель назад. Увидев его, я вскочил, потому что было уже поздно, и я полагал, что его дверь будет заперта на ночь.

— Как?.. — начал я.

— Джастин привел меня наверх после ужина, — пояснил он. — И как будто случайно забыл замкнуть замок.

— Старый добрый Джастин, — сказал я. — Чем ты собираешься заниматься? Ты ведь не убежишь, не так ли?

— Нет, — сказал он. — Нет смысла убегать сейчас. На следующей неделе моя мать переезжает в квартиру, и я буду жить с ней. Все это дерьмо закончится.

Он как будто кулаком врезал мне в горло.

— Но твой отец... он тебя отпустит? — запинаясь, пролепетал я.

— Мне наплевать, позволит ли он мне или нет. Мне в декабре исполнится шестнадцать. Я хочу жить с матерью. Он ничего не сможет с этим поделать.

— А как же Клеменси?

— Она уйдет вместе со мной.

— Как ты думаешь, твой отец и Берди тоже переедут? Как только ты и Клеменси уйдете?

Он резко рассмеялся.

— Э-э-э, нет, ни за что. Он здесь сейчас пустил корни. Установил свои порядки.

После этих его слов повисло короткое молчание. Фин прервал его первым.

— Помнишь тот вечер? Когда мы забрались на крышу? Когда закинулись кислотой?

Я кивнул. Как я мог такое забыть?

— Кстати, осталась еще одна штука. Там, наверху.

— Еще одна?..

— Еще одна марка с кислотой. Парень на Кенсингтон Маркет тогда дал мне две штуки. Мы использовали только одну.

Я дал время этому факту проникнуть в мое сознание.

— Ты хочешь сказать?..

— Именно. Они все думают, что надежно меня заперли. Девчонки спят. Сюда сейчас никто не придет. Ты можешь спуститься вниз и сказать всем, что ложишься спать, и нальешь стакан воды. Я подожду здесь.

Разумеется, я сделал именно так, как мне было сказано.

Мы взяли одеяло и надели джемперы. Я пролез через люк первым. Фин протянул мне воду и последовал за мной. Был июль, но воздух был сырым и прохладным. Фин нашел пакетик там, где оставил его, — в горшке с растениями. Если честно, я не хотел принимать кислоту. Я надеялся, что, пролежав там несколько месяцев в жару и в холод, она неким образом утратила свои свойства. Я надеялся, что внезапный порыв ветра унес пакетик. Или же что Фин положит ее обратно и скажет:

— Нам это не нужно. У нас есть мы.

Смахнув с пластиковых стульев горстку засохших листьев, мы сели рядом. Фин вытряхнул марку себе на ладонь.

Небо было удивительного цвета. Ярко-синее, с мазками жженного янтаря и розовой помады. Отражаясь в водной глади реки, оно казалось вдвое больше обычного. Вдали сиял огнями мост Баттерси.

Я заметил, что Фин тоже смотрит на небо. Все было не так, как в прошлый раз, когда мы сидели здесь. Фин был другим. Более задумчивым, менее мятежным.

— Как ты думаешь, чем ты в конечном итоге займешься? — спросил он меня. — Когда станешь взрослым?

— Чем-то, что связано с компьютерами, — сказал я. — Или с кино.

— Или и тем и другим, может быть? — предположил он.

— Да, — с радостью согласился я. — Буду делать фильмы с помощью компьютеров.

— Круто, — сказал он.

— А ты?

— Я хочу жить в Африке, — сказал он. — Быть проводником и возить туристов на сафари.

— И откуда это у тебя? — рассмеялся я.

— Когда мы путешествовали, мы ездили на сафари. Мне было шесть лет. Мы видели, как бегемоты занимались сексом. Это главное, что мне запомнилось. Но еще я очень хорошо помню проводника. Это был по-настоящему крутой английский чувак. Его звали Джейсон.

Почему-то в его голосе мне послышалась тоска. Я тотчас почувствовал себя ближе к нему, хотя и не знал, почему.

— Помню, как я сказал своим родителям, что это то, чем я хотел бы заниматься, когда вырасту. Отец сказал, что я никогда не разбогатею, если буду возить туристов на «Ленд Ровере». Как будто деньги — единственное, что имеет значение...

Он вздохнул и посмотрел вниз, на свою ладонь.

— Ну что, — спросил он, — будем?

— Давай, но только по чуть-чуть, — сказал я. — Совсем по чуть-чуть.

Следующая пара часов была подобна прекрасной грезе. Мы смотрели на небо, пока все его цвета не слились в черный. Мы несли восхитительную чушь о смысле существования. Мы хохотали до икоты.

В какой-то момент Фин сказал:

— Ты должен приехать ко мне, когда я переберусь в Хаммерсмит. Приехать и погостить у нас.

— Да. Да, обязательно.

А потом в какой-то другой момент я сказал:

— Что бы ты сделал, если бы я поцеловал тебя?

И Фин расхохотался и хохотал до тех пор, пока не зашелся в приступе кашля. Он согнулся пополам от смеха, и я наблюдал за ним с тупой улыбкой, пытаюсь понять смысл его реакции.

— Нет, — сказал я, — правда? Что бы ты делал?

— Я бы толкнул тебя с этой крыши, — сказал он, продолжая улыбаться. Затем он развел пальцы и сказал: — Шлеп, и мокрое место.

Я заставил себя смеяться. Ха-ха. Как смешно.

— Эй, давай уйдем отсюда, — внезапно предложил он.

— И куда же?

— Я покажу тебе. Иди за мной.

И я последовал за ним. Глупый, глупый мальчишка, каким я тогда был.

Я поплелся за ним обратно на лестничную площадку чердака, вылез в окно, а затем в совершенно невероятном, жутком до тошноты акте безумной храбрости спустился по стене дома вниз.

— Что ты делаешь? — все время спрашивал я, впиваясь ногтями в голый кирпич. Мне было слышно, как ткань штанов рвется, цепляясь за торчащие острые края каменной кладки. — Куда мы идем?

— Это мой секретный маршрут! — заявил он, глядя на меня безумными глазами. — Пойдем к реке! Никто не узнает!

К тому моменту, когда мы приземлились на газон, я в трех местах до крови расцарапал себя, но мне было наплевать. Фин шагнул в тень калитки — я даже не подозревал, что такая была в конце нашего сада. Я последовал за ним. Внезапно, как в «Нарнии», мы оказались в чужом саду, а потом Фин схватил меня за руку и потащил за собой. Обогнув два угла, мы оказались в волшебном мраке набережной Челси и, пройдя четыре полосы движения, вышли на берег реки. Здесь он отпустил мою руку. Пару секунд мы молча стояли рядом, глядя, как на поверхности воды извивались золотые и серебряные червячки отраженных огней. Я то и дело смотрел на Фина — в темном дрожащем свете он казался даже еще красивее, чем обычно.

— Хватит пялиться на меня, — сказал он.

Я уставился на него еще пристальнее.

— Я серьезно говорю, — сказал он. — Хватит пялиться.

Я же поступил с точностью до наоборот.

И тогда он толкнул меня, со всей силы толкнул обеими руками в черную реку. Я оказался под водой, и мои уши наполнились ее бульканьем, и моя одежда сделалась тяжелой и прилипла к телу. Я попытался закричать, но вместо этого наглотался воды. Мои руки тянулись к каменной набережной, ноги бились о что-то густое и липкое. И тогда я открыл глаза и увидел лица: целое созвездие

почерневших лиц, которые кружились вокруг меня. Я пытался заговорить с ними, пытался звать их на помощь, но они отвернулись, а потом я всплыл на поверхность и почувствовал боль в запястье. Надо мной склонилось лицо Фина, волочившего меня по каменным ступеням наверх.

— Ну ты даешь, придурок, — сказал он и рассмеялся, как будто я прикола ради сам решил плюхнуться в Темзу.

Я отпихнул его.

— Ты, гребаный ублюдок! — выкрикнул я, и мой еще не сломавшийся голос прозвучал невыносимо пронзительно. — Ты абсолютный гребаный ублюдок!

Я мимо него ринулся назад, через четыре полосы движения — какой-то водитель сердито посигналил мне клаксоном — и оказался перед входной дверью дома.

Фин бросился следом за мной и, задыхаясь, догнал у парадной дверь.

— Ты что, совсем охренел?

Честное слово, мне следовало тогда остановиться. Следовало сделать глубокий вдох, оценить ситуацию и принять другое решение. Но я был объят яростью, и не просто из-за того, что меня столкнули в мерзкую, грязную Темзу, а из-за того, что Фин все эти годы играл со мной, то уделяя мне жалкие крохи внимания, когда это было ему нужно, то полностью игнорируя меня. Я посмотрел на него: он был сухим и красивым, я же — мокрым и безобразным, и я повернулся и решительно нажал на дверной звонок.

Он пристально смотрел на меня. Я видел, что он колеблется, не зная, остаться ему или убежать. Но через секунду дверь открылась, и на пороге возник Дэвид. Он посмотрел на меня, затем на Фина и снова на меня. Его плечи поднялись, рот сжался. В эти мгновения он напоминал животное в клетке, готовое в любой момент наброситься на вас.

— Входите, — медленно процедил он сквозь зубы.

И тогда Фин повернулся и побежал. Увы, его отец был выше и сильнее. Он в два шага догнал Фина, прежде чем тот успел свернуть за угол, и повалил его на тротуар. С вызовом задрал подбородок, я наблюдал за ними. Мои зубы клацали от холода, я обхватил себя руками, пытаюсь согреться.

В дверях показалась моя мать.

— Что тут у вас происходит? — спросила она, взглядываясь поверх моей головы. — Что, скажи на милость, ты натворил?

— Фин толкнул меня в реку, — пробормотал я, по-прежнему кляца зубами.

— Боже мой, — ахнула мама, втаскивая меня в дом. — Господи. Садись. Снимай мокрую одежду. Какого черта ты?..

Но я не вошел в дом и не снял одежду. Я стоял и смотрел, как Дэвид тянет своего взрослого сына через тротуар, словно лев пойманную жертву.

Вот и все, подумал я, вот и все.

В среду утром, после двух ночей в простеньком пансионе и пересечения оставшейся части довольно бурного Ла-Манша, Люси берет в Портсмуте напрокат машину, и они отправляются в Лондон.

Когда она покидала Англию, была зима, и ей казалось, что там всегда холодно. Что деревья всегда голые, а в ненастную погоду люди всегда тепло одеты и кутаются в шарфы. Но сейчас в Англии разгар долгого жаркого лета, и улицы полны загорелых, счастливых людей в шортах и солнечных очках, тротуары заставлены столиками уличных кафе, в фонтанах плещется ребячье, а у магазинов стоят шезлонги.

Сидя на заднем сиденье, Стелла таращится в окно машины; на коленях у нее устроился Фитц. Она еще ни разу не покидала Францию. Ни разу не покидала Лазурный берег. Ее короткая жизнь протекала исключительно на улицах Ниццы, между «Голубым домом», квартирой бабули и детским садом.

— Как тебе Англия? — спрашивает Люси, глядя на нее в зеркало заднего вида.

— Мне нравится, — говорит Стелла. — У нее хорошие цвета.

— Хорошие цвета?

— Да. Деревья очень зеленые.

Люси улыбается, и Марко, сверившись с картой на телефоне, указывает ей следующий поворот к автомагистрали. Через три часа Лондон начинает появляться в виде довольной облезлых пригородов. Люси видит, как Марко припал к окну, ожидая увидеть Биг-Бен и Букингемский дворец. Ее сын мечтает полакомиться гамбургерами и куриными наггетсами и походить по магазинам подержанной бытовой техники.

Наконец они переезжают реку. Лондон встречает их великолепным солнечным днем: река сверкает и переливается упавшими в нее алмазами света. Дома на Чейн-Уолк как будто омыты солнцем.

— Вот мы и приехали, — говорит она Марко. — Это тот самый дом.

— Который? — спрашивает тот, слегка затаив дыхание.

— Вон тот, — говорит Люси, указывая на дом номер шестнадцать. Ее голос звучит спокойно, но сердце болезненно бьется.

— Тот, с заколоченными окнами? — говорит Марко. — Вон тот?

— Да, — отвечает она, глядя на дом, одновременно выискивая глазами место для парковки.

— Большой, — говорит он.

— Да, — соглашается она. — Это точно.

Странно, но теперь, когда она смотрит на него глазами взрослого, дом выглядит меньше. В детстве она думала, что это особняк. Теперь она видит, что это просто дом. Красивый, но все же просто дом.

Становится ясно, что возле дома им не припарковаться, и они переезжают на другой конец Кингс-роуд. Чтобы припарковаться здесь, требуется загрузить в телефон специальное приложение.

Тридцать градусов, жара, как на юге Франции.

К тому времени, когда они подходят к дому, все трое обливаются потом, собака задыхается. Деревянный щит на двери заперт на навесной замок. Они становятся в ряд и разглядывают здание.

— Ты уверена, что это тот самый дом? — уточняет Марко. — Как здесь вообще кто-то может жить?

— Сейчас здесь никто не живет, — говорит она. — Но мы зайдём внутрь и будем ждать, пока придут другие.

— А как мы в него зайдём?

Люси глубоко вдыхает.

— Следуйте за мной.

На следующее утро Либби просыпается от яркого солнечного света. Она проводит рукой по полу под кроватью, затем шарит на тумбочке, пытаясь найти телефон. Его там нет. Воспоминания о ночи расплывчатые и туманные. Она резко садится и оглядывается по сторонам. Она в крошечном белой комнате, лежит на очень низкой деревянной кровати с огромным матрасом. И Миллер тоже.

Либби инстинктивно прижимает простыню к груди и только потом понимает, что она одета. На ней топик, в котором она была накануне вечером, и нижнее белье. Она смутно помнит, как, пока Миллер находился в ванной, стаскивала шорты.

Она смутно помнит, как полоскала рот зубной пастой, и чувствует, что та все еще липнет к зубам. Она смутно помнит много вещей.

Она в квартире Фина.

Она в постели с Миллером.

Они оба одеты и лежат «валетом».

Прошлой ночью Фин наливал им бокал за бокалом вина. И с пугающей настойчивостью убедил их остаться на ночь в его доме.

— Не уходи, — повторял он. — Прошу тебя. Я только что нашел тебя. Я не хочу снова тебя терять.

— Вы меня не потеряете, — ответила она. — Теперь мы практически соседи. Смотрите! — И она указала через реку на благородный ряд домов, в числе которых был и номер шестнадцать.

— Прошу вас, — умолял он. Его длинные ресницы касались его идеальных бровей. — Это лучше, чем спать там на грязных старых матрасах. Оставайтесь. Утром я приготовлю вам вкусный завтрак! У меня есть авокадо. Ведь вы, миллениалы, любите такие вещи, не так ли?

— Я предпочитаю яйца, — ответил Миллер.

— Вы на самом деле миллениал? — спросил его Фин и, прищурив глаза, смерил слегка язвительным взглядом.

— Почти, — ответил Миллер. — Но что там с авокадо?

Либби смотрит на будильник на тумбочке: если она уйдет через восемь минут, то к девяти часам успеет на работу. Что лично для нее

поздно, но ничего страшного с точки зрения телефонных звонков и заглядывающих с улицы клиентов.

Она надевает шорты и заставляет себя подняться с низкой кровати.

Миллер шевелится в постели.

Она смотрит на него.

Либби замечает на его плече, там, где рукав футболки задрался вверх, татуировку. Она терпеть не может татуировки. Что в наши дни создает для нее немало проблем при знакомстве с мужчинами. Но Миллер выглядит симпатично, этого у него не отнять. Мягкий и милый.

Она отрывает взгляд от его спящей фигуры и на цыпочках идет в ванную комнату, которой, как она смутно помнит, пользовалась очень поздно прошлой ночью. В зеркале она выглядит в целом довольно презентабельно. Высушенные феном вчера утром волосы не слишком растрепались, несмотря на все последующие приключения. Она вновь выдавливает в рот зубную пасту и полощет рот водопроводной водой. Затем собирает волосы в хвост и находит в шкафчике баллончик дезодоранта.

Когда она возвращается в спальню, Миллер уже не спит. Он улыбается ей.

— Доброе утро, — говорит он и вытягивает руки над головой. Теперь его татуировки видны ей полностью. Это какой-то кельтский узор. Могло быть и хуже.

— Мне пора, — говорит она, беря в руки сумочку.

— Куда?

— На работу, — отвечает она.

— Господи, вы это серьезно? Вы же не думаете, что ваша начальница откажется дать вам выходной?

Либби задумывается. Конечно, она даст ей выходной. Но такие вещи не в привычках Либби. Сама мысль об этом заставляет ее нервничать.

— Нет, — говорит она. — Я хочу пойти на работу. У меня важный день. На сегодня запланировано несколько встреч с клиентами.

— Вы не хотите подводить людей?

— Я не хочу подводить людей.

— Слушайте, — говорит он, откидывая простыню. Взору Либби предстают красно-синие боксерские шорты и крепкие ноги регбиста, — дайте мне тридцать секунд, и я пойду с вами.

— Вы, случайно, не знаете, где мой телефон? — спрашивает она.

— Понятия не имею, — отвечает он, вставая с кровати и натягивая брюки.

Его волосы всклокочены. Борода тоже. Либби с трудом сдерживает улыбку.

— Не хотите посмотреть на свое отражение в зеркале?

— А нужно? — он выглядит сконфуженным.

Она думает о времени и говорит:

— Нет. Все в порядке. Давайте отыщем наши телефоны и уйдем отсюда.

Либби берет за дверную ручку и поворачивает ее вниз. Дверь не открывается. Либби повторяет попытку. Та опять не открывается. Она пробует еще четыре раза. Затем поворачивается к Миллеру и говорит:

— Она заперта.

После того вечера, когда я упал в реку, Дэвид продержал Фина в его комнате всю неделю. Целую неделю. В некотором смысле я был даже рад, потому что не мог смотреть Фину в глаза. Да, он толкнул меня в реку, но то, что сделал я, было в сто раз хуже.

Главным образом я просто молча страдал. Меня мучили угрызения совести, сожаление, ярость, беспомощность и тоска по нему. Еду Фину приносили прямо в комнату и дважды в день выпускали в туалет. При этом его отец стоял за дверью, скрестив руки на животе, как злобный вышибала в ночном клубе.

Атмосфера в доме в те дни была тяжелой и непонятной. Она исходила от Дэвида. Он излучал ужасную темную энергию, и все опасались злить его, включая меня.

* * *

Однажды, пока Фин отбывал свое заключение, я сидел с Джастином в саду, сортируя вместе с ним травы. Я бросил взгляд на заднюю часть дома, на его окно.

— Вам не кажется, что это плохо, — спросил я, — то, что Дэвид запер Фина?

Джастин пожал плечами.

— Он мог убить тебя, приятель. Ты мог утонуть.

— Знаю. Но он же меня не убил. Я жив. Это так... нехорошо.

— Согласен, я бы так, наверно, не поступил, но ведь я не отец и не знаю, каково это — иметь детей. Полагаю, Дэвид просто «делает свою работу».

Говоря эти слова, Джастин пальцами изобразил в воздухе кавычки.

— Свою работу? — сказал я. — Это как понимать?

— Ну ты знаешь, хочет контролировать абсолютно все.

— Я ненавижу его, — сказал я, и мой голос неожиданно сорвался.

— В этом мы с тобой единомышленники.

— Почему вы не уезжаете?

Сначала он посмотрел на меня, затем бросил взгляд на заднюю дверь.

— Я собираюсь уехать, — прошептал он. — Но только никому об этом не говори, обещаешь? Есть одна ферма. В Уэльсе. Я узнал про нее от одной женщины, которую встретил на рынке. Хозяева ищут кого-то, кто мог бы разбить там аптекарский огород. Там все будет примерно как здесь: бесплатное питание, проживание и все такое прочее. Но никаких повелителей-мудаков.

Он снова закатил глаза и кивнул на дом.

Я улыбнулся. Повелитель-мудак. Хорошо сказано.

— И когда же?

— Скоро, — ответил он. — Очень скоро. — Он посмотрел на меня. — Не хочешь составить мне компанию?

Я растерянно заморгал.

— В Уэльс?

— Да. В Уэльс. Ты можешь стать моим маленьким дружкой-учеником.

— Но мне всего четырнадцать.

Он ничего не сказал, просто кивнул и продолжил связывать травы в пучки.

Смысл его предложения дошел до меня не сразу. Джастин приглашал меня в Уэльс не для того, чтобы я стал его маленьким дружкой-учеником; он приглашал меня не потому, что нуждался во мне. А потому, что думал, что там мне будет безопаснее, чем в моем собственном доме.

* * *

Джастин исчез через два дня. Он никому не сказал о своем отъезде и ушел на рассвете, так рано, что даже Дэвид еще не успел проснуться. Поскольку из того, что случилось с Финном, я извлек хороший урок и знал, как важно держать язык за зубами, я не стал никому рассказывать о ферме в Уэльсе. У меня сложилось впечатление, что Джастин не хотел, чтобы кто-то знал, куда он уехал. В тот же день, спустя пару часов, я зашел в его комнату. Он появился в

доме с малым количеством вещей, а ушел с еще меньшим. Я подошел к подоконнику, где в ряд стояли все его книги.

«Современная книга колдовства и заклинаний».

«Викка для начинающих».

«Викканская книга травяных заклинаний».

Я был уверен, что он нарочно оставил их мне. Я выглянул в коридор и, убедившись, что поблизости никого нет, сунул книги под джемпер.

Я уже было собрался убежать обратно в свою спальню, когда увидел на его тумбочке еще кое-что. Что-то маленькое и пушистое. Сначала я подумал, что этодохлаямышь, но нет. Это оказалась кроличья лапка на цепочке. У меня мелькнула смутная мысль, что это что-то вроде приносящего удачу талисмана, как вереск и четырехлистный клевер. Сунув ее в карман, я быстро вернулся в свою спальню, где спрятал все свои находки под матрас.

* * *

Я все время ждал, что Джастин снова даст о себе знать.

Позже, после того, как были обнаружены тела, и полиция начала расследование и пыталась выйти на след «трагически пропавших детей», я все ждал и ждал, когда Джастин внезапно появится в шестичасовых новостях, чтобы рассказать о своей жизни в нашем доме, о том, как Дэвид Томсен запирает своего сына-подростка в спальне, как приказывал, что нам есть и какую одежду носить, куда нам можно ходить, а куда нельзя.

С тех пор я искал следы Джастина в интернете много-много раз, но нигде ничего не нашел. Могу только предположить, что или он умер, или уехал куда-то далеко-далеко, или же знал, что случилось со всеми нами, но решил молчать и не вмешиваться. Какова бы ни была правда, я в душе был даже рад. Но когда он только исчез, я стал скучать по нему. Поначалу он мне не нравился, но он оказался наименьшей из моих гребаных проблем.

* * *

Прошло несколько месяцев. Лето сменилось зимой. Я взял на себя заботы об аптекарском огороде Джастина. Дэвид всячески поощрял мое занятие, поскольку оно соответствовало его идеологии. Дети должны усердно трудиться, делая полезные вещи. Им не нужны навыки, которые привели бы их в уродливую пасть капитализма. Он даже не догадывался, какие книги спрятаны под моей кроватью, равно как и о том особом наборе навыков, который я развивал. Каждый вечер я приносил тому, кто готовил в этот день еду, горсть свежего базилика и свежей мяты, за что меня ласкали и хвалили. Однажды вечером, увидев, как я под дождем укрываю какие-то новые нежные саженцы, Берди даже набрала мне ванну.

— Ты молодец, — сказала она, протягивая мне полотенце, когда я поднимался по лестнице. — Дэвид очень доволен тобой.

Дэвид очень доволен тобой.

Я хотел укусить ее, как собака.

Как и следовало ожидать, Салли не смогла снять квартиру в Хаммерсмите и по-прежнему спала на диване в той квартирке в Брикстоне, и теперь начала говорить о переезде в Корнуолл.

Однажды вечером она заявила в дом, с Финном и Клеменси, на три часа позже после того, как брала их с собой на вечеринку к подруге, где, судя по ней, она сильно напилась. Я не раз видел пьяных взрослых, когда мои родители еще общались с другими людьми и каждые выходные устраивали вечеринки. Но я не уверен, что видел кого-то в том состоянии, в каком Салли была в тот вечер.

— И после этого, — услышал я голос Дэвида. Казалось, он вот-вот взорвется от гнева, — ты еще надеешься, что кто-то позволит этим детям жить с тобой? Посмотри на себя!

— Ты! — бросила в ответ Салли. — Кто бы говорил! Посмотри на себя! Кто, по-твоему, ты такой? Да ты просто жалок. Жалок. Ты и эта уродина. И бог знает, кого еще ты здесь трахаешь. Один господь знает.

Я видел, как Дэвид пытался вытолкнуть Салли за дверь. Ему явно хотелось врезать ей, но он нашел в себе силы сдержаться.

Но тут появилась моя мама.

— Давай я сделаю тебе кофе, — сказала она, беря Салли за локоть, и посмотрела на Дэвида — мол, только без рукоприкладства. — Пойдем. Посидишь, придешь в себя.

Сделав вид, будто я не в курсе, что тут у них происходит, я мгновение спустя шагнул в кухню.

— Просто хочу попить воды, — объяснил я, хотя всем до меня не было никакого дела. Я притворился, что ухожу, а сам юркнул за дверь кладовой.

Салли тихо плакала, прижимая к лицу платок. Было слышно, как она сказала:

— Прощу тебя, присматривай за ними. Очень прошу, ради меня. Я просто не знаю, смогу ли я когда-нибудь... — Остальные ее слова заглушил гудок проплывавшей мимо нашего дома баржи. — Я беспокоюсь. Фин рассказывал мне, как его заперли в комнате, хотя и понимаю, да, он совершил дурной поступок. Да, я знаю, что Генри мог утонуть. Но ведь это так... жестоко, да? Взять и запереть ребенка? Он такой холодный человек...

— Ты знаешь, каким бывает Дэвид, — ответила моя мама. — Это его способ удержать всех вместе. Он спас нас, Салли. Действительно спас. До него я не видела смысла своего существования. Но теперь я просыпаюсь каждое утро и чувствую себя счастливой. Я радуюсь, что живу. Я радуюсь самой себе. Я не разоряю планету. Я не граблю землю. Я не способствую глобальному потеплению. Мои дети, когда вырастут, не будут сидеть за стеклянными столами и отбирать деньги у бедных. Я просто жалею о том, — сказала она, — что Дэвид не появился в нашей жизни гораздо раньше.

Либби колотит кулаками по двери. Через секунду к ней присоединяется Миллер. Это крепкая противопожарная дверь. Он подходит к окну, чтобы посмотреть, нельзя ли бежать через него. Увы, оно наглухо закрыто, а под ним никакой лестницы — лишь отвесная стена высотой в десять этажей.

Они снова ищут в комнате свои телефоны, но тех нигде нет. Через полчаса они прекращают это занятие и уныло садятся на пол, прислонившись спинами к кровати.

— И что теперь? — спрашивает Либби.

— Давайте подождем полчаса, а потом я попытаюсь ее выбить.

— Почему вы не хотите попробовать выбить ее прямо сейчас?

— Знаете, я не такой силач, как может показаться. У меня застарелая травма спины. Я должен действовать осторожно.

— Тогда даю вам десять минут отдыха, — говорит она.

— Хорошо, десять так десять.

— В какие, черт возьми, игры он, по-вашему, играет? — спрашивает она.

— Не имею ни малейшего представления.

— Как вы думаете, он собирается убить нас?

— Это вряд ли.

— Тогда почему он запер нас здесь?

— Может быть, случайно?

Либби недоверчиво смотрит на него.

— Вы ведь сами не верите в это, не так ли?

Будильник показывает 7.37 утра. Либби все еще пытается подсчитать, на сколько она опоздает на работу, когда раздается стук в дверь. Оба тотчас выпрямляют спины. Вслед за стуком слышится голос. Это голос Фина, и он обращается к одной из кошек. Им слышно, как он сюсюкает с ней. Либби и Миллер вскакивают на ноги и вновь начинают колотить кулаками в дверь спальни.

В следующий миг дверь открывается, и Фин смотрит на них.

— О господи, — говорит он и закрывает ладонью рот. — О господи. Ради бога, извините. У меня есть ужасная привычка ходить во

сне. Я уже не раз забредал к гостям в их комнату, а однажды даже пытался лечь к ним в постель. Поэтому, прежде чем самому лечь спать, я на всякий случай запер вас. А когда сегодня утром проснулся, то решил отправиться на пробежку. И напрочь забыл о вас двоих. Честное слово. Извините. Умоляю вас. Давайте лучше позавтракаем.

— Я не могу. Я опаздываю на работу.

— О, просто позвоните коллегам и скажите им, что случилось. Я уверен, что они поймут. Давайте. У меня есть свежий апельсиновый сок и все такое. Сегодня снова такой прекрасный день. Мы можем позавтракать на террасе. Очень вас прошу.

Он вновь упрашивал и умолял их, как и накануне вечером. Либби почувствовала себя загнанной в угол.

— Почему вы не сказали нам вчера, — говорит она, — что собираетесь запереть дверь? Почему не предложили нам запереться изнутри?

— Было очень поздно, — ответил он, — и я был пьян и плохо соображал.

— Вы до смерти напугали нас. Я не знала даже, что и думать, — упрекает его Либби. Но постепенно напряжение последних минут начинает ослабевать.

— Пожалуйста, простите меня, — говорит он. — Я идиот. Я не подумал. Вы спали, и я не хотел вас будить. Я просто запер дверь. Машинально. Без всякой задней мысли. Прошу вас, давайте позавтракаем.

Либби и Миллер обмениваются взглядами. Она видит, что он хочет остаться. Либби кивает.

— Хорошо, но только быстро. Фин?

Он приветливо смотрит на нее.

— Где наши телефоны?

— Разве они не в вашей комнате? — удивляется он.

— Нет, — отвечает она. — Мы их не нашли.

— Значит, вы где-то оставили их прошлой ночью. Давайте поищем.

Они следуют за ним по коридору в гостиную.

— А вот и они, — небрежно говорит он. — Вы оставили их заряжаться на кухне. Должно быть, все мы были очень пьяны вчера

вечером. Неудивительно, что мы ничего не помним. Идите на террасу, — говорит он. — Я принесу вам завтрак.

Они садятся рядом на диван. Солнце освещает другой берег реки, его лучи играют в окнах домов на Чейн-Уолк.

Либби чувствует, как Миллер придвигается ближе к ней.

— Он явно вешает нам на уши лапшу, — шепчет он ей на ухо. — Я не верю в сказки типа «Я был пьян и поэтому, не предупредив, запер вас в спальне». И я не верю в историю с телефонами. Я был пьян прошлой ночью, но я точно помню, что, когда мы ложились спать, мой телефон был в руке. Тут явно что-то неладное.

Либби кивает в знак согласия.

— Знаю, — говорит она. — Тут наверняка что-то не то.

Она включает телефон и звонит Дайдо. Ее звонок перенаправлен на голосовую почту.

— Это долгая история, — говорит она. — Я все еще в Челси. Можешь попросить Клэр поговорить с Морганамми, когда они придут в десять? У нее есть все детали. Все самые последние расценки в компьютере. Их просто нужно распечатать. Я постараюсь вернуться до начала следующей встречи. Обещаю. Мне очень неловко, но я все объясню, когда увижу тебя. Если же в десять тридцать меня не будет, позвони мне. Если я не отвечу, — она быстро оглядывается на Фина: тот все еще стоит за кухонной стойкой и нарезает хлеб, — знай, я в Баттерси в многоквартирном доме прямо напротив моего дома. О'кей? Я не знаю, какой это номер. Но я на десятом этаже. Скоро увидимся. Извини. Пока.

Она заканчивает разговор и бросает взгляд на Миллера. Тот смотрит на нее краем глаза и ласково улыбается.

— Я не дам вас в обиду, — говорит он. — Я позабочусь о том, чтобы вы успели на работу к следующей встрече. Живая и невредимая. Хорошо?

Либби захлестывает волна благодарности. Она улыбается и кивает.

Но тут появляется Фин с подносом и ставит его перед ними: яичница, посыпанное семечками пюре из авокадо, горка ржаных тостов, кусочек белого масла и кувшин апельсинового сока со льдом.

— Ну как, аппетитно выглядит? — спрашивает он, раздавая тарелки.

— Еще как! — говорит Миллер, потирая руки, и перекладывает тосты себе на тарелку.

— Кофе? — предлагает Фин. — Чай?

Либби просит кофе и добавляет в чашку молоко из кувшина. Затем берет кусочек тоста, но понимает, что у нее нет аппетита.

Она смотрит на Фина. Ей хочется спросить кое-что о той истории, которую он рассказывал им накануне вечером, но она не помнит, что именно. Что-то связанное с женщиной по имени Берди, которая играла на скрипке. Что-то связанное с кошкой. Что-то, что связано со списком правил внутреннего распорядка и языческим жертвоприношением, и что-то очень плохое, что связано с Генри. Но все это настолько расплывчато, размышляет она, как будто он не рассказывал им вообще ничего. Поэтому она говорит:

— У вас есть какие-либо фотографии всех вас, когда вы были детьми?

— Нет, — виноватым тоном отвечает он. — Ни одной. Помните, в доме, когда мы ушли из него, ничего не было? Мой отец продал все, до последнего клочка. А что не продал, отдал в благотворительные магазины. Но... — Он на миг умолкает. — Помните песню? Из восьмидесятых годов... Она еще называлась... Впрочем, откуда вам ее помнить, для этого вы слишком молоды. Это песня группы Original Version. Тем летом, прежде чем мы стали жить в вашем доме, она даже несколько недель продержалась в хит-парадах. Берди, женщина, о которой я вам вчера рассказывал, некоторое время играла в этой группе. Вернее, Берди и Джастин, они оба. Клип этой песни снимали в доме на Чейн-Уолк. Хотите его посмотреть?

Либби удивленно ахает. Наряду с фото ее родителей в вечерних нарядах в статье Миллера в «Гардиан», это видео лучше всего поможет ей понять, откуда она родом.

Они переходят в гостиную, и Фин подключает телефон к огромному плазменному телеэкрану. С полминуты он ищет клип на YouTube, затем нажимает кнопку воспроизведения.

Либби тотчас же узнает песню. Она никогда не знала, как та называлась и кто ее сочинил, но она у нее на слуху.

Клип начинается с того, что рок-группа играет на фоне реки. Все участники в твидовых костюмах, на всех подтяжки, кепки и ботинки «Доктор Мартенс». Их много, около десяти человек. В их числе две

женщины, одна из которых играет на скрипке, а другая на чем-то вроде барабана.

— Вот, — говорит Фин, останавливая кадр и указывая на экран. — Это Берди. Та, что с длинными волосами.

Либби смотрит на женщину на экране. Тощее создание с безвольным подбородком и серьезным лицом. Она крепко прижимает скрипку к подбородку и надменно смотрит в объектив камеры.

— Это Берди? — удивляется Либби. Ей с трудом верится, что эта хрупкая, невзрачная женщина и есть та самая Берди из истории, которую Фин рассказывал им накануне вечером, садистка, которая твердой рукой правила домом, держа всех в ежовых рукавицах.

Фин кивает.

— Ага. Гребаная злобная сука.

Он вновь нажимает на воспроизведение: группа теперь внутри дома, шикарного, богатого дома, полного картин и помпезной мебели, обтянутых красным бархатом тронов, сверкающих мечей и полированных дубовых панелей, штор с фестонами, лосиных голов, чучел лис и сверкающих люстр. Камера следует за музыкантами, когда те со своими инструментами входят в дом, позируют на причудливой резной лестнице, бегут по обшитым дубовыми панелями коридорам, фехтуют на мечях, примеряют рыцарские шлемы, садятся верхом на пушку в палисаднике и выстраиваются в ряд перед огромным каменным камином, полным горящих поленьев.

— Боже мой, — ахает Либби. — Какая красота!

— Да, — сухо говорит Фин, — не правда ли? И эта сука с моим отцом систематически уничтожали этот дом.

Взгляд Либби возвращается к изображению на телеэкране. Десять молодых людей, дом, полный жизни, денег, энергии и тепла.

— Я не понимаю, — тихо говорит она, — как такое могло случиться?

Полуденное солнце по-прежнему палит всюду. Люси, дети и собака сворачивают за угол многоквартирного дома за домом номер шестнадцать по Чейн-Уолк. Они на цыпочках быстро перебегают общий сад к шаткой задней калитке. Люси жестом велит детям молчать. Миновав несколько деревьев, они выходят на газон, пожухлый от долгого жаркого лета. Она с удивлением видит, что задняя дверь в дом не заперта. Стекло разбито. Осколки свежие, похоже, это было сделано недавно. По ее спине пробегает дрожь.

Она сует руку в разбитое стекло и поворачивает изнутри ручку. Дверь открывается, и она с облегчением вздыхает, радуясь, что ей не придется карабкаться по стене дома, чтобы попасть в него через крышу.

— Здесь страшно, — говорит Стелла, входя следом за матерью в дом.

— Верно, — соглашается Люси, — чуть страшновато.

— А по-моему, здесь круто, — говорит Марко, проводя рукой по огромному радиатору отопления и разглядывая комнату.

Люси показывает детям дом, и ей кажется, что с тех пор, как она была здесь в последний раз, с места не сдвинулся ни единый комочек пыли, ни сеточка паутины. Такое ощущение, что дом застыл в ожидании, надеясь на ее возвращение. Запах, хотя и затхлый, но мрачно знакомый. Знакомо все: и то, как свет проникает в темные комнаты, звук шагов по половицам, тени на стенах. Все точно такое же. Они ходят по дому, и она проводит кончиками пальцев по поверхности стен и предметов. Всего за неделю она вновь посетила два самых значимых дома своей жизни, в Антибе и Челси, два места, где ей сделали больно, где она была сломлена, откуда ей пришлось бежать. Прошлое тяжелым грузом лежит на ее сердце.

После «экскурсии» по дому они усаживаются в саду. Тени, отбрасываемые густой листвой, длинные и прохладные.

Люси наблюдает, как Марко палкой ковыряется в земле. Он в черной футболке, и на секунду она видит вместо него Генри, ухаживающего за аптекарским огородом. Она еле сдерживается, чтобы

не вскочить на ноги и не заглянуть ему в лицо. Но потом вспоминает: Генри сейчас мужчина. Не мальчик.

Она пытается представить себе нынешнего Генри, но не может. Лишь таким, каким она видела его той ночью, когда все они были вместе: как он стоит, стиснув зубы, в шоке от случившегося, как свечи отбрасывают на его щеки дрожащие тени, его пугающее молчание.

— Что это? — окликает ее Марко.

Люси прикладывает козырьком руку ко лбу и всматривается вглубь сада.

— Это? — переспрашивает она, вставая к нему. — Это старый аптекарский огород. Один человек, который тогда жил в этом доме, выращивал здесь лекарственные растения.

Затем Марко останавливается и, опершись на палку, словно на посох, задирает голову и смотрит на заднюю стену дома.

— Что там произошло? — спрашивает он.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что я все вижу. То, что после того, как мы пришли сюда, с тобой что-то не так. Твои руки дрожат. Ты всегда говорила, что во Францию тебя привезла тетя, потому что ты была сирота. Но я начинаю думать, что, похоже, случилось что-то очень, очень плохое, раз она решила забрать тебя. И я думаю, что это случилось в этом доме.

— Поговорим об этом позже, — отмахивается Люси. — Это долгая история.

— Где твои родители? — не унимается сын. Люси становится понятно: привезя сюда Марко, она открыла шлюзы для всего того, о чем он никогда не спрашивал ее раньше. — Где они похоронены?

Ей как будто дали под дых, но она заставляет себя улыбнуться.

— Не имею представления. Понятия не имею.

* * *

Когда-то, будучи моложе, Люси постоянно все записывала. Она покупала разлинованный блокнот и ручку, садилась где-нибудь, где угодно, и писала, писала, писала. Фиксировала поток сознания. Фин, привязанный к радиатору отопления в своей спальне, мертвые

взрослые, фургон, ожидающий в темноте с включенным двигателем, долгая поездка в ночи, оглушительное молчание, а затем бесконечное ожидание того, что случится потом, но потом ничего так и не случилось, и вот теперь, двадцать четыре года спустя, она все еще ждет, когда это случится, и это так близко, что она чувствует это нутром.

Эту историю она переписывала снова и снова. Она писала ее, а затем вырывала из блокнота страницы и, скомкав, бросала в мусорное ведро, в море, в сырой световой колодец. Она сжигала их, размачивала в воде, рвала в клочья. Но ей нужно было все записать, превратить в рассказ, а не в правду о ее жизни.

И все время правда жгла ей нервы, скручивала мышцы живота, била, как по барабану, по сердцу, издевалась над ней во сне, вызывала тошноту, когда она просыпалась, и не давала уснуть, когда она ночью закрывала глаза.

Она всегда знала: единственное, что способно вернуть ее в Лондон, в дом, где случилось столько кошмарных вещей, — это тот самый ребенок. Девочка.

Но где она? Она была здесь, это ясно. По всему дому видны следы ее недавнего прихода. В холодильнике стоят напитки, в раковине использованные стаканы, в задней двери зияет дыра.

Теперь ей просто нужно дождаться ее возвращения.

Следующим событием стало то, что моя мать забеременела. Было ясно, что не от моего отца. Тот едва мог встать со своей каталки. Как ни странно, когда об этом стало известно, лично я ничуть не удивился. Потому что на этом этапе мне уже было пугающе ясно, что моя мать одержима Дэвидом.

Я видел ее в тот вечер, когда он впервые переступил порог нашего дома, как она отпрянула, и уже тогда понял: это потому, что ее потянуло к нему. Я видел, как первоначальное влечение переросло в страстную влюбленность. Мой отец слабел на глазах, а влияние Дэвида росло. Я видел, что моя мать полностью во власти Дэвида, что ради него и его одобрения она готова пожертвовать всем на свете, включая нашу семью.

Но в последнее время я начал замечать и другие вещи.

Я слышал, как поздно ночью открывались и закрывались двери. Я замечал красноту на шее матери, перехватывал взгляды, слышал торопливый шепот, ощущал на ее волосах его запах. Я видел, как Берди пристально смотрит на мою мать, видел, как Дэвид пожирает глазами тело моей матери, особенно те его части, которые, по идее, не должны вызывать у него интереса. Что бы там ни происходило между моей матерью и Дэвидом, это было животным и чувственным и проникало в каждый уголок дома.

Объявление было сделано, как и все объявления, за обеденным столом. Его сделал, конечно же, сам Дэвид, причем сидя между Берди и моей матерью и держа их обеих за руки. Казалось, его распирает от гордости. Так он был доволен собой. Какой молодец! Две пташки, а теперь и булочка в духовке. Всем молодцам молодец.

Моя сестра тотчас же разрыдалась. Клеменси выбежала из-за стола: было слышно, как ее тошнит в туалете у задней двери.

Я в немом ужасе посмотрел на мать. Хотя я не слишком удивился такому развитию событий, меня поразило, что она со счастливой улыбкой позволила, чтобы об этом было объявлено во всеуслышание. Я отказывался поверить. Неужели ей не понятно, что тихий разговор с глазу на глаз в темном углу — это был бы куда лучший способ донести

это известие до ее детей. Неужели она не смутилась? Неужели ей не было стыдно?

Похоже, что нет. Она схватила мою сестру за руку.

— Дорогая, — сказала она, — тебе всегда хотелось иметь маленького братика или сестричку.

— Да. Но не так! Не так! — выкрикнула та.

Моя младшая сестра питала слабость к слезливым истерикам. Но в этом случае я ее не виню.

— А как же отец?

— Отец знает, — сказала она, сжав и мою руку. — Он все понимает. Он хочет, чтобы я была счастлива.

Дэвид сидел между Берди и моей мамой и пристально следил за нами. Думаю, что он позволил матери утешать нас лишь затем, чтобы она лишний раз не расстраивалась. Хотя, по большому счету, ему было наплевать, что мы думаем о нем и его скотском поступке, в результате которого наша мама забеременела. Ему было плевать на все, на всех, кроме себя самого.

Я посмотрел на Берди. Она выглядела странно довольной, как будто это воплотился некий ее великий замысел.

— Я не способна к деторождению, — сообщила она, как будто читая мои мысли.

— Выходит, моя мать... она для вас что? — спросил я довольно резко. — Человеческий инкубатор?

Дэвид вздохнул. Он поднес к губам палец, что делал довольно часто, и этот жест по сей день нервирует меня, когда я вижу, как это делают другие люди.

— Этой семье нужен центр притяжения, — изрек он. — Сердце. Смысл существования. Этому дому нужен ребенок. Твоя удивительная мама сделает это для всех нас. Она богиня.

Берди глубокомысленно кивнула в знак согласия. В этот момент из туалета, бледная как смерть, вернулась Клеменси. Она тяжело плюхнулась в свое кресло и передернулась.

— Дорогая, — сказал ей Дэвид. — Попробуй взглянуть на это так. Это объединит наши две семьи. У вас четверых будет общий брат или сестра. Две семьи... — он протянул руки к столу, — объединятся.

Моя сестра вновь залилась слезами, сжав пальцы в кулак.

Берди вздохнула.

— Ради всего святого, вы двое, — прошипела она, — повзрослейте же наконец.

Я заметил, как Дэвид бросил на нее предостерегающий взгляд. Берди в ответ дерзко мотнула головой.

— Я понимаю, вам понадобится несколько дней, чтобы привыкнуть к этой мысли, — сказал Дэвид. — Но поверьте мне. Это пойдет на пользу всем нам. Увидите сами. Этот ребенок станет будущим нашего сообщества. Этот ребенок будет для нас всем на свете.

* * *

Моя мама располнела так, как я не мог даже себе представить. Она, всегда такая стройная, с выступающими костями и длинной узкой талией, внезапно стала в доме самой толстой. Ее постоянно кормили и велели ничего не делать.

Похоже, малышу требовалась тысяча лишних калорий в день, и пока мы все сидели, ковыряясь в грибных бирьяни и хлебная морковный суп, моя мама поедала горы спагетти и шоколадный мусс. Я еще не говорил, какими тощими мы все были к этому времени? Мало того, что никто из нас, кроме моего отца, изначально не страдал избыточным весом. Но к тому времени, когда мою мать стали откармливать, как какое-нибудь жертвенное животное, мы были практически истощены. Я все еще носил одежду, которая была мне впору, когда мне было одиннадцать лет, хотя теперь мне было почти пятнадцать. Клеменси и моя сестра выглядели как анорексички, а Берди была тощей, как щепка.

Я не удивлю вас, если скажу: веганская пища проскакивает сквозь вас, не задерживаясь. Ничто не прилипает к бокам. Но когда даже такую еду предлагают воробьиными порциями и постоянно говорят вам, что нельзя жадничать и просить добавку, когда один повар ненавидит масло, и поэтому жира всегда не хватает (а детям нужны жиры), другой ненавидит соль, поэтому еда неизменно пресная на вкус, а третий отказывается есть пшеницу, потому что де от пшеницы его живот раздувается, как подушка, и поэтому вы не получаете

достаточного количества крахмала или калорий, вы тощаете на глазах, превращаясь практически в ходячий скелет.

Вскоре после того как тела были найдены, и пресса жужжала вокруг нашего дома с микрофонами и ручными камерами, одна из наших соседок однажды вечером появилась в новостях, рассказывая о том, какие мы все были тощие.

— Мне не давал покоя вопрос, — вещала соседка (которой я отродясь не видел), — правильно ли о них заботятся. Я даже волновалась. Они все были ужасно худыми. Но ведь в такие вещи не принято вмешиваться, не так ли?

Нет, таинственная соседка, похоже, что не принято.

Но пока мы все тощали, моя мать толстела и толстела. Берди шила ей туники из черного хлопка, тюки которого она дешево купила на распродаже несколькими месяцами ранее, чтобы шить из него наплечные сумки, а потом торговать ими на рынке Камден Маркет. Она продала в общей сложности две, так как владельцы других торговых палаток, у которых были лицензии на торговлю, прогнали ее, и она быстро отказалась от этой затеи. Но теперь она страстно шила, отчаянно пытаясь быть частью того, что происходило с моей матерью. Вскоре Дэвид и Берди тоже оделись в ее черные туники, а всю свою одежду пожертвовали на благотворительность. Они выглядели совершенно нелепо.

Мне следовало догадаться, что совсем скоро мы, дети, тоже будем одеваться точно так же. Однажды Берди вошла в мою комнату с мешками для мусора.

— Мы должны отдать всю нашу одежду на благотворительность, — сказала она. — Нам она не нужна, а другим людям может пригодиться. Я пришла, чтобы помочь вам упаковать ваши вещи.

Оглядываясь назад, я не могу поверить, как легко я капитулировал. Я никогда не поддавался духу Дэвида, но я до смерти боялся его. Я видел, как тем ужасным вечером год назад он повалил Фина на тротуар возле нашего дома. Я видел, как он ударил его. Я знал: он способен на большее и худшее. И я до смерти боялся Берди. Ведь именно она выпустила на волю сидевшего внутри Дэвида монстра. Поэтому, хотя я часто стонал или ворчал, я никогда не сопротивлялся. Вот почему в три часа дня во вторник в конце апреля я

опустошил свои ящики и шкафы, запихивая свою одежду в мешки для мусора; туда отправились мои любимые джинсы, классная толстовка «Эйч-энд-Эм», которую Фин отдал мне, когда я сказал, что она мне нравится. В мешки полетели мои футболки, джемперы и шорты.

— Но что я надену, когда выйду на улицу? — спросил я. — Я же не могу выходить голым?

— Держи, — сказала она, передавая мне черную тунику и пару черных легинсов. — Теперь мы все будем носить это. Что разумно.

— Я не могу выйти на улицу в этом! — ужаснулся я.

— У нас остались наши пальто, — ответила она. — С другой стороны, ты все равно никуда не выходишь.

Это было правдой. Я был кем-то вроде отшельника. Учитывая установленные в доме правила, в том числе запрет посещать школу и тот факт, что мне было некуда пойти, я практически не выходил из дома. Я взял у нее черную тунику и легинсы и прижал их к груди. Берди многозначительно посмотрела на меня.

— Давай тогда остальные вещи, — сказала она.

Я посмотрел на себя. Она имела в виду то, что было на мне.

Я вздохнул.

— Можно я сделаю это без вас?

Она подозрительно посмотрела на меня, однако вышла из комнаты.

— Только побыстрее, — крикнула она из-за двери. — У меня куча дел.

Я как можно быстрее снял с себя одежду и сложил в рыхлую грудку.

— Могу я оставить хотя бы трусы? — крикнул я через дверь.

— Конечно, можешь, — нетерпеливо ответила она.

Я натянул дурацкую черную тунику и легинсы и посмотрел на себя в зеркале. Я был похож на маленького тощего монаха. Я чуть не расхохотался. Затем быстро пошарил в глубине ящиков в поисках одной вещи. Мои пальцы нашли ее, и я на миг впился в нее глазами. Галстук-шнурок, купленный мной на Кенсингтонском рынке два года назад. Я ни разу его не надевал. Мне стало грустно при мысли, что я никогда его не надену. Сунув галстук под матрас, рядом с колдовскими книгами Джастина и кроличьей лапкой, я открыл дверь и передал сложенную одежду Берди.

— Молодец, — сказала она. На миг могло показаться, что она вот-вот погладит меня по головке. Но вместо это она улыбнулась и повторила: — Молодец.

Я на секунду замер, не зная, как мне поступить. В эти мгновения Берди казалась на удивление мягкой, и я решился задать вопрос, который уже давно меня мучил.

— Неужели вы не ревнуете? — выпалил я, предварительно набрав для смелости полную грудь воздуха. — Из-за ребенка?

На долю секунды, всего на долю секунды, ее скорлупа как будто дала трещину, и я заглянул внутрь ее, прямо в жидкий желтый желток. Берди вздрогнула, но затем взяла себя в руки и сказала:

— Конечно, нет. Дэвид хочет ребенка. Я благодарна твоей маме за то, что она согласилась его выносить.

— Но разве для этого он не должен был иметь... с ней секс?

Я не был уверен, что когда-либо раньше произносил вслух слово «секс», и почувствовал, что заливаюсь краской.

— Да, — строго сказала она. — Конечно.

— Но он ваш парень?

— Партнер, — поправила меня Берди, — он мой партнер. Я ему не хозяйка. Он не хозяин мне. Все, что имеет значение, — это его счастье.

— Да, — задумчиво сказал я. — А как насчет вашего?

Ответа на свой вопрос я не услышал.

* * *

Через несколько дней после судьбоносного вечера, когда нам было объявлено о беременности моей матери, моей сестре исполнилось тринадцать лет. Я бы сказал, хотя это и не моя область знаний, что она превращалась в очень красивую девушку. Она была высокой, как мама, и теперь, спустя год после того, как было введено правило «никакой стрижки», темные волосы доходили ей до талии и, в отличие от волос Клеменси и волос Берди, тонких, жидких, секущихся на концах, ее волосы были густыми и блестящими. Хотя она была худой, как и все мы, у нее присутствовали намеки на формы. Я легко мог представить (не то, чтобы я тратил на все это слишком много времени, уверяю вас),

что, если ей добавить еще десяток фунтов веса, у нее была бы потрясающая фигура. А из-под детского личика, которое я привык видеть всю свою жизнь, появлялось интересное женское лицо, отмеченное озорным очарованием. Почти красивое.

Я рассказываю обо всем этом не потому, что считаю, что вам нужно знать, что я тогда думал о внешности моей сестры, а потому, что вы, вероятно, все еще представляете ее маленькой девочкой. Но маленькой девочкой она уже не была.

Когда случилось следующее событие, она скорее уже была женщиной.

Либби приходит на работу запыхавшись и на две минуты опаздывая на встречу с Сериан Тахани. Сериан — диджей и местная знаменитость, которая решила потратить на новую кухню пятьдесят тысяч фунтов. Всякий раз, когда она входит в демонстрационный зал, вокруг слышится приглушенное электрическое жужжание. В иной ситуации Либби была бы готова к встрече с ней: подготовила бы документы, поставила кофейную чашку, проверила бы в зеркале, как она выглядит, съела бы мятную конфету и пригладила бы юбку. Увы, сегодня, когда Либби прибегает на работу, Сериан уже сидит и хмуро смотрит в свой телефон.

— Ради бога, извините — говорит она. — Извините.

— Все нормально, — отвечает Сериан, выключает телефон и кладет его в сумочку. — Ну что, вперед и с песней?

В течение часа у Либби нет времени размышлять о событиях вчерашнего дня. Ее голова забита столешницами из каррарского мрамора, ящиками для столовых приборов, вытяжками, медными подвесными светильниками — или эмалевые подвесные светильники все же лучше? Ей даже становится легче. Она любит говорить о кухнях. Она разбирается в них. Затем внезапно все заканчивается. Сериан кладет свои очки обратно в сумочку и обнимает Либби на прощание. Стоит ей выйти за порог, как наэлектризованная атмосфера в демонстрационном зале схлопывается и рассеивается, а вместе с ней схлопываются и все остальные. Дайдо зовет ее в бэк-офис.

— Итак, — говорит она, щелкая кольцом на банке диетической колы. — Что, черт возьми, стряслось?

Либби растерянно моргает.

— Даже не знаю. Это просто какой-то бред.

Либби рассказывает ей о том, как на верхней площадке столкнулась с Финном, как через мост Альберта прошла в его потрясающую квартиру на набережной в Баттерси, откуда открывается вид прямо на ее дом. Она рассказывает Дайдо все, что запомнила из истории, которую Фин поведал им на террасе. И, наконец, о том, как,

проснувшись этим утром, обнаружила, что лежит валетом с Миллером в большой двуспальной кровати.

— Ну я предполагала, что это произойдет, — замечает Дайдо.

Либби косо смотрит на нее.

— Что?

— Ты и Миллер. Между вами что-то есть.

— Между нами ничего нет.

— Некая связь. Уж поверь мне. Я вижу такие вещи с первого взгляда. Я предсказала три брака практически еще до того, как пары даже встретились. Seriously тебе говорю.

Либби отмахивается от этой чепухи.

— Мы напились и завалились в постель одетыми. И проснулись этим утром тоже одетыми. Кстати, у него есть татуировка, а я терпеть не могу татуировок.

— Мне казалось, что в эти дни все любят татуировки.

— Возможно, но только не я.

Ее телефон вибрирует, и она берет его в руки.

— Легко на помине, — говорит она, видя, как на экране вспыхивает имя Миллера.

— Привет!

— Послушай, — начинает он. Судя по голосу, это что-то срочное. — Это какое-то наваждение. Я только что открыл файл с прошлого вечера, запись истории Фина. Так вот, его там нет.

— Нет?

— Да. Файла нет. Скорее всего, удален.

— Ты где?

— Я в кафе на Виктории. Только собрался начать его расшифровывать, а его там нет.

— Но ты уверен, что он там был? Может, ты забыл нажать на кнопку записи?

— Я нажал на кнопку записи. Я отлично это помню. Вчера вечером я ее проверил. И даже прослушал. Она была. Я даже дал файлу имя.

— То есть ты думаешь?..

— Это, должно быть, Фин. Помнишь, ты сказала, что когда ты ложилась спать, ты думала, что телефон с тобой? Я тоже. У моего телефона есть функция распознавания отпечатков пальцев. Скорее

всего, когда мы спали, он вошел в нашу комнату и с помощью *моего большого пальца* открыл мой телефон. А заодно забрал твой. После чего запер нас. И это еще не все. Я погуглил его. Фин Томсен. Его нет нигде в интернете. Я погуглил квартиру, в которой он живет. Это «Эйрбиэнби». Согласно их системе бронирования, она была забронирована с середины июня. То есть с того дня, как...

— С моего дня рождения.

— С твоего дня рождения. — Он вздыхает и, судя по всему, поглаживает бороду. — Я понятия не имею, кто этот тип. Но он изворотлив, как угорь.

— А история? — говорит Либби. — Ты можешь ее вспомнить? Чтобы выудить хоть какую-то правду.

Миллер на миг задумывается.

— Смутно, — говорит он. — В целом да, помню. Но вот ближе к концу...

— Я тоже, — говорит Либби. — Сплошной туман. И я спала...

— Как убитая, — заканчивает он.

— И весь день я чувствовала себя...

— Весьма странно.

— Еще как странно! — соглашается она.

— И я начинаю думать...

— Да, — перебивает она, — я тоже. Я думаю, что он накачал нас наркотиками. Но почему?

— Этого я не знаю, — говорит Миллер, — Не советую тебе проверить свой телефон. У тебя есть пароль?

— Да, — отвечает она.

— Что такое?

Она вздыхает. Ее плечи сникают.

— Это дата моего рождения.

— Понятно, — вздыхает Миллер. — Ладно, проверь телефон на предмет чего-нибудь подозрительного. Он мог что-нибудь оставить в нем. Шпионское ПО или типа того.

— Шпионское ПО?

— Черт его знает! Он странный. Все вчера вечером было странным. Он пробрался в твой дом. Он накачал нас наркотиками...

— Возможно, накачал...

— Согласен. Возможно, накачал. По крайней мере, пока мы спали, он пришел в нашу комнату, использовал мой отпечаток пальца, чтобы получить доступ к моему телефону, вынул из твоей сумки твой и затем запер нас. От такого типа можно ждать чего угодно.

— Это да, — тихо соглашается Либби. — Но ты прав. Я проверю. Но ведь он может подслушивать нас сейчас.

— Да. Может. Эй, приятель, если ты слушаешь, тебе этот номер просто так не пройдет. — Либби слышит, как журналист вздыхает. — Нам нужно встретиться снова. И как можно скорее. Я раскопал материал по Берди Данлоп-Эверс. У нее весьма интересная история. И, кажется, я что-то узнал о том, другом, который здесь жил: Джастин, парень Берди. Когда ты свободна?

Пульс Либби учащается. Ей интересно, что будет дальше.

— Сегодня вечером, — говорит она, слегка задыхаясь. — В смысле, даже... — Она смотрит на Дайдо, которая в ответ вопросительно смотрит на нее. — Сейчас? — вопрос адресован Дайдо. Та яростно кивает ей и одними губами произносит «Давай». — Мы можем встретиться прямо сейчас. Где угодно.

— В нашем кафе? — уточняет он.

Она отлично знает, что он имеет в виду.

— Да, — говорит она. — В нашем кафе. Буду там через час.

Либби кладет трубку. Дайдо смотрит на нее и говорит:

— Знаешь, по-моему, тебе самое время взять ежегодный отпуск.

Либби морщит нос.

— Но...

— Никаких «но». Я возьму на себя Морганов и Сериан Тахани. Мы скажем, что ты больна. Что бы там у тебя ни происходило, клянусь, это важнее кухонь.

Либби приоткрывает рот, чтобы что-то сказать в защиту важности кухонь. Кухни важны. Кухни делают людей счастливыми. Людям нужны кухни. Кухни и люди, которые их покупают, были смыслом ее жизни все последние пять лет. Но она знает: Дайдо права. Вместо этого она кивает и говорит:

— Спасибо, Дайдо.

Затем она приводит в порядок письменный стол, отвечает на два новых письма в почтовом ящике, включает функцию «адресат в отпуске» и спешит на железнодорожную станцию.

К маю 1992 года наша семья превратилась в нечто чудовищное. Внешний мир, кишасший пожирателями мяса, парами и микробами, с которыми нельзя было бороться потными упражнениями и одними лишь красивыми цветами, наверняка привел бы к гибели драгоценное Дэвидово потомство. Нам всем было строжайше запрещено выходить на улицу. Нам к нашей двери еженедельно доставляли овощи, и в нашей кладовой имелся запас бобов, зерна и гороха, способный кормить нас как минимум еще лет пять.

Затем, незадолго до моего пятнадцатилетия, Дэвид внезапно приказал нам сдать *нашу обувь*.

Нашу обувь.

Обувь, даже если она не была сделана из шкур мертвых животных, была чем-то очень-очень дурным. Она вселяла мысли о грязных тротуарах и безрадостных походах в нехорошие офисы, где люди зарабатывали еще больше денег, чтобы расточать их на и без того богатых, оставляя бедных в окопах искусственно созданной правительством нищеты. Бедные люди в Индии не носили обувь; значит, и мы не должны. Вся наша обувь была собрана в картонную коробку, которую отнесли и поставили у ближайшего благотворительного магазина.

С того дня, когда Дэвид забрал наши туфли, и до ночи нашего побега два года спустя никто не ступил за порог нашего дома.

Когда Либби заходит в кафе на Вест-Энд-лейн, Миллер ест.

— Что это? — спрашивает она, вешая сумочку на спинку стула и садясь.

— Курица и чоризо в лепешке, — отвечает он, вытирая соус с уголка рта. — Очень вкусно. Пальчики оближешь.

— Сейчас четыре часа, — говорит Либби. — Это обед или уже ужин?

Ее вопрос ставит Миллера в тупик.

— Поздний обед? Или ранний ужин? Ланч? Бранч? Кстати, ты уже поела?

Либби качает головой. Этим утром она не ела с завтрака на террасе Фина. Да и аппетита тоже не было.

— Я не голодна, — отвечает она.

Он пожимает плечами и вновь вгрызается в свою лепешку с чоризо. Либби заказывает чайник чая и ждет, когда Миллер закончит есть.

В аппетите Миллера есть нечто странно привлекательное. Он ест так, как будто больше ничего не хотел бы делать. Он ест, замечает она про себя, осмысленно.

— Итак, — говорит Миллер. Он открывает свой ноутбук, набирает что-то в нем, а затем поворачивает экраном к Либби. — Знакомься, Берди Данлоп-Эверс. Она же Бриджит Элпет Вероника Данлоп-Эверс, если называть ее полное имя. Родилась в Глостершире в апреле 1964 года. В 1982 году переехала в Лондон, обучалась игре на скрипке в Королевском музыкальном колледже. По выходным играла на улицах, а потом со своим тогдашним парнем, Роджером Милтоном, вошла в состав группы Green Sunday. Кстати, Роджер Милтон позднее стал солистом Crows.

Миллер выжидающе смотрит на Либби. С ее стороны ноль реакции.

— Они были известны?

Он закатывает глаза.

— Ладно, проехали, — продолжает он. — В любом случае она несколько лет подрабатывала игрой на скрипке, прежде чем пройти прослушивание и получить место в группе под названием Original Version. В то время она крутит любовь с парнем по имени Джастин Реддинг и приводит его в группу в качестве ударника. Если верить интервью того времени, у нее была привычка всеми командовать. Ее никто не любил. Летом 1988 года у них вышел самый главный их хит, затем они выпустили еще один сингл с ней и Джастином, но, когда тот провалился, она обвинила всех остальных, взбесилась и ушла, забрав Джастина с собой. На этом интернет-история жизни Берди Данлоп-Эверс заканчивается. С тех пор по нулям. Как будто... — Миллер делает жест, изображающий, как нечто падает со скалы.

— А как насчет ее родителей?

— Ничего интересного. Она была одной из восьми детей в большой богатой католической семье. Насколько я могу судить, ее родители все еще живы — по крайней мере, я не нашел ничего, что говорило бы о том, что это не так, а также нашлись десятки маленьких богатеньких Данлоп-Эверсов, играющих на музыкальных инструментах и занимающихся доставкой вегетарианской еды. Но по какой-то причине ее семья не заметила или, возможно, просто махнула рукой на то, что их четвертая дочь в 1994 году исчезла с лица земли.

— А что насчет ее парня? Джастина?

— Ничего. Несколько упоминаний о нем во время его короткой фазы в качестве ударника на двух синглах Original Version. Но ничего больше.

Либби молчит, переваривая услышанное. Как люди вообще могут взять и раствориться в воздухе? Как это возможно, чтобы никто этого не заметил?

Миллер поворачивает экран обратно к себе и что-то печатает.

— Поэтому, — говорит он, — я вновь начал рыть информацию о Фине. Я связался с владельцем квартиры, сказал ему, что расследую дело об убийстве и мне нужно имя последнего человека, снимавшего его квартиру. Он был откровенен со мной. Явно горел желанием примазаться к моему расследованию. Джастин Реддинг.

Либби изумленно смотрит на него.

— Что?

— Фин, или кто он такой на самом деле, чтобы зарегистрироваться на «Эйрбиэнби», использовал имя бывшего парня Берди.

— Понятно! — говорит она. — Это надо же!

— Ага, ну кто бы мог подумать? — Миллер печатает на своем ноутбуке что-то еще. — И наконец, но не в последнюю очередь, вот тебе еще одно имя — Салли Радлетт.

Он снова поворачивает ноутбук экраном к Либби. На экране пожилая женщина, седые волосы, стрижка «шапочка», очки в роговой оправе, слезящиеся голубые глаза, подобие улыбки, голубая блузка, расстегнутая до третьей пуговицы, бледная ключица, отголоски красоты в чертах лица. Под фотографией слова «Терапевт и личностный тренер, Пенрит, Корнуолл».

— Правильный город. Правильный возраст. Выглядит как правильная сфера карьеры в целом — ну ты понимаешь, личностный тренер. Чем еще заняться на склоне лет, кроме как этой чепухой? Будь ты, конечно, на месте Салли Томсен?

Миллер с видом триумфатора смотрит на нее.

— Что скажешь? — спрашивает он. — Это ведь она, не так ли?

Либби пожимает плечами.

— Наверное, она. Похоже, что да.

— Там еще есть ее адрес. — Он указывает на экран. В его глазах застыл вопрос.

— Как ты думаешь, может, нам стоит?..

— Думаю, да. Стоит.

— Когда?

Он выгибает бровь, улыбается и набирает на телефоне номер.

— Привет, это Салли Радлетт? — спрашивает он, прочистив горло.

Либби слышно, как голос на том конце говорит «да». Затем, столь же внезапно, Миллер завершает звонок.

— Прямо сейчас? — спрашивает он, глядя на Либби.

— Но... — Она судорожно пытается придумать причину, почему она не может поехать прямо сейчас, но вспоминает, что причин у нее нет. — Мне нужно принять душ, — выдавливает она в конце концов.

Он улыбается, вновь поворачивает ноутбук экраном к себе и начинает печатать.

— Ночлег с завтраком? — говорит он. — Или «Премьер Инн»?

— «Премьер Инн».

— Отлично. — Еще пара щелчков, и он забронировал им две комнаты в «Премьер Инн» в Труро. — Примешь душ, когда мы туда доберемся. — Он закрывает экран, отсоединяет ноутбук и вставляет его в нейлоновый чехол. — Готова?

Либби встает на ноги, ощущая странное волнение при мысли, что проведет с ним остаток дня.

— Готова.

Я решил, что причиной всех наших бед был будущий ребенок. Я видел, как моя мама толстеет, а все остальные — худеют. И я видел, как Дэвид распушил хвост, едва не лопаюсь от гордости. С каждым фунтом, который набирала моя мать, с каждым разом, когда ребенок шевелился в ее животе, Дэвид наращивал очередной слой мерзкого самолюбования. Я все время думал о том, что рассказал мне Фин в день, когда мы с ним ходили на Кенсингтонский рынок, — что Дэвида вышвырнули из последнего дома, когда он стал диктовать свои правила и попытался подмять всех под себя. Я пытался представить его унижение, когда он украл что-то у хозяев дома, и его застукали с поличным. Я все время напоминал себе, что человек, который четырем годами ранее, бездомный и без гроша за душой, переступил наш порог, — это тот же самый человек, который теперь расхаживал по моему дому, словно напыщенный индюк.

Мне была противна сама мысль о том, что этот ребенок появится на свет. Я знал, что с его помощью Дэвид попытается закрепить свою роль бога нашей искаженной крошечной вселенной. Если ребенок не родится, моей маме не нужно будет все время есть, и мы сможем вновь приносить в дом микробы. И, что еще важнее, у нас не было бы абсолютно никакой причины и дальше терпеть Дэвида Томсена. Не было бы ничего, чтобы связывало бы нас, что удерживало бы нас вместе.

Я знал, что мне делать, и это выставляет меня не в очень хорошем свете. Но я был ребенком. Я был в отчаянии. Я пытался спасти нас всех.

* * *

Давать снадобья оказалось на удивление легко. Я старался готовить их для мамы как можно чаще. Я готовил ей травяные чаи и овощные соки. И во все, что я ей давал, были подмешаны ингредиенты, перечисленные в главе книги Джастина «Естественное

прекращение нежелательной беременности». Тонны петрушки, корицы, полыни, кунжута, ромашки и масла вечерней примулы.

Когда я передавал ей стакан сока, она гладила меня по руке и говорила:

— Ты такой добрый, Генри. Мне так приятно, что ты заботишься обо мне. — И я слегка краснел и ничего не отвечал, потому что в некотором смысле да, я заботился о ней. Я делал все для того, чтобы она не оказалась прикованной к Дэвиду навсегда. Но в остальном я совсем о ней не заботился.

И вот однажды, когда она была на шестом месяце беременности, а ребенок развивался нормально и уже начал бить ножками, извиваться и двигаться, моя мама спустилась вниз, и я услышал, как она разговаривает на кухне с Берди.

— Ребенок не шевелится. Сегодня ни разу не пошевелился, — сказала она.

В течение дня тревога усиливалась. Я ощущал ужасную тянущую боль внизу живота, потому что я знал, что будет дальше.

Конечно, никакую «Скорую помощь» не вызывали. Похоже, в придачу ко всем своим многочисленным талантам и навыкам, Дэвид Томсен оказался еще и врачом-гинекологом. Он смело взял ситуация в свои руки — посылал нас за полотенцами, водой и бессмысленными гомеопатическими настойками.

Ребенок появился на свет лишь спустя пять дней после того, как умер в утробе матери.

Моя мама рыдала часами. Она оставалась в своей комнате с Дэвидом, Берди и ребенком, издавая звуки, которые были слышны по всему дому. Мы, четверо детей, тихо сгруппировались на чердаке, не в силах понять, что только что произошло. И наконец, ближе к вечеру того дня, моя мама принесла ребенка вниз, завернутого в черную шаль, и Дэвид вырыл в дальнем конце сада могилку, и ребенка закопали в темноте ночи, в окружении зажженных свечей.

В ту ночь я пришел в комнату к отцу и сел напротив него.

— Ты знаешь, что ребенок умер? — спросил я.

Он повернул голову и уставился на меня. Я знал, что он не ответит на мой вопрос, потому что он не мог говорить. Но я подумал, что в его глазах может быть что-то, что даст мне понять, что он думает о событиях дня. Но все, что я видел в его глазах, — это страх и печаль.

— Это был крошечный мальчик, — сказал я. — Они назвали его Элайджа. Теперь его хоронят на заднем дворе.

Он продолжал смотреть на меня.

— Наверное, это даже к лучшему? Как ты думаешь?

Я искал прощения за свои грехи. Я счел его молчание за одобрение.

— В том смысле, что он все равно бы умер, не так ли? Без медицинской помощи? Или, что еще хуже, могла умереть мама. Так что возможно, оно даже к лучшему. — Я взглянул на свое отражение в темном стекле окна позади моего отца. Я выглядел таким юным и глупым. — Он был такой крошечный.

Мой голос осекся на последнем слове. Ребенок был очень маленький, этакая странная кукла. Когда я его увидел, у меня защемило сердце. Мой младший братик.

— В любом случае вот что у нас произошло. И теперь, наверное, мы все попытаемся снова вернуться к нормальной жизни.

Но в этом и заключалась проблема. Не было ничего нормального. Ненормальной была жизнь моего отца. Ненормальным было все наше существование. Ребенок умер, но у меня по-прежнему не было обуви. Ребенок умер, но мой отец по-прежнему весь день сидел в кресле, уставившись в стену. Ребенок умер, но не было ни школы, ни праздников, ни друзей, ни внешнего мира.

Ребенка уже не было, но Дэвид Томсен все еще был.

Сейчас девять часов. Люси и дети устроились на ночь в старой спальне ее родителей. Стены комнаты танцуют при свечах. Стелла уже спит, Фитц свернулся клубочком с ней рядом.

Люси открывает маленькую банку джина с тоником. Марко открывает банку фанты. Они чокаются банками и говорят Лондону: «Ваше здоровье!»

— Ну так как, — тихо говорит он. — Теперь ты расскажешь мне о ребенке?

— О господи, — вздыхает Люси и проводит руками по лицу. — Я не знаю. Это все так...

— Расскажи мне. Пожалуйста.

— Завтра, — говорит она, подавляя зевок. — Я расскажу вам завтра. Обещаю.

Через несколько минут Марко наконец засыпает. Не спит только Люси. Она сидит в пустом, мрачном доме, в который, как она когда-то поклялась, никогда не вернется. Она осторожно поднимает голову Марко с колен и встает. Подойдя к окну, она наблюдает за тем, как лучи заходящего солнца играют в окнах новых блестящих жилых домов на другой стороне реки. Когда она жила здесь, их там не было. Может, будь они там, думает она, кто-нибудь смог бы их увидеть, кто-нибудь заподозрил бы неладное, кто-то мог бы их спасти, избавить от их печальных, исковерканных судеб.

* * *

Люси засыпает лишь после трех часов ночи. Сначала ее мозг упрямо отказывается отключаться на несколько часов, как вдруг она погружается в сон. А затем, столь же внезапно, просыпается снова. Она садится прямо. Марко тоже. Часы на телефоне говорят ей, что они все спали до позднего утра. Над головой слышатся шаги.

Люси кладет руку на руку Марко и прижимает к губам кончик указательного пальца.

Снова тишина, и напряжение оставляет ее. Но затем она слышит его снова, отчетливый звук шагов, скрип половиц.

— Мама...

Она сжимает руку сына и осторожно встает. Затем на цыпочках идет через всю комнату к двери. Пес просыпается, поднимает голову, спрыгивает с кровати Стеллы и следует за ней. Его когти громко стучат по деревянным половицам. Люси берет его на руки. Она чувствует, что пес вот-вот зарычит, и гладит его, чтобы успокоить. Марко стоит позади нее, ей слышно его тяжелое, надрывное дыхание.

— Не подходи! — шипит она.

Фитц глухо рычит. Над головой раздается очередной скрип. Рычание Фитца прорывается наружу.

Скрип прекращается.

Но затем раздается звук шагов, уверенных и твердых. Кто-то спускается по деревянной лестнице, что ведет к мансардным спальням. Люси замирает на месте. Пес снова начинает рычать и пытается вырваться из ее рук. Она захлопывает дверь и наваливается на нее всем телом.

Стелла уже не спит и широко раскрытыми глазами смотрит на дверь.

— Что случилось, мама?

— Ничего, дорогая, — шепчет она через всю комнату. — Ничего. Просто Фитц глупый пес.

Дверь на втором этаже скрипит, затем со стуком захлопывается. По жилам Люси струится адреналин.

— Это тот самый ребенок? — тревожным шепотом спрашивает Марко, широко раскрыв от ужаса глаза.

— Я не знаю, — отвечает Люси. — Я не знаю, кто это.

Шаги раздаются все ближе и ближе, с другой стороны двери кто-то дышит. Пес притих, прижал уши и оскалился. Люси отходит от двери и приоткрывает ее на узкую щелочку. Фитц выпрыгивает из ее рук и протискивается в щель. На лестничной площадке рядом с их комнатой стоит мужчина. Фитц тявкает и норовит укусить его за лодыжки, но мужчина смотрит на него с легкой улыбкой и даже протягивает ему руку, чтобы пес ее понюхал. Фитц успокаивается, нюхает руку и даже позволяет погладить себя между ушей.

— Привет, Люси, — говорит мужчина. — Какой милый песик.

Часть третья

Прикрыв ноги знакомым фиолетовым покрывалом, Либби блаженно растянулась на кровати. Номер в отеле «Премьер Инн» — счастливое место для Либби, в ее глазах эта гостиничная сеть ассоциируется с девичниками, вылазками из шумного Лондона и свадьбами в отдаленных городках. Кровать в номере хорошо знакомая и удобная. Она могла бы лежать на ней весь день. Но в девять они с Миллером встречаются в вестибюле. Она смотрит на телефон. Восемь сорок восемь. Она заставляет себя встать с кровати и очень быстро принимает душ.

Они приехали из Лондона накануне вечером, проделав долгий путь, и за пять часов, которые они провели вместе, она многое узнала о Миллере. В двадцать два года он попал в автомобильную аварию, после чего провел год в инвалидной коляске и прошел курс реабилитации. В молодости он был очень худым и спортивным, но так и не вернул свое прежнее стройное телосложение. У него есть две старших сестры и веселый отец, а вырос он в Лимингтон Спа. Он изучал политологию в университете, где познакомился со своей бывшей женой, которую звали Матильда, или сокращенно Мати. Он даже показал Либби ее фотографию на своем телефоне. Очень хорошенькая, с темно-рыжими волосами, пухлыми губами и стильной хипстерской стрижкой, которая привела бы в ужас девяносто девять процентов других людей.

— Почему вы расстались? — спросила Либби. И тотчас добавила: — Впрочем, можете не отвечать на мой вопрос.

— О, это моя вина, — ответил он, прикладывая руку к сердцу. — Целиком и полностью. Я расставил приоритеты так, что многие вещи оказались главнее семьи. Мои друзья, мои увлечения. Но главным образом — моя работа. И самым главным, — он умолкает с кривой улыбкой, — статья в «Гардиан». — Он пожимает плечами. — Впрочем, я извлек для себя урок. Я никогда больше не поставлю работу выше личной жизни.

— А вы? — спросил он. — Где-нибудь в кадре есть мистер Либби?

— Нет, — ответила она. — Нет. Это незавершенный проект.

— Понятно, но вы еще молоды. У вас еще все впереди.

— Это да, — согласилась она, в кои-то веки забыв о своем обычном ощущении нехватки времени для достижения всех ее сомнительных целей.

Надев вчерашнюю одежду, Либби в две минуты десятого выходит в вестибюль, где ее уже ждет Миллер. Он, похоже, не переодевался и даже не принял душ. Он весь какой-то лохматый и помятый, как будто двое суток не ложился в собственную постель. Но в этой лохматости и помятости есть и своя прелесть. Либби сопротивляется искушению пригладить его шевелюру и поправить вырез футболки.

Разумеется, он уже поглотил вкусный завтрак, каким славится «Премьер Инн», и когда она появляется, допивает кофе. Увидев ее, он улыбается, ставит чашку, и они вместе выходят из отеля.

* * *

Кабинет Салли расположен на главной улице Пенрита в небольшом каменном здании. На первом этаже оборудован спа-центр под названием «Пляж». Кабинет Салли на втором этаже, и туда ведет лестница. Миллер звонит в звонок, ему открывает молоденькая девушка.

— Да?

— Здравствуйте, — говорит Миллер. — Мы ищем Салли Радлетт.

— Боюсь, она сейчас занята с клиентом. Чем я могу помочь?

Девушка светлокочая, натуральная блондинка, у нее те же правильные черты лица, что и у Салли. На мгновение Либби думает, что это должна быть ее дочь. Но этого не может быть. Салли никак не меньше шестидесяти, возможно, даже больше.

— Нет, нам действительно нужно поговорить с Салли, — говорит Миллер.

— У вас назначена встреча?

— Нет, — говорит он, — к сожалению, нет. Это нечто срочное.

Девушка слегка щурится, затем переводит взгляд на кожаный диван.

— Может, вы все же присядете, пока ее ждете? Она скоро освободится.

— Большое спасибо, — говорит Миллер, и они с Либби садятся рядом.

Комната крошечная; хотя девушка сейчас сидит за столом, им слышно ее дыхание. Неловко молчание нарушает телефонный звонок. Либби поворачивается к Миллеру и шепчет:

— А если это не она?

— Значит, не она, — отвечает он, пожимая плечами.

Либби долю секунды в упор смотрит на него. Она понимает: Миллер видит жизнь совсем не такой, какой ее видит она. Он готов ошибаться; ему не всегда нужно знать, что будет дальше. Жить так, как живет Миллер, — в этом что-то есть, размышляет она.

Появляется высокая женщина — в сером платье с короткими рукавами и золотистых сандалиях. Она прощается с мужчиной средних лет, а затем, заметив их, недоуменно на них смотрит.

— Лола? — обращается она к девушке за столом.

В свою очередь девушка смотрит на Миллера и Либби.

— Они попросили о срочной встрече, — отвечает она.

Женщина поворачивается к ним и неуверенно улыбается.

— Здравствуйте.

Видно, что ей не нравится, когда кто-то приходит просить о срочной помощи. Но Миллер невозмутим и встает.

— Салли, — говорит он. — Меня зовут Миллер Роу. Это моя знакомая Либби Джонс. Вы не могли бы уделить нам минуток десять?

Салли снова смотрит на девушку по имени Лола. Та подтверждает, что следующая встреча Салли состоится только в одиннадцать тридцать. И тогда Салли приглашает их в свой кабинет и закрывает за ними дверь.

Кабинет Салли уютный, в скандинавском стиле: светлый диван с брошенным поверх него вязаным покрывалом, бледно-серые стены, белый стол и стулья. На стенах — десятки черно-белых фотографий в рамках.

— Итак, — говорит она. — Чем могу быть вам полезна?

Миллер смотрит на Либби. Он хочет, чтобы она начала первой. Она поворачивается к Салли и говорит:

— Я только что унаследовала дом. Большой дом.

В Челси.

— Челси? — рассеянно переспрашивает Салли.

— Да. На Чейн-Уолк.

— Ммм.

Она кивает, только один раз.

— Дом номер шестнадцать.

— Да, да, — говорит она с ноткой нетерпения в голосе. — Я не... — начинает она, но тотчас умолкает и слегка щурится. — О! — говорит она. — Вы тот самый ребенок!

Либби кивает.

— Вы Салли Томсен? — в свою очередь спрашивает она.

Салли не торопится с ответом.

— Нет, — говорит она, помолчав, — технически нет. Несколько лет назад, когда начала эту практику, я вернула себе девичью фамилию. Не хотела, чтобы кто-то... Я несколько лет провела не в самом лучшем месте и хотела начать все сначала. Но да. Я была Салли Томсен. А теперь послушайте, — говорит она, и ее тон внезапно становится холодным и резким. — Я не желаю ни с чем связываться. Моя дочь взяла с меня обещание никогда и ни с кем не обсуждать что бы то ни было о том доме в Челси. Никогда о нем не говорить. После того, что там произошло, она много лет страдала от нервного расстройства и все еще не до конца здорова. Я просто не имею права что-либо говорить. И хотя я рада видеть вас здесь, живыми и здоровыми, боюсь, я буду вынуждена попросить вас обоих уйти.

— Можем ли мы поговорить с вашей дочерью? Как вы думаете?

Салли пристально смотрит на Миллера, задавшего этот вопрос.

— Абсолютно нет, — говорит она. — Это исключено.

Моя мать так и не оправилась от потери ребенка. Она медленно отдалилась от нас. Она также отдалилась от Дэвида. Она начала проводить больше времени с моим отцом, они вдвоем подолгу молча сидели рядом.

Разумеется, я считал себя полностью ответственным за несчастье моей матери. Я попытался исправить ситуацию, давая ей отвары из книг Джастина, где утверждалось, что те способны излечить человека от меланхолии. Увы, было практически невозможно заставить ее что-нибудь съесть или выпить, поэтому все мои усилия были тщетны.

Дэвид, похоже, бросил ее. Я был удивлен. Мне казалось, что он захочет принять участие в ее физическом и душевном выздоровлении. Но он держался отстраненно, я бы даже сказал, холодно.

Однажды, вскоре после того, как моя мать потеряла ребенка, я спросил у него:

— Почему вы больше не разговариваете с моей матерью?

Он посмотрел на меня и вздохнул.

— Твоя мать на пути к выздоровлению. И этот путь она должна проделать сама.

Проделать сама.

Я почувствовал, как внутри меня нарастает волна ярости.

— Я не думаю, что она выздоравливает, — ответил я. — Я думаю, что ей становится хуже. А как насчет моего отца? Разве он не должен получать какую-то помощь? Какое-то лечение? Он целыми днями сидит в кресле. Может, во внешнем мире кто-то может что-то для него сделать. Может, есть какая-то терапия. Может, даже электрошоковая терапия или что-то типа того. Что, если для жертв инсульта существует новые методы лечения, о которых мы даже не знаем, потому что мы все застряли в четырех стенах. — Я сам не заметил, как перешел на крик, и как только слова сорвались с моих губ, понял, что наговорил лишнего: внезапно холодная, шершавая кожа его руки соприкоснулась с моей челюстью.

Я моментально ощутил во рту металлический привкус, а мои губы онемели. Кончиком пальца потрогав кровь, я в ужасе посмотрел на

Дэвида.

Подняв до ушей мощные плечи, он в упор смотрел на меня. На лбу, вздулась и пульсировала вена. Просто невероятно, как быстро этот тихий, духовный человек мог превратиться в свирепого монстра.

— Ты не имеешь права говорить об этих вещах, — прорычал он. — Ты ничего ни о чем не знаешь. Ты еще сосунок.

— Но ведь он мой отец. Вы же с самого начала относились к нему, как к дерьму!

Он снова ударил меня, на этот раз по другой стороне моего лица. Я всегда знал, что рано или поздно это случится. С того момента, как я впервые увидел его, я знал: если только я осмелюсь бросить ему вызов, Дэвид Томсен ударит меня. И это случилось.

— Вы разрушили все! — выкрикнул я. Мне было уже нечего терять. — Вы думаете, что вы такой сильный и важный, но это не так! Вы просто громила! Вы пришли в мой дом и заставили всех стать такими, какими нужно вам. А потом вы сделали моей маме ребенка, и теперь ей тяжело, но вам все равно, вам наплевать. Потому что все, что вас волнует, это вы сами!

На этот раз он врезал мне с такой силой, что я полетел на пол.

— Встань! — рявкнул он. — Встань и иди в свою комнату. Ты не выйдешь из нее целую неделю.

— Ты собрался меня запереть? — спросил я. — Из-за разговора с тобой? Потому что я высказал тебе, что я думаю?

— Нет! — рявкнул он в ответ. — Я запру тебя, потому что не могу на тебя смотреть. Потому что ты мне противен. А теперь или иди сам, или я отволоку тебя. Что из этого ты выберешь?

Я поднялся на ноги и побежал. Но я побежал не к лестнице, я побежал к входной двери. Я повернул ручку и потянул. Я был готов — готов выбежать из дома, остановить первого встречного и крикнуть:

— Помогите нам! Нас запер в доме один ненормальный с манией величия! Помогите нам, пожалуйста!

Но дверь была заперта.

Как я не догадался? Я дергал и дергал, а затем повернулся к нему и сказал:

— Ты запер нас!

— Нет, — сказал он. — Просто дверь заперта. Это не одно и то же. А теперь пойдем?

Громко топая, я поднялся по задней лестнице на мансарду. Дыша мне в затылок, Дэвид шел за мной следом.

Я слышал, как в двери моей спальни повернулся ключ. Я вопил и плакал, словно этакий ужасный, жалкий младенец-переросток.

Я слышал, как Фин орал на меня сквозь стену:

— Заткнись! Заткнись же, наконец!

Я звал маму, но она не пришла. Никто не пришел.

* * *

Той ночью мое лицо болело в том месте, где Дэвид ударил меня, и живот урчал от голода. Я не мог уснуть и пролежал всю ночь, глядя на облака, плывшие через лунный диск, наблюдая за темными силуэтами птиц на верхушках деревьев, слушая скрип дома и задыхаясь.

В течение следующей недели я постепенно сходил с ума. Я царапал ногтями стены, пока мои ногти не начали кровоточить. Я бился головой об пол. Я издавал животные звуки. У меня начались галлюцинации. Думаю, Дэвид рассчитывал на то, что я выйду из своего заключения сломленным и покорным. Но это был не тот случай.

Когда через неделю дверь наконец открыли и мне вновь разрешили бродить по дому, я не чувствовал себя сломленным. Я пылал чудовищным праведным гневом. Я собрался прикончить Дэвида, раз и навсегда.

* * *

Когда я, наконец, вновь обрел свободу, в воздухе витало что-то еще, некий великий секрет, кружился вместе пылинками в солнечных лучах, застревал в нитях паутины под потолком в углах комнат.

В то первое утро после недели одиночества и изоляции, сидя вместе со всеми за завтраком, я спросил Фина:

— Что происходит? Почему все ведут себя так странно?

— А разве здесь когда-то ведут себя по-другому? — парировал он, пожимая плечами.

— Нет, — сказал я. — Страннее, чем обычно. Как будто что-то происходит.

К этому времени Фин был уже болен, это увидел бы даже слепой. Его кожа, когда-то такая гладкая и безупречная, стала серой и пятнистой. Жирные волосы валились на одну сторону. И от него исходил кислый запах.

Я сказал об этом Берди.

— Кажется, Фин заболел, — сказал я.

— Фин в полном порядке, — холодно ответила она. — Ему лишь нужно больше физических упражнений.

Я слышал через дверь тренажерного зала, как его отец умолял Фина прилагать больше усилий.

— Еще! Ты можешь это сделать! Отталкивайся. Сильнее. Давай! Ты даже не пытаешься! — А затем я видел, как Фин выходил из тренажерного зала, бледный и измученный, как он, шаркая ногами, поднимался по лестнице на мансарду, как будто каждый шаг причинял ему боль.

— Пойдем со мной в сад. Свежий воздух тебе поможет, — предложил я как-то раз.

— Никуда я с тобой не пойду, — огрызнулся он.

— Если не хочешь вместе со мной, иди в сад один.

— Разве ты не видишь? — сказал он. — Ничто в этом доме не сделает меня здоровым. Единственное, что делает меня здоровым, — это не быть в этом доме. Я должен уйти. Я должен, — сказал он, сверля меня взглядом, — уйти отсюда.

Впечатление было такое, что наш дом умирал. Сначала заболел мой отец, потом моя мама, а теперь и Фин. Джастин бросил нас. Ребенок был мертв. Если честно, я просто не видел в нашем существовании никакого смысла.

Как вдруг однажды днем я услышал доносящийся снизу смех. Я заглянул в коридор и увидел, как Дэвид и Берди выходят из тренажерного зала. Они оба светились здоровьем. Дэвид обнял Берди за плечи и, притянув к себе, крепко и омерзительно громко чмокнул в губы. Это все они, подумал я. Теперь я это точно знал. Это они, подобно вампирам, истощали дом, пили из него все соки, высасывали энергию любви, жизни и добра, тянули все это в себя, питаясь нашими страданиями и нашими разбитыми душами.

Затем я оглянулся вокруг и увидел голые стены, где когда-то висели картины маслом, пустые углы, где когда-то стояла прекрасная мебель. Я подумал о люстрах, которые когда-то сверкали в солнечных лучах. Я вспомнил серебро, медь и золото, блестевшие на каждой поверхности. Я подумал о гардеробе дизайнерской одежды и сумочках моей матери, о кольцах, которые украшали ее пальцы, бриллиантовых серьгах и сапфировых подвесках. Ничего из этого больше не было. Все пошло на так называемую «благотворительность», на «помощь бедным людям». Я в уме прикинул стоимость всех этих утраченных вещей. Я подозревал тысячи фунтов. Десятки тысяч фунтов. Если не сотни.

А затем я снова посмотрел на Дэвида: его рука обвивала Берди, эти двое были совершенно свободны и не обременены ничем из того, что происходило в этом доме. И я подумал: ты не мессия, не гуру и не бог, Дэвид Томсен. Ты не филантроп или добродетель. Ты не духовный человек. Ты преступник.

Ты проник в мой дом и разграбил его. И ты не сострадательный человек. Будь ты сострадательным, ты бы сейчас сидел с моей матерью, пока она оплакивает вашего потерянного ребенка. Ты бы нашел способ помочь моему отцу выбраться из его ада. Ты бы отвел своего сына к врачу. Ты бы не смеялся вместе с Берди. Ты был бы слишком подавлен несчастьем всех остальных. А значит, если у тебя нет сострадания, из этого следует, что ты не отдавал наши деньги бедным. Ты забирал их себе. Должно быть, это и есть тот самый «секретный тайник», о котором Фин рассказывал мне несколько лет назад. И если это так, то где он? И что ты планируешь с ним делать?

Через две недели после того, как Дэвид выпустил меня из моего заключения, он за обеденным столом объявил о беременности моей сестры. Ей лишь недавно исполнилось четырнадцать.

Я видел, как Клеменси отпрянула от моей сестры, как будто обожглась горячим маслом. Я видел лицо моей матери, ее пустой мертвый взгляд. Было ясно, что она уже знала. Я видел Берди. Она улыбнулась мне. И при виде этих крошечных острых зубов я взорвался. Я прыгнул через стол и набросился на Дэвида. Я пытался ударить его. Вернее, я пытался его убить. Это было моим главным намерением.

Увы, я был тщедушным, а он был большим, и, конечно, Берди встала между нами, и меня как-то оттащили и вернули на мою сторону стола. Я посмотрел на свою сестру, на странную улыбку, игравшую на ее губах, и я не мог поверить, что я не замечал этого раньше, не замечал, что моя глупая младшая сестренка попала в его сети, что она воспринимала Дэвида, как его воспринимала моя мать, как его воспринимала Берди. Она гордилась тем, что Давид выбрал ее, гордилась тем, что носит его ребенка.

И тут меня осенило.

Дэвиду были нужны не просто наши деньги. Дэвид положил глаз на весь дом. Это все, чего он когда-либо хотел, начиная с того момента, когда он впервые преступил его порог. И ребенок моей сестры обеспечит ему его законную долю.

* * *

На следующий день я пришел в спальню моих родителей. Я открыл картонные коробки, в которых, после того как из дома вывезли мебель, хранились все их менее ценные вещи. Я чувствовал на себе взгляд отца.

— Папа, — сказал я, — где завещание? Завещание, в котором написано, что будет с домом, когда ты умрешь?

Его горло едва заметно задергалось, как будто он силился что-то произнести. Он открыл рот на миллиметр или два. Я подошел к нему ближе.

— Папа? Ты знаешь? Ты знаешь, где находятся все документы?

Его взгляд переместился с моего лица на дверь спальни.

— Они там? — спросил я. — Документы?

Отец моргнул.

Он делал это иногда, когда его кормили. Если мама спрашивала: «Ну как, вкусно, дорогой?», он моргал, а мама говорила: «Хорошо. Хорошо», — и давала ему еще одну ложку.

— В какой комнате? — спросил я. — В какой комнате они находятся?

Я видел, как он едва заметно скосил глаза влево. К комнате Дэвида и Берди.

— В комнате Дэвида?

Он моргнул.

Мое сердце ушло в пятки. Я не мог войти в комнату Дэвида и Берди. Начнем с того, что они держали ее запертой. Но даже если бы они ее не запирали, было страшно представить последствия, если бы они меня там застукали.

Я в очередной раз обратился к чрезвычайно полезной книге заклинаний из библиотечки Джастина.

«Заклинание для временного оцепенения».

Судя по названию, это было то, что мне нужно. Заклинание обещало несколько минут общего отупения и сонливости, «небольшой и незаметной фуги».

Для этого нужно было использовать смертоносный паслен, белладонну, ядовитое растение, о котором мне в свое время рассказывал Джастин. Я тайно выращивал ее после того, как нашел в его аптечном сундучке семена. Сначала семена нужно было на две недели замочить в воде и держать в холодильнике. Взрослым я сказал, что экспериментирую с новой травой от хандры Фина.

Затем я взял семена и посадил в два больших горшка. Через три недели показались ростки, и когда я осматривал их в последний раз, они были зелеными и пышными. Если верить книгам, белладонну очень трудно выращивать, так что, когда распустились первые фиолетовые цветы, я был невероятно доволен собой. Теперь я

пробрался в сад, сорвал пару веточек, сунул их за пояс моих легинсов и быстро поднялся наверх. У себя в комнате я приготовил настойку из листьев ромашки и воды с сахаром. По идее, в нее следовало добавить два волоска от рыжей кошки и дыхание изо рта старухи, но я был аптекарем, а не чародеем.

Мои травяные чаи любили все. Я сказал Дэвиду и Берди, что экспериментирую с новой смесью: ромашки и листьев малины. Они с довольным видом посмотрели на меня и сказали, что звучит привлекательно. Я извинился перед Берди, когда она пила из своей чашки, сказав, что, вероятно, на вкус это слегка приторно, мол, это потому, что я добавил немного меда, чтобы перебить горчинку малиновых листьев. Заклинание требовало, чтобы человек непременно выпил хотя бы полстакана. Поэтому я сидел и умильно смотрел, как будто отчаянно искал их одобрения, чтобы они выпили положенные полчашки, даже если им не нравился вкус.

Но вкус им понравился, и они оба выпили по полной чашке.

— Хорошо, — сказала Берди некоторое время спустя, когда мы убирали посуду. — Чай был супер, супер расслабляющий, Генри. Я могла бы... Если честно... — Она слегка закатила глаза. — Не лечь ли мне поспать? — заявила она.

Я заметил, что у Дэвида тоже слипаются глаза.

— Да, — сказал он. — Неплохо бы немного вздремнуть.

— Давайте, — сказал я, — я помогу вам обоим. Наверно, это моя вина. Похоже, я положил в чай слишком много ромашки. Обопритесь на меня. — Я даже позволил Берди схватиться за мою руку.

— Обожаю твой чай, Генри, — сказала она, положив щеку мне на плечо. — Это лучший чай за всю историю.

— Да, действительно очень хороший чай, — согласился Дэвид.

Дэвид нащупал в складках туники ключ от их спальни. Пока он его искал, я заметил, что под туникой у него кожаная сумка через плечо. Похоже, именно в ней он хранил все ключи от всех комнат в доме. У него никак не получалось вставить ключ в замок, поэтому я помог ему. Затем я положил их обоих на кровать, где они мгновенно провалились в глубокий сон.

Уфф, я здесь! В спальне Дэвида и Берди. Я не ступал в эту комнату несколько лет, с тех пор, как у нас еще жила Салли.

Я огляделся по сторонам и едва смог охватить взглядом то, что видел. Груды картонных коробок, до отказа набитые одеждой, книгами, вещами, которые, как нам постоянно внушали, были воплощением вселенского зла. Я увидел две пары обуви в углу комнаты, его и ее. Я увидел алкоголь, наполовину выпитую бутылку вина, заткнутую пробкой, стакан с темным липким осадком на дне, несколько бутылок очень дорогого виски моего отца. Я увидел коробку с печеньем, обертку шоколадного батончика. Я увидел полоску шелковистого нижнего белья, флакон шампуня.

Но пока я все это игнорировал. Я понятия не имел, как долго продлится это «временное оцепенение». Я должен был найти документы моего отца и уйти оттуда.

Пока я рылся в коробках, то наткнулся на свой старый пенал, который не видел с последнего дня в начальной школе. Я на пару секунд взял его в руки и уставился на него, как на памятник иной цивилизации. Я на миг представил мальчика в коричневых бриджах, вприпрыжку направляющегося домой после последнего дня в школе, представил его радостно вскинутый подбородок и тот отважный новый мир, который, как он ждал, вот-вот откроется ему. Расстегнув молнию, я поднес пенал к носу и вдохнул запах карандашной стружки и невинности; я сунул пенал в легинсы, чтобы потом спрятать в своей комнате.

Я нашел бальное платье моей матери. Я нашел ружья моего отца. Я нашел балетное трико и пачку моей сестры, причину хранения которых я не смог понять.

И, наконец, в третьей коробке я нашел папки моего отца: серые картонные папки с мраморным рисунком и жесткими металлическими зажимами внутри. Вытащив одну, озаглавленную «Домашние дела», я быстро пролистал ее содержимое.

И вот оно, «последняя воля и завещание Генри Роджера Лэма и Мартины Зейнеп Лэм». Их я тоже сунул за пояс моих легинсов. Я прочту все это, не торопясь, у себя в комнате.

Внезапно дыхание Берди участилось. Я обернулся и увидел, что одна ее нога дернулась. Я быстро потянул к себе другую коробку. В ней лежали паспорта. Вынув их, я перелистал их до последней страницы: мой, моей сестры, моих родителей. Внутри меня нарастало пламя ярости. Наши паспорта! Этот гад забрал наши паспорта! В моих

глазах это было даже большее зло, нежели просто запереть нас в нашем собственном доме. Это надо же — украсть паспорт другого человека, его возможность спастись, бежать отсюда, отправиться на поиски приключений, исследовать, учиться, открывать для себя большой мир! Мое сердце полыхало яростью. Я отметил, что срок действия моего паспорта уже истек, а паспорт моей сестры действителен всего лишь еще полгода. Бесплезные бумажки.

Я слышал, как Дэвид что-то бормочет себе под нос.

Временное оцепенение оказалось слишком временным, и я не был уверен, что когда-либо еще смогу убедить их снова выпить мой специальный «новый чай». Возможно, это мой единственный шанс раскрыть тайны, спрятанные в этой комнате.

Я нашел упаковку парацетамола. Пакетик конфет от кашля. Пачку презервативов. А под всем этим я нашел пачку денег. Я провел пальцами по ее бокам. Пачка оказалась довольно толстой, что предполагало приличную сумму. Как минимум тысячу фунтов, если не больше. Вытащив из верхней части пачки несколько десятифунтовых банкнот, я сложил их и сунул к документам у меня за поясом.

Берди простонала во сне. Простонал и Дэвид.

Я поднялся. К моему животу были плотно прижаты завещание моего отца, мой школьный пенал и пять десятифунтовых банкнот.

Я на цыпочках вышел из комнаты и тихо закрыл за собой дверь.

Голова Люси идет кругом. Лицо мужчины то в фокусе, то вновь расплывается перед ее глазами. В одно мгновение это один человек, в другое — другой. Она спрашивает, кто он.

— Ты знаешь, кто я, — говорит он.

Голос одновременно знакомый и незнакомый.

Стелла испуганно бросилась к Люси через всю комнату и теперь стоит, уцепившись за материнскую ногу. Рядом с Люси Марко, высокий и сильный, настоящий защитник.

А вот пес, похоже, рад незнакомцу и теперь катается перед ним на спине, желая, чтобы тот пощекотал ему пузо.

— Кто у нас хороший мальчик? — ласково говорит мужчина. — Кто у нас очень, очень хороший мальчик?

Он смотрит на Люси и кончиком указательного пальца поправляет на переносице очки.

— Я бы рад завести собаку, — говорит он. — Но, согласись, нечестно держать животное весь день взаперти, когда сам уходишь на работу. Поэтому завел себе кошек. — Он вздыхает, затем встает и оглядывает ее с ног до головы. — Кстати, ты отлично выглядишь. Никогда бы не подумал, что из тебя получится... богемное создание.

— Ты... — она щурится на него.

— Ничего не буду говорить, — игриво говорит мужчина. — Угадай сама.

Люси вздыхает. Она устала. Она проделала такой долгий путь. Ее жизнь была всегда была такой тяжелой, ничто никогда не было легким. Ни на единую секунду. Она принимала ужасные решения, она бывала в плохих местах с плохими людьми. Она, как ей часто казалось, призрак, силуэт человека, который, возможно, когда-то и существовал, но был стерт жизнью.

И вот она здесь: мать, убийца, нелегальная иммигрантка, проникшая в дом, который ей не принадлежит. Все, чего она хочет, — это увидеть ребенка и замкнуть круг ее существования.

Но теперь перед ней стоит мужчина, и ей кажется, что он может быть ее братом, но как он может быть ее братом и одновременно не

быть им? И почему она боится его?

Она смотрит на мужчину, видит тень длинных ресниц на его скулах. Фин, думает она. Это Фин. Но затем она смотрит на его руки: маленькие и изящные, с тонкими запястьями.

— Вы Генри, — говорит она, — не так ли?

После этого объявления я пошел к матери и сказал:

— Ты разрешила собственной дочери заниматься сексом с мужчиной, который годится ей в отцы. Это омерзительно.

— Я здесь ни при чем, — просто ответила она. — Все, что я знаю, — это то, что в нашей семье родится ребенок, и мы все должны быть этому рады.

Я никогда и по сей день ни разу не чувствовал себя столь одиноким. У меня больше не было ни матери, ни отца. К нам в дом не приходили гости. Никогда не звонил дверной звонок. Телефон был отключен много месяцев назад. Одно время, вскоре после того, как моя мать потеряла ребенка, к нашему дому каждый день кто-то приходил и по полчаса колотил в дверь. Это продолжалось почти неделю. Пока этот загадочный некто стучал в дверь, нас держали в наших комнатах.

Потом мама сказала, что это был ее брат, мой дядя Карл. Мне нравился дядя Карл. Это был такой веселый и энергичный молодой дядя, любитель бросать детей в бассейн и отпускать скабрзные шуточки, от которых взрослые хмурили брови. В последний раз мы видели Карла на его свадьбе в Гамбурге, когда мне было около десяти лет. На нем был костюм-тройка в цветочек! Мысль о том, что он был у нас, но мы не впустили его, разбила еще одну крошечную частицу моего сердца.

— Но почему? — спросил я у матери. — Почему мы не впустили его?

— Потому что он бы не понял нашей жизни. Он слишком легкомысленный и живет бессмысленной жизнью.

Я ничего не ответил, потому что отвечать было нечего. Он бы не понял. Никто бы не понял. По крайней мере, она сама это знала.

Овощи доставлялись в картонной коробке один раз в неделю. Конверт с деньгами за них клали в тайник у входной двери. Пару раз разносчик овощей звонил в звонок. Моя мать открывала почтовый ящик, и разносчик овощей говорил в щель:

— Сегодня пастернака нет, мисс, заменил его брюквой, надеюсь, вы не против?

И моя мама улыбалась и говорила:

— Хорошо, ничего страшного, большое вам спасибо.

После того как были найдены тела, этот человек пришел в полицию и сказал, что, по его мнению, это был закрытый монастырь, а моя мать была монахиней. Он называл этот пункт своего маршрута «женским монастырем». Он сказал, что понятия не имел, что в доме живут дети. Он понятия не имел, что там есть мужчина.

Я был очень-очень одинок. Я пытался реанимировать мою дружбу (или подобие дружбы) с Финном, но он все еще был зол на меня за то, что я предал его в тот вечер, когда он толкнул меня в реку. И да, я знаю, по идее, я тоже должен был злиться на него за то, что он толкнул меня в реку. Но тогда мы приняли наркотики, и я его раздражал; я понимал, что я его раздражал, и в некотором смысле заслуживал того, чтобы он толкнул меня в реку, и впоследствии моя ярость была скорее обусловлена моей уязвленной гордостью и моей обидой, нежели пониманием того, что он подверг меня смертельной опасности. И еще я был влюблен в него, а когда ты влюблен, ты прощаешь почти все. К сожалению, я перенес эту черту и во взрослую жизнь. Я всегда влюбляюсь в людей, которые меня ненавидят.

* * *

Однажды днем вскоре после объявления о беременности моей сестры, я встретил в кухне Клеменси.

— Ты знала? — спросил я.

Она слегка покраснела, наверное, потому, все эти годы мы с ней почти не разговаривали, а теперь мы говорили о том, что ее лучшая подруга занимается сексом с ее отцом.

— Нет. Я понятия не имела, — ответила она.

— Но ведь вы были так близки. Как ты могла не знать?

Она пожала плечами.

— Я просто думала, что они тренируются.

— Что ты думаешь об этом?

— Я думаю, что это мерзко и гадко.

Я энергично кивнул, как будто хотел сказать, мол, *я согласен с тобой на все сто.*

— Твой отец делал что-то подобное раньше?

— Ты имеешь в виду?..

— Детей. От него кто-то уже беременел?

— А-а-а, — тихо сказала она. — Нет. Только моя мама.

Я велел ей прийти в мою комнату, и поначалу она испугалась, что задела мои чувства, но потом я подумал, что это даже хорошо. Оно даже к лучшему, если я буду вселять страх, если я собирался свергнуть Дэвида и вызволить нас всех из этой тюрьмы.

У себя в комнате я отодвинул от стены матрац и вытащил вещи, которые нашел в комнате Дэвида и Берди. Я разложил их по полу и дал ей взглянуть на них. Я сказал ей, где я все это нашел.

— Но как ты туда попал? — спросила она.

— Это секрет, — сказал я.

Клеменси смотрела на предметы, и я заметил ее растерянность.

— Твой пенал?

— Да. Мой пенал. И там была еще куча других вещей.

Я рассказал ей о шелковом нижнем белье, виски и пачках денег. И пока я все это ей рассказывал, я видел, как сокрушаю ее. Совсем как в тот день, когда я рассказал Фину о том, что его отец целовал Берди. Я совершенно забыл, что рассказываю дочери о ее отце, что у них все общее, общий генетический материал, воспоминания, связи, и что своими словами ярываю все это в клочья.

— Он лгал нам все время! — воскликнула она, вытирая подушечками ладоней слезы. — Я думала, мы делаем все это для бедных людей! Ничего не понимаю! Ничего не понимаю!

Я посмотрел ей в глаза.

— Все очень просто, — сказал я. — Твой отец забрал все ценное у моих родителей и теперь хочет заполучить их дом. Юридически этот дом находится в доверительном управлении, пока мне и моей сестре не исполнится двадцать пять лет. Но посмотри. — Я показал ей завещание, которое вытащил из коробки. В него был добавлен кодицил, написанный почерком Дэвида. Согласно ему, как то было изложено витиеватым юридическом языком, в случае смерти моих родителей дом должен был перейти непосредственно к Дэвиду Себастьяну Томсену и его потомкам. Этот кодицил был засвидетельствован и скреплен подписями моей матери и Берди.

Конечно, у этой бумажки не было ни малейших шансов быть признанной в суде, но ее цель была ясна.

— Вот почему ему нужен ребенок — чтобы обеспечить себе долю в доме.

Клеменси на какое-то время задумалась.

— Что нам делать? — спросила она в конце концов.

— Пока не знаю, — сказал я, потирая подбородок, как будто там росла борода мудреца, хотя, конечно, ничего подобного не было. Я отрастил бороду, лишь когда мне было хорошо за двадцать, но и тогда она не впечатляла. — Но мы непременно что-нибудь придумаем.

Клеменси пристально посмотрела на меня.

— Ладно.

— Но, — твердо сказал я, — пообещай мне, что это наш секрет. — Я указал на предметы, которые украл из комнаты Дэвида и Берди. — Не говори своему брату. Не говори моей сестре. Никому не говори. Обещаешь?

Она кивнула.

— Обещаю. — Она с минуту молчала, затем посмотрела на меня и сказала: — Он делал это и раньше.

— Что?

Она потупила взгляд и уставилась в свои колени.

— Он пытался заставить свою бабушку отписать ему дом. Когда она была уже в маразме. Мой дядя узнал об этом и выгнал нас. И тогда мы перебрались во Францию. — Она посмотрела на меня. — Как ты думаешь, мне стоит сообщить в полицию? — спросила она. — Рассказать о его делишках?

— Нет, — моментально ответил я. — Нет. Потому что юридически он не нарушил никакой закон. Но нам нужен план. Мы должны выбраться отсюда. Ты мне поможешь?

Клеменси кивнула.

— Ты сделаешь все то, о чем я тебя попрошу?

Она снова кивнула.

Я оказался на перепутье. Оглядываясь назад, я понимаю: было немало других способов положить конец этому ужасу, но, увы, все люди, которых я любил больше всего на свете, отвернулись от меня, и поэтому я выбрал худший из возможных вариантов.

Через десять минут Либби и Миллер покидают офис Салли.

— С тобой все в порядке? — спрашивает он, когда они выходят на уличное пекло.

Либби заставляет себя улыбнуться, но затем понимает, что вот-вот разревется и ничего не может сделать, чтобы остановить слезы.

— О господи, — говорит Миллер. — О господи. Только не это. — Он ведет ее в тихий двор, к скамейке под деревом. Он ощупывает свои карманы. — Бумажных платков нет, извини.

— Все в порядке, — говорит она. — У меня они есть.

Она достает из сумки упаковку дорожных салфеток. Миллер улыбается.

— Вы из тех людей, которые всегда берут с собой такие вещи.

Либби непонимающе смотрит на него.

— Это как понимать?

— Так, что... Просто это значит... — Его черты смягчаются. — Ничего, — говорит он. — Это значит, что вы очень организованны. Вот и все.

Либби кивает. Это она знает и сама.

— Иначе нельзя, — говорит она.

— Это почему же? — спрашивает он.

Либби пожимает плечами. Не в ее привычках говорить о личных вещах. Но, учитывая то, через что они прошли за последние два дня, она чувствует, что границы ее обычных разговорных предпочтений исчезли.

— Моя мать. Моя приемная мама, — уточняет она. — Она была слегка — как бы это выразиться — несобранной. Очень хорошенькая, этого у нее не отнять. Но отец был вынужден вечно следить, чтобы она ничего не забыла. Он умер, когда мне было восемь лет, и после этого... Я вечно опаздывала. У меня никогда не было нужных вещей для школы. Я не показывала ей чеки за поездки и прочее, просто не было никакого смысла. В разгар моих школьных выпускных экзаменов она забронировала тур, чтобы поехать на отдых. А когда мне исполнилось

восемнадцать, переехала жить в Испанию. — Либби пожимает плечами. — В нашей семье взрослой была я. Такие дела.

— Хранительница бумажных платочков?

Либби смеется.

— Да. Хранительница бумажных платочков. Помню, как однажды я упала на игровой площадке и поранила себе локоть. Моя мать судорожно принялась рыться в сумочке, чтобы найти платок и вытереть кровь. Видя это, к нам подошла другая мама, с сумочкой точно такого же размера, как и у моей матери, и, открыв ее, вытащила антисептическую салфетку и пакетик пластырей. И я тогда подумала: я хочу иметь волшебную сумочку. Ну ты понимаешь.

Миллер улыбается ей.

— У тебя отлично это получается, — говорит он.

— Ты уже заметил? — говорит она и нервно смеется. — Я стараюсь, — повторяет Либби, — всегда стараюсь все делать, как надо.

Пару секунд они сидят молча. Их колени слегка соприкасаются, а затем они оба их отдергивают.

Затем Либби говорит:

— Похоже, это была пустая трата времени.

Миллер хитро смотрит на нее.

— Я бы не сказал, — возражает он, — Отнюдь. Девушка. Лола? Она внучка Салли.

Либби ахает.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что я заметил на столе Салли ее фото с молодой женщиной, держащей новорожденного. А потом увидел на стене в ее кабинете еще одно фото, с молодой белокурой девушкой. А еще я увидел на стене детский рисунок в рамочке, а на нем надпись «Я люблю тебя, бабуля». — Он пожимает плечами. — Я собрал все это вместе, и привет. — Он наклоняется к Либби и показывает ей что-то на экране своего телефона.

— Что это? — спрашивает она.

— Это письмо, адресованное Лоле. Оно торчало из ее сумки под столом. Я выполнил классический маневр — опустился на колени, чтобы завязать шнурок. Нажми.

Либби, разинув рот, смотрит на него.

— Но что заставило вас подумать?..

— Либби, я журналист-расследователь. Это моя работа. И если моя теория верна, Лола — дочь Клеменси. Что означает, что Клеменси живет где-то поблизости. И поэтому этот адрес, — указывает он на экран, — это адрес Клеменси. Думаю, мы только что нашли второго пропавшего подростка.

* * *

Дверь шикарного бунгало открывает женщина. Рядом с ней стоит вышколенный золотистый ретривер и лениво машет им хвостом. Женщина слегка полновата: у нее объемная талия, длинные ноги и тяжелая грудь. Темные волосы, стрижка, золотые серьги-обручи, синие джинсы и бледно-розовый льняной топ без рукавов.

— Слушаю вас?

— Здравствуйте, — говорит Миллер. — Вы — Клеменси.

Женщина кивает.

— Мое имя Миллер Роу. Это Либби Джонс. Мы только что беседовали с вашей мамой. В городе. Она упомянула, что вы живете рядом и...

Женщина смотрит на Либби.

— Вы похожи... У меня такое чувство, что я вас знаю.

Либби склоняет голову, уступая инициативу Миллеру.

— Это Серенити, — говорит он.

Клеменси хватается за дверной проем. Ее голова слегка откидывается назад, и Либби на миг кажется, что она вот-вот упадет в обморок. Но затем она приходит в себя, протягивает Либби руки и говорит:

— Ну конечно! Ну конечно! Тебе двадцать пять! Ну конечно! Мне следовало догадаться, я должна была знать. Я должна была догадаться, что ты придешь. Боже мой. Входите. Прошу вас. Входите.

Внутри бунгало красиво: паркетные полы и абстрактные картины, вазы с цветами, солнечный свет, струящийся сквозь витражи.

Клеменси идет в кухню принести им по стакану воды. Пес сидит у ног Либби, и та поглаживает его по голове. Псу жарко. Он тяжело

дышит в душном воздухе, из его пасти плохо пахнет, но Либби не обращает внимания. Клеменси возвращается и садится напротив них.

— Ух ты! — говорит она, глядя на Либби. — Подумать только! Такая красивая! Такая... настоящая.

Либби нервно смеется.

— Когда я ушла, ты была малышкой, — продолжает Клеменси. — У меня не было твоих фото. Я понятия не имела, куда ты попала, кто тебя усыновил или какая у тебя жизнь. И я не представляла тебя. Просто не могла. У меня перед глазами стояла малышка. Похожая на куклу малышка. Не совсем реальная. Я бы сказала, совсем нереальная. И... — На ее глаза наворачиваются слезы, и она дрогнувшим голосом добавляет: — Извини, извини... Ты?.. Твоя жизнь?.. У тебя все в порядке?

Либби кивает. Она представляет свою мать вместе с мужчиной, которого та называет своим игрушечным мальчиком (хотя он всего на шесть лет ее моложе), как она растянулась на крошечной террасе ее маленькой, всего с одной спальней, квартирке в Дении (когда Либби приезжает туда в гости, ей там просто не находится места). На матери ярко-розовый кафтан, и она объясняет по скайпу, что была слишком занята и не успела заказать авиабилеты, чтобы прилететь к Либби на день рождения, и что к тому времени, как она посмотрела их по интернету, все дешевые билеты были уже раскуплены.

Она вспоминает тот день, когда они хоронили ее отца, помнит свою руку в руке матери, как она всматривалась в небо, мучаясь вопросом, благополучно ли он добрался туда, волнуясь о том, кто теперь будет отвозить ее в школу, так как мать не умела водить машину.

— Все закончилось хорошо, — говорит она. — Меня удочерили прекрасные люди. Мне крупно повезло.

Лицо Клеменси проясняется.

— Где ты сейчас живешь?

— В Сент-Олбансе, — отвечает она.

— Ой! Как мило. Ты замужем? Есть дети?

— Нет. Я одна. Не замужем. Живу одна. Детей нет. Никаких домашних животных. Зарабатываю тем, что продаю дизайнерские кухни. Я очень... На самом деле мне почти нечего о себе сказать. По крайней мере, пока не...

— Да, — говорит Клеменси. — Да. Представляю, какой это был шок.

— Мягко говоря.

— И много ты знаешь? — осторожно спрашивает она. — О доме? Обо всем этом?

— Скажем так, — начинает Либби, — для меня все несколько сложно. Начнем с того, что приемные родители всегда говорили мне, что мои биологические родители погибли в автокатастрофе, когда мне было десять месяцев. Затем я прочла в статье Миллера, что мои родители были членами секты, что имело место групповое самоубийство и что за мной присматривали цыгане. Затем, пару вечеров назад, мы с Миллером были в доме, на Чейн-Уолк, как вдруг появился этот тип. Хотя было уже довольно поздно. И он заявил нам... — она на миг умолкает. — Он заявил нам, что его зовут Фин.

Клеменси делает большие глаза и ахает.

— Фин? — уточняет она.

Либби неуверенно кивает.

Глаза Клеменси полны слез.

— Ты уверена? — говорит она. — Ты уверена, что это был Фин?

— Так он нам сказал, мол, его имя Фин. Он сказал, что вы его сестра. Что он уже много лет не видел ни вас, ни вашу мать.

Она качает головой.

— Но ведь он был таким больным, когда я оставила его в доме. Совсем больным. И мы везде искали его, я и моя мать. Искали повсюду. В течение долгих лет. Мы заглянули в каждую лондонскую больницу. Бродили по паркам, глядя на спящих на скамейках бездомных. Все ждали и ждали, когда он внезапно появится на нашем пороге. И он так и не появился, и в конце концов... мы решили, что он, скорее всего, умер. Иначе почему он не вернулся? Почему он не пытался найти нас? Ведь, будь он жив, он бы наверняка нас искал, не так ли? — Женщина на миг умолкает. — Вы точно уверены, что это был Фин? — снова спрашивает она. — Опишите мне, как он выглядел.

Либби описывает очки в роговой оправе, светлые волосы, длинные ресницы, полные губы. Клеменси кивает.

Затем Либби рассказывает ей о роскошной квартире и персидских кошках. Она повторяет шутку про кота по имени Дик, и Клеменси качает головой.

— Нет, — говорит она. — Это не похоже на Фина. Совсем не похоже. — Она вновь умолкает и задумчивым взглядом окидывает комнату. — Знаете что? — говорит она в конце концов. — По-моему, это может быть Генри.

— Генри?

— Да. Он был влюблен в Фина. Совершенно безответно. До помешательства. Он вечно пялился на него. Одевался, как он. Подражал его прическе. А однажды даже пытался его убить. Толкнул его в реку. Держал его голову под водой. К счастью, Фин был сильнее Генри. Крупнее. Он смог отбиться. Вы в курсе, что Генри убил кошку Берди?

— Что?

— Отравил ее. Отрезал ей хвост. А оставшуюся часть тела бросил в реку. Так что тревожные звоночки были всегда. Согласна, такое нехорошо говорить о ребенке, но, по-моему, у Генри имелась склонность к насилию.

Я не убивал кошку Берди. Боже упаси. Но да, она умерла из-за меня.

Я химичил с белладонной, готовя очередную снотворную настойку, правда, чуть посильнее той, которую я дал Дэвиду и Берди, чтобы попасть в их комнату, и которая бы вызвала не такое короткое «временное оцепенение». Я решил проверить ее на кошке, полагая, что, если той это не повредит, значит, моя настойка безопасна и для людей. К сожалению, кошке это навредило. Урок был усвоен. Следующая настойка была гораздо слабее.

Что касается кошачьего хвоста, если сказать «я отрезал ей хвост», то это звучит слишком грубо. Я просто взял его себе. Он был красивый, мягкий, разноцветный. Тогда у меня не было ничего своего, тем более ничего мягкого, потому что у меня все забрали. Ей же он был больше не нужен. Так что да, я взял кошачий хвост. И — очередные фейковые новости — я не бросал дохлую кошку в Темзу. Как я мог это сделать? Я ведь не мог покидать дом. Кошка и по сей день закопана в земле в моем аптекарском огороде.

Что касается того, что я, мол, толкнул Фина в Темзу, то это категорически неверно. Правдой может быть лишь то, что Фин толкнул меня во время борьбы, которая завязалась между нами после моей попытки толкнуть его.

Да. Такое могло быть. Он сказал, что я пялюсь на него.

— Я пялюсь на тебя, потому что ты красивый, — сказал я.

— Ты чокнутый, — сказал он. — Почему ты всегда такой странный?

— Разве ты не знаешь, Фин? — сказал я. — Ты не знаешь, что я люблю тебя?

(Прежде чем судить меня слишком строго, вспомните, что перед этим я принял ЛСД. Я был не в себе.)

— Прекрати, — сказал он. Было видно, что он смутился.

— Пожалуйста, Фин, — умолял я. — Прошу тебя. Я люблю тебя с той самой минуты, как увидел тебя, — и тогда я попытался поцеловать его. Мои губы коснулись его губ, и я на миг подумал, что он ответит на

мой поцелуй. Я до сих пор помню мой шок, мягкость его губ, крошечный вздох, который прошел из его рта в мой.

Я прикоснулся к его щеке, и тогда он оторвался от меня и посмотрел на меня с таким неприкрытым отвращением, что мне показалось, будто сердце мне пронзил острый меч.

Он оттолкнул меня, и я едва не упал навзничь. Поэтому я толкнул его, а он толкнул меня. И я снова толкнул его, а он меня, и я полетел в воду, и я знал, что он сделал это не нарочно. Но я поступил некрасиво, когда не стал разубеждать его отца, когда тот подумал, что Фин сделал это нарочно. Это по моей вине его надолго заперли в комнате, я же никому так и не сказал, что это произошло случайно. Он тоже никому не сказал, что это произошло случайно, потому что тогда бы ему пришлось сказать, что он сделал это потому, что я поцеловал его. А признание хуже этого просто невозможно было придумать.

Однажды летним вечером, ближе к середине июня, я услышал, как моя сестра замычала.

Других слов для этого звука не подберешь. Она мычала, совсем как корова.

Это продолжалось какое-то время. Она лежала в запасной спальне, специально подготовленной для нее. Клеменси и меня отогнали от двери. Нам было велено идти в свои комнаты и не высовывать носа, пока нам не скажут, что мы можем вернуться.

Мычание продолжалось много часов.

А затем, примерно в десять минут после полуночи, раздался детский плач.

И да. Это была ты.

Серенити Лав Лэм. Дочь Люси Аманды Лэм (14 лет) и Дэвида Себастьяна Томсена (41 год).

Я увидел тебя лишь через несколько часов, и должен признаться, что ты мне очень понравилась. Твое лицо напомнило мне тюлененка. Ты не мигая уставилась на меня, и у меня возникло чувство, что ты меня заметила. Меня уже давно никто не замечал. Я позволил тебе взять твоей крошечной ручкой меня за палец, и это было удивительно приятно. Я всегда думал, что ненавижу младенцев, но, возможно, я ошибался.

А потом, через несколько дней, тебя отняли у моей сестры и перенесли в комнату Дэвида и Берди. Мою сестру привели наверх и вернули в комнату, которую она делила с Клеменси. По ночам я слышал, как ты плачешь внизу и как моя сестра плачет в соседней комнате. Днем ее приводили вниз, чтобы сцедить грудное молоко в какую-то средневековую штуковину. Затем молоко наливали в средневекового вида бутылки, а мою сестру вновь отправляли наверх, в ее комнату.

И вновь все изменилось: границы между ними и нами сместились на несколько градусов, и моя сестра опять стала одной из нас, и именно этот последний акт жестокости снова собрал нас вместе.

Люси делает шаг ему навстречу.

Ее брат. Ее старший брат.

Теперь она это видит.

Она смотрит ему в глаза.

— Где ты был, Генри? Где ты был? — спрашивает она.

— Ну ты знаешь, то здесь, то там.

Ее накрывает волна ярости. Все эти годы она была одна. Все эти годы у нее никого не было.

И вот он, Генри, высокий, с другим лицом, красивый, с хорошо подвешенным языком.

Она кулаками остервенело колотит его в грудь.

— Ты бросил ее! — кричит она. — Ты бросил ее! Ты бросил малышку на произвол судьбы!

Он хватается ее за руки.

— Нет! Это ты ее бросила! Ты! Ты ушла, а я остался. Единственный, кто остался! Ты спрашиваешь, где я был. А где была ты?

— Я была... — начинает она, затем разжимает кулаки и безвольно опускает руки. — Я была в аду.

Оба на мгновение замолкают. Затем Люси отступает и зовет Марко.

— Марко, — говорит она. — Это Генри. Он твой дядя. Генри, это мой сын. Марко. А это Стелла, моя дочь.

Марко переводит недоуменный взгляд с матери на Генри и обратно.

— Я не понимаю. Какое это имеет отношение к ребенку?

— Генри был... — начинает Люси. Затем вздыхает и начинает снова:

— Был ребенок. Девочка. Она жила здесь со всеми нами, когда мы были детьми. Мы были вынуждены оставить ее здесь, потому что... потому что нам ничего другого не оставалось. Теперь она взрослая, и Генри, как и я, пришел сюда, чтобы посмотреть на нее.

— Кхх, — прочищает горло Генри.

Люси поворачивается к нему.

— Я уже видел ее, — говорит он. — Я видел Серенити. Она была здесь. Дома.

Люси едва слышно ахает.

— О боже! У нее все хорошо?

— Да, — отвечает он. — Бодра и здорова, красива, как картинка.

— Но где она? — спрашивает Люси. — Где она сейчас?

— Сейчас она с нашей старой подружкой Клеменси.

Люси ахает еще громче.

— Клеменси! Боже ты мой. Где она? Где она живет?

— Она живет, если не ошибаюсь, в Корнуолле. Вот, смотри. — Генри включает телефон и показывает ей маленькую мигающую точку на карте. — Это наша Серенити, — говорит он, указывая на точку. — Дом номер двенадцать, Мейси-Уэй, Пенрит, Корнуолл. Я вставил в ее телефон небольшое отслеживающее устройство. Просто чтобы не потерять ее.

— Но откуда тебе известно, что это дом Клеменси?

— Ага, — говорит он, закрывая приложение, отображающее местонахождение Серенити, и открывает другое, после чего нажимает стрелку на звуковой панели. Внезапно слышатся голоса. Разговаривают две женщины, правда, очень тихо.

— Это она говорит? — спрашивает Люси. — Это Серенити?

Генри слушает.

— Думаю, да, — говорит он, увеличивая громкость. Тотчас врывается другой голос.

— А это, — говорит он, — Клеменси. Слушай.

Клеменси попросила Миллера оставить их одних. Она хочет рассказать все Либби наедине. Поэтому Миллер выводит пса на прогулку. Клеменси забирается с ногами на диван и медленно начинает:

— План состоял в том, что мы должны спасти ребенка. Генри опойт взрослых своим снотворным зельем, которое он сделал. Затем мы украдем из коробок в комнате Дэвида и Берди нашу обувь, нашу обычную одежду, возьмем деньги и ребенка, вытащим из сумки моего отца ключ, выбежим на улицу и, остановив полицейского или заслуживающего доверия взрослого, расскажем им, что в доме есть люди, которые годами держали нас взаперти. После чего тем или иным образом доберемся сюда, к моей маме. Мы толком не придумали, как мы с ней свяжемся, и, если честно, полагались на авось. — Клеменси криво улыбается. — Как ты видишь, мы не очень хорошо все продумали. Мы просто хотели уйти.

Как вдруг мой отец объявил, что собирается устроить по случаю тридцатилетия Берди вечеринку. Генри позвал нас в свою комнату. К этому моменту он стал своего рода нашим неофициальным лидером. И он сказал, что такой момент упускать нельзя. Мы выполним наш план. Во время дня рождения Берди. Сказал, что предложит приготовить всю еду. Он попросил меня пришить к внутренней стороне легинсов маленький карман, чтобы он мог положить туда свои флаконы с сонным зельем. От нас требовалось лишь изображать, в каком мы все восторге от вечеринки по случаю дня рождения Берди. Мы с Люси даже выучили для нее специальную пьесу для скрипки.

— А Фин? — спрашивает Либби. — Фин был замешан во все это? Клеменси вздыхает.

— Фин обычно держался особняком. Да и Генри не хотел, чтобы он участвовал. Эти двое... — Она вздохнула. — Отношения между ними были натянутыми. Генри любил Финна. Но Фин ненавидел Генри. Плюс ко всему Фин был болен.

— Что с ним было не так?

— Мы так и не узнали. Возможно, у него был рак или что-то еще. Вот почему мы с мамой всегда думали, что он, скорее всего, умер. В любом случае, — продолжает она, — в день вечеринки наши нервы были на пределе. У всех троих. Но мы делали вид, будто таем от восторга по поводу этой дурацкой вечеринки. С другой стороны, в некотором смысле мы и вправду были в восторге. Мы праздновали свою свободу. По окончании вечеринки нас ждала нормальная жизнь. Или, по крайней мере, другая.

И мы сыграли для Берди нашу скрипичную пьесу, отвлекая взрослых, пока Генри готовил угощения. Было странно видеть контраст между моим отцом и Берди и всеми остальными. Мы все выглядели сущими доходягами. Но Берди и мой отец буквально светились энергией и здоровьем. Мой отец сидел, обняв ее за плечо, и на его лице было выражение полного и абсолютного владычества. — Клеменси мнет подушку, лежащую у нее на коленях. Ее взгляд жесткий и напряженный. — Как будто, — продолжает она, — как будто он от щедрот своего сердца «позволил» своей женщине устроить вечеринку, словно он думал: посмотрите, какое счастье я создал. Посмотрите, я могу делать все, что захочу, и все равно буду всеми любим.

Ее голос срывается, и Либби мягко касается ее колена.

— Все в порядке? — спрашивает она.

Клеменси кивает.

— Я никогда никому не рассказывала об этом раньше, — говорит она. — Ни матери, ни мужу, ни дочери. Это тяжело. Ну ты понимаешь. Про моего отца. Про то, что это был за человек. Про то, что с ним случилось. Потому что, несмотря ни на что, он был моим отцом. И я его любила.

Либби нежно касается руки Клеменси.

— Вы уверены, что можете продолжать?

Клеменси кивает, расправляет плечи и рассказывает дальше:

— Обычно мы ставили еду в центр стола, и каждый накладывал себе сам, но в тот вечер Генри сказал, что хочет обслужить нас, как если бы мы были клиентами в ресторане. Таким образом, он мог точно знать, перед кем окажется нужная тарелка. Затем мой отец произнес тост. Он поднял свой стакан и сказал: «Я знаю, жизнь не всегда была легкой для всех нас, особенно для тех, кто пережил утрату. Я знаю, что

порой трудно не утратить веру, но тот факт, что мы все здесь, после всех этих лет, и мы все еще семья, а теперь, по сути, большая семья, — говоря это, он погладил тебя по головке, — наглядно свидетельствует о том, как нам всем хорошо, и как все мы счастливы».

А потом он повернулся к Берди и сказал... — Клеменси на миг умолкает, как будто собираясь с мужеством. — Он сказал: «Моя любовь, моя жизнь, мать моего ребенка, мой ангел, смысл моей жизни, моя богиня. С днем рождения, дорогая. Я всем обязан тебе». После этих слов они поцеловались. Это был долгий, влажный, какой-то чавкающий поцелуй, и я помню, как подумала... — Она вновь на миг умолкает и печально смотрит на Либби. — Я подумала: я очень, очень надеюсь, что вы оба умрете.

Минут через двадцать зелье начало действовать. Еще через три или четыре минуты все взрослые были без сознания. Люси схватила тебя с колен Берди, и мы тотчас взялись за дело. Генри сказал, что у нас всего минут двадцать, максимум полчаса, прежде чем действие зелья улетучится. Мы уложили взрослых на кухонный пол, и я нащупала под туникой отца кожаный кошелек. Наверху лестницы я перепробовала все ключи, пока не нашла тот, который открыл дверь в их с Берди комнату.

— И, о боже, это был шок! Генри сказал нам, чего ожидать, но видеть все это своими глазами! То, что осталось от прекрасных вещей Генри и Мартины! Эти спрятанные от посторонних глаз груды антиквариата, парфюмерии и косметики, ювелирных изделий и алкоголя. «Ты только посмотри, — сказал Генри. — Ты посмотри на все это! И это при том, что у нас не было *ничего*. Это верх зла. Ты смотришь на зло». По нашим прикидкам прошло пять минут из примерно тридцати. Я нашла подгузники, ползунки, бутылочки для детского питания. Как вдруг поняла, что за моей спиной стоит Фин. «Быстро! — сказала я. — Найди одежду. Что-то теплое. На улице холодно». И он ответил: «Вряд ли у меня получится. Я слишком слаб».

«Но мы не можем оставить тебя здесь, Фин», — сказала я. «Я не могу! — упирался он. — Я просто не могу. ИЛИ ТЕБЕ НЕ ПОНЯТНО?» К тому моменту прошло уже почти десять минут, поэтому я не могла тратить время на его уговоры. Я видела, как Генри набил сумку деньгами. «Разве мы не должны оставить деньги в качестве доказательства? Для полиции?» — спросила я. Но он ответил:

«Нет. Они мои. Я не оставлю ни пенни». Ты плакала, истошно вопила. «Успокой ее! Ради бога!» — рывкнул Генри.

А потом на лестнице позади нас раздались шаги. Через секунду дверь открылась, и на пороге выросла Берди. Она выглядела абсолютно безумной и едва держалась на ногах. Она, шатаясь, ввалилась в комнату, протянула руки к Люси и сказала: «Отдай мне моего ребенка! Отдай ее мне!»

— И Берди бросилась, — говорит Клеменси, — прямо к тебе. План Генри рушился на глазах. Он орал на всех. Фин просто стоял, и казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Я буквально окаменела от ужаса. Ведь если Берди не спит, подумала я, то и все остальные тоже не спят. Мой отец не спит. В любой момент они появятся здесь, и тогда сидеть нам запертыми в наших комнатах всю оставшуюся жизнь. Мое сердце было готово выскочить из груди. Я была объята страхом. Как вдруг, я не знаю, я до сих пор не до конца уверена, что тогда произошло, но Берди внезапно оказалась на полу. Она лежала на полу, и из уголка ее глаза капала кровь. Как красные слезы. И ее волосы, вот здесь, — Клеменси указывает над ухом, — были темные и липкие. Я оглянулась на Генри. В его руке был зажат бивень.

Либби вопросительно смотрит на нее.

— Это было похоже на бивень. Слоновий бивень. Или рог оленя. Что-то такое.

Либби вспоминает поп-видео, которое показал им Фин. Она вспоминает головы животных на стенах и чучела лисиц, как будто все еще живых, на огромных подставках из красного дерева.

— И на нем была кровь, полоска крови. И он был в руках Генри. И мы все перестали дышать. На несколько секунд. Даже ты. Воцарилась гробовая тишина. Мы прислушивались, не идут ли другие. Мы прислушивались к дыханию Берди. Сначала оно было хриплым, а потом и вообще прекратилось. С ее волос вниз по виску к ее глазу стекал тоненький ручеек крови... — Клеменси кончиком пальца изображает это на своем лице. — «Она мертва?» — спросила я.

«Заткнись, — огрызнулся Генри. — Просто заткнись и дай мне подумать». Я подошла проверить ее пульс, но Генри оттолкнул меня. Оттолкнул с такой силой, что я упала навзничь. «Оставь ее, оставь ее!» — кричал он. Потом он спустился вниз, а нам приказал: «Оставайтесь здесь. Просто оставайтесь здесь». Я посмотрела на Фина. Он был весь

в испарине. Я видела, что он вот-вот потеряет сознание. Я подвела его к кровати. Затем вернулся Генри. Бледный, как смерть. «Что-то случилось, — пролепетал он. — Что-то пошло не так. Я не понимаю. Другие. Они все мертвы. Все до одного».

Последнее слово Клеменси произносит еле слышно, как выдох. В ее глаза стоят слезы, она зажимает рот рукой.

— Все трое. Мой отец. Родители Генри. Мертвы. А Генри продолжал твердить: «Ничего не понимаю, ничего не понимаю. Я почти ничего им не дал. Это такое крошечное количество, не способное убить даже кошку. Ничего не понимаю». Внезапно все это, вся эта удивительная спасательная миссия, по идее, призванная подарить нам долгожданную свободу, превратила нас в пленников. Разве теперь мы можем выбежать на улицу в поисках дружелюбного полицейского? Ведь мы убили четырех человек. Четырех человек.

Клеменси на миг умолкает, чтобы перевести дыхание. Либби замечает, что ее руки дрожат.

— А еще у нас на руках остался ребенок, который требовал заботы, и все это... все это было... Ты не возражаешь, если мы выйдем на задний двор? Мне нужна сигарета.

— Нет. Нет, пожалуйста, — говорит Либби.

Сад Клеменси — целый ансамбль клумб и плетеных ротанговых диванчиков. Позднее утро, солнце уже высоко, но позади дома прохладно и тенисто. Клеменси достает из ящика кофейного столика пачку сигарет.

— Мой тайник, — говорит она.

На боковой стороне упаковки фото человека, у которого рак гортани. Либби с трудом может смотреть на это. Почему, задается она вопросом, почему люди курят? Ведь они знают, что могут от этого умереть? Ее мать курит. «Ее мальчишки», называет она сигареты. Где мои мальчишки?

Между тем Клеменси подносит спичку к кончику сигареты, вдыхает, выдыхает. Ее руки сразу перестают дрожать.

— На чем я остановилась? — спрашивает она.

Знаю, это звучит так, как будто это была ужасная катастрофа. Не стану спорить. Любая ситуация с четырьмя мертвыми телами далека от идеальной.

Но никто, похоже, не осознает, что без меня, господь свидетель, мы все могли бы до сих пор оставаться там, этакие скелеты не первой молодости, мимо которых жизнь идет стороной. Или уже были бы мертвы. Да, давайте не будем забывать, что всех нас могло уже не быть в живых. Согласен, все пошло не совсем по плану, но мы вырвались оттуда. *Мы вырвались оттуда.* Ведь, кроме меня, ни у кого не было плана, не так ли? Никто, кроме меня, не был готов шагнуть к роковой черте. Критиковать легко. Нелегко взять на себя ответственность.

На моих руках было не только четыре мертвых тела, ребенок и две девочки-подростка, но и Фин тоже. И с ним нужно было что-то делать. Но Фин вел себя как псих и был своего рода обузой, поэтому, чтобы облегчить ситуацию, я запер его в спальне.

Да, я знаю. Но мне нужно было все обдумать и взвесить. Нам было слышно, как Фин воет в своей комнате наверху.

Девчонки хотели пойти к нему, но я сказал:

— Нет, оставайтесь здесь. Вы мне нужны. Никуда не уходите.

Моей первой заботой, похоже, была Берди. Было странно видеть ее, такой маленькой и жалкой. С трудом верилось, что это тот самый человек, который несколько лет контролировал каждый наш шаг. На ней был топик, который Клеменси сшила ей по случаю дня рождения, и подаренная Дэвидом цепочка. Ее длинные волосы были собраны в пучок. Бледные глаза неподвижно смотрели на стену. Одно глазное яблоко было ярко-красным. Ее ноги были босыми и костлявыми, ногти на ногах длинными и желтоватыми. Я расстегнул цепочку, снял с ее шеи и сунул в карман.

Клеменси плакала.

— Это так грустно, — сказала она. — Это так грустно! Ведь она чья-то дочь! И теперь она мертва!

— Это ничуть не грустно, — резко возразил я. — Она это заслужила.

Мы с Клеменси подняли ее на мансардный этаж, а затем на крышу. Она была легкой, как пушинка. На другой стороне плоской крыши, где я когда-то сидел, держа Фина за руку, было что-то вроде желоба. Он был полон опавших листьев и тянулся к водосточной трубе, сбегавшей вниз по стене дома. Мы завернули Берди в полотенца и простыни и втиснули в желоб, после чего засыпали пригоршнями сухих листьев, а затем завалили какими-то старыми досками, которые там валялись.

«Похоронив» Берди, я на кухне беспристрастно уставился на три трупа. Я старался не думать о реальности ситуации. О том, что я убил собственных родителей. Мою красивую глупую мать и моего бедного сломленного отца. Я старался дистанцироваться от того факта, что из-за меня моя мама больше никогда не проведет рукой по моим волосам и не назовет меня своим прекрасным мальчиком, что я никогда больше не буду сидеть с отцом в клубе и молча пить лимонад. Не будет семьи, к которой можно вернуться на Рождество, у моих детей не будет бабушки и дедушки, не будет никого, о ком я буду беспокоиться, когда они постареют, не будет никого, кто бы беспокоился обо мне, когда я стану старше. Я стал сиротой. Сиротой и непреднамеренным убийцей.

Но я не паниковал. Держа эмоции в кулаке, я посмотрел на три фигуры на полу кухни и подумал: они же выглядят как члены секты! И я подумал: любой, кто войдет сюда сейчас, посмотрит на них, в их одинаковых черных туниках, и подумает, что они убили себя.

Внезапно я понял, что нужно сделать. Нужно, чтобы это выглядело как групповое самоубийство. Мы переделали праздничную обстановку в нечто такое, что выглядело бы не как «легкомысленная вечеринка по случаю тридцатого дня рождения», а как «очень серьезный последний ужин». Мы избавились от лишних тарелок. Мы вымыли все кастрюли и сковородки и выбросили всю старую еду. Мы расположили тела так, чтобы они лежали в одном направлении. Я прижал кончики их пальцев к пустым пузырькам, а затем поставил их на стол, по одному перед каждым стулом, как будто они приняли яд одновременно.

Мы не разговаривали.

Это было своего рода священнодействие.

Я поцеловал маму в щеку. Она было очень холодной.

Я поцеловал отца в лоб.

А потом я посмотрел на Дэвида. Он лежал рядом с ними, человек, который, как и предсказывал Фин несколько месяцев назад, сломал мою жизнь. Человек, который уничтожил нас, избивал нас, отказывал нам в пище и свободе, отобрал наши паспорта, обрюхатил мою мать и мою сестру, пытался прибрать к рукам наш дом. Я прекратил его жалкое существование и был исполнен триумфа. Но мною также владело чувство омерзения.

Посмотри на себя, так и хотелось мне сказать, посмотри на себя, каким жалким неудачником ты стал.

Мне хотелось раздавить лицо Дэвида ногой, раздавить до кровавой мякоти, однако я сумел подавить в себе это желание и вернулся в их с Берди комнату.

* * *

Мы очистили все коробки. В одной мы нашли дурацкие сумки Берди, которые она сшила, рассчитывая продать их на рынке Кэмден-Маркет, и забила их таким количеством вещей, какое только могли в них запихнуть. Мы нашли почти семь тысяч фунтов наличными и поделили их на четверых. Мы также нашли украшения моей матери и золотые запонки моего отца, платиновые зажимы для воротника и ящик с бутылками виски. Мы вылили виски в раковину и поставили пустые бутылки рядом с бутылкой шампанского у входной двери. Мы положили драгоценности в наши сумки. Затем мы сломали коробки и свалили все в кучу.

Как только в доме не осталось ничего, что могло бы поставить под сомнение идею секты, мы тихо вышли из дома через парадную дверь и направились к реке. Было раннее-раннее утро. Или около трех часов ночи. Мимо проехало несколько машин, но ни одна не замедлила скорости. Скорее всего, водители даже не заметили нас. Мы стояли у реки, в том самом месте, где мы с Финном подрались пару лет назад и где я, в конце концов, оказался под водой, и мне в темноте примерещились видения.

Я был достаточно спокоен, чтобы оценить мои первые минуты свободы за два года. Выбросив в реку пустые бутылки, шелковое белье, флаконы с духами и мешки с вечерними платьями, в которые мы

для тяжести положили камни, мы пару секунд постояли, и я услышал наше дыхание. Красота и покой этих минут заслонили собой ужас происшедшего. Воздух, поднимавшийся с черной поверхности реки, был полон дизельных паров и жизненной силы. Он пах всеми теми вещами, которые мы пропустили с того момента, как Дэвид Томсен переступил порог нашего дома, с того дня, когда он и его семья поселилась наверху.

— Вдохните, — сказал я, обращаясь к девочкам. — Почувствуйте. Осознайте. Мы сделали это. Мы действительно это сделали.

Клеменси молча плакала. Она шмыгнула носом и подушечкой ладони вытерла его кончик. Но я мог сказать, что Люси тоже это чувствовала — мощь того, что мы сделали.

Если бы не ты, Серенити, она была бы слабее. Она бы оплакивала свою маму и шмыгала бы носом, совсем как Клеменси. Но, поскольку у нее была ты, она знала, что на карту поставлено нечто большее, нежели мы сами как любимые дети матери и отца. Ее подбородок был храбро — я бы даже сказал, с вызовом — вздернут. Я гордился ею.

— У нас все будет хорошо, — сказал я ей. — Ты ведь знаешь это, не так ли?

Она кивнула, и мы стояли минуту или две, пока не увидели огни буксирной лодки, шедшей в нашу сторону. Мы все трое тотчас сломя голову бросились назад через дорогу к дому.

И тогда это случилось.

Клеменси побежала.

На ней не было обуви. Только носки. У нее были большие ступни, и туфли моей матери, которые сохранила Берди, были ей малы, а туфли Дэвида — слишком велики.

Я на миг застыл, глядя, как она бежит. Пропустив пару секунд и ударов сердца в нерешительности и бездействии, я громко шепнул Люси:

— Давай быстро в дом... давай быстро в дом.

А сам повернулся на пятках и бросился вдогонку за Клеменси.

Увы, я быстро понял, что рискую привлечь к себе внимание. Даже в этот час улица не была пустынна: наступил вечер четверга, молодежь возвращалась домой, высадившись из ночных автобусов на Кингс-роуд. Как бы я объяснил, почему я, одетый в черную тунику,

преследую юную испуганную девушку, тоже в черной тунике и без обуви?

Я остановился на углу Бофорт-стрит. Мое сердце, которое в течение очень долгого времени не испытывало нагрузки от быстрого бега, стучало под ребрами, как кузнечный молот. Я даже испугался, что меня сейчас вырвет. Я согнулся пополам, надрывно втягивая в себя воздух и так же надрывно выдыхая его, словно на меня накинута удавка. Я повернулся и медленно побрел обратно к дому. Люси ждала меня в коридоре. Ты сидела у нее коленях и сосала ее грудь.

— Где она? — спросила она. — Где Клеменси?

— Убежала, — сказал я, все еще немного задыхаясь. — Она убежала...

Либби смотрит на Клеменси.

— Куда? — спрашивает она. — Куда вы побежали?

— Я побежала в больницу. Я по указателям нашла дорогу в корпус экстренной медицинской помощи. Я видела, как люди тарасились на меня. Хотя в глухую ночь в отделении неотложной помощи никто такие вещи не замечает. Там царит жуткая кутерьма, все заполнено пьяными и сумасшедшими. Все напуганы и озабочены своими проблемами. Я подошла к столу и сказала: «Я думаю, что мой брат умирает. Ему нужна медицинская помощь». Медсестра посмотрела на меня и спросила: «Сколько лет твоему брату?» «Восемнадцать», — ответила я.

«А где твои родители?» — спросила она. Я же как будто проглотила язык. Я не могла это объяснить. Я пыталась произнести какие-то слова, но они буквально застредали у меня в горле. У меня перед глазами стоял мой отец, мертвый, лежащий на полу, словно некий ненормальный святой. И Берди на крыше, спеленатая, как мумия. Я подумала: как я могу просить людей прийти в тот дом? Что они скажут? Что будет с ребенком? Что будет с Генри? И тогда я просто повернулась и зашагала прочь. Я провела ночь, перемещаясь со стула на стул в больнице. Каждый раз, когда кто-то странно смотрел на меня или, казалось, собирался что-то мне сказать, я шла дальше.

На следующее утро я помылась в туалете и пошла напрямиком в обувной магазин. На мне было пальто. Я завязала волосы в хвост. Я была незаметна в той степени, в какой незаметен ребенок, гуляющий в начале апреля без обуви. У меня была сумка с деньгами. Я купила какую-то обувь. Я бродила по городу. Никто не смотрел на меня. Никто меня не замечал. Я проделала путь до вокзала Паддингтон, следуя только указателям улиц. Хотя я прожила в Лондоне шесть лет, я плохо знала город. Но я сумела добраться туда. И я купила билет на поезд до Корнуолла. Что было безумием, ведь у меня не было номера телефона моей матери. У меня не было адреса.

Я даже не знала названия ее города. Но у меня сохранились воспоминания, я помнила вещи, о которых она рассказывала, когда

приезжала к нам в гости сразу после ее переезда в Корнуолл. В последний раз, когда мы видели ее, она упомянула ресторан на пляже, куда она отвезет нас, когда мы приедем к ней в гости, где продавалось голубое мороженое и коктейли-слаши. По ее словам, там было много серферов, она наблюдала за ними из окна квартиры. Она упомянула эксцентричного художника, жившего по соседству, чей сад был полон фаллических скульптур, сделанных из разноцветной мозаики. Она рассказывала про то, как на углу ее улицы можно купить рыбу с жареной картошкой, про то, как она пропустила скорый поезд до Лондона и была вынуждена ехать медленным, который полз как черепаха и делал остановки на всех восемнадцати станциях.

И да, я сама нашла дорогу. В Пенрит, на ее улицу, к ее квартире.

При воспоминании об этом к глазам Клеменси подкатываются слезы, и ее пальцы вновь тянутся к пачке сигарет. Она достает сигарету, зажигает ее и делает затяжку.

— И она подошла к двери и увидела меня.

Ее голос надламывается на каждом слове, она тяжело дышит.

— Увидев меня, она молча, ничего не спрашивая, втянула меня в дом и прижала к себе. Мы стояли так пару минут. От нее пахло перегаром. Я знала, что она не идеальна, знала, почему она не приехала за нами, но я знала, просто знала, что все позади. Что я находилась в безопасности.

Она привела меня в комнату и усадила на диван, в ее квартире все было вверх дном, повсюду были раскиданы вещи. Для меня это было нечто новое. Я привыкла жить в пустоте, с отсутствием всего, чем обычно наполнен дом.

Она убрала вещи с дивана, чтобы я могла сесть, и спросила: «Фин? Где Фин?»

Я как будто проглотила язык. Потому что правда состояла в том, что я убежала, бросив его там, запертым в его комнате. И если бы я объяснила, почему он там заперт, мне пришлось бы объяснить и все остальное. Я смотрела на нее и видела, что она потрепана жизнью, и я тоже была потрепана жизнью, и, наверно, мне следовало рассказать ей все.

Но я не смогла. Поэтому я сказала ей, что взрослые совершили групповое самоубийство. Что Генри, Люси и Фин все еще были с тобой дома. Что приедет полиция. Что все будет хорошо. Знаю, это

звучит смешно. Но вспомни, вспомни, где я была, через что прошла. Мои понятия о честности и верности были искажены. У нас, детей, годами не было никого, кроме друг друга. Мы с Люси были неразлучны, близки, как родные сестры... пока она не забеременела.

— Люси? — удивилась Либби. — Люси забеременела?

— Да, — говорит Клеменси. — Я думала... Ты не знала?

Сердце Либби начинает биться быстрее.

— Знала что?

— Что Люси...

Но Либби уже знает, что она сейчас скажет, и машинально хватается за горло.

— Что Люси... кто?

— Что она твоя мать.

Либби впиалась глазами в снимок рака гортани на пачке сигарет Клеменси, впитывая в себя каждую мерзкую, отвратительную деталь, лишь бы побороть подкатившуюся к горлу волну тошноты. Ее мать — не красивая светская львица с волосами Присциллы Пресли. Ее мать — девочка-подросток.

— А кто тогда мой отец? — спрашивает она, помолчав.

Клеменси виновато смотрит на нее.

— Это был... мой отец.

Либби кивает. Она почти ожидала услышать это.

— Сколько лет было Люси?

Клеменси опускает голову.

— Ей было четырнадцать. Моему отцу — за сорок.

Либби растерянно моргает.

— И это было?.. Он ее?..

— Нет, — говорит Клеменси. — Нет. По крайней мере, по словам Люси. По ее словам, это было...

— По взаимному согласию?

— Да.

— Но она была совсем юной. Я имею в виду, юридически — это изнасилование.

— Да. Но мой отец... он был очень харизматичным. Он удивительным образом умел заставить кого угодно почувствовать себя избранным. Или же наоборот, совершенно никчемным. Разумеется, было лучше находиться в числе избранных. Мне понятно, как и

почему это случилось. Мне понятно, как... Но это не значит, что я это одобряю. Мне это было ненавистно. Он был мне ненавистен. Мне была ненавистна она.

На пару секунд воцаряется молчание. Либби пытается переварить услышанное. Ее матерью была девочка-подросток. Девочка-подросток, теперь женщина средних лет, затерявшаяся где-то в мире. Ее отцом был грязный старик, насильник, животное. Она молча переваривает все это, как вдруг ее телефон звякает. Либби вздрагивает и смотрит на экран. Там мигает уведомление. Ей пришло сообщение на вотсап с неизвестного номера.

— Извините, — говорит она Клеменси и берет телефон. — Вы не против?

К сообщению приложен снимок. Подпись гласит: *Мы ждем тебя здесь! Вернись!*

Либби узнает картинку. Это дом на Чейн-Уолк. И там, на полу, подняв руки к камере, сидит женщина — стройная, темноволосая, очень загорелая. На ней топик, ее жилистые руки сплошь в татуировках. Слева от нее — красивый мальчик, тоже загорелый и темноволосый, и обворожительная маленькая девочка с золотисто-каштановыми локонами, оливковой кожей и зелеными-зелеными глазами. На полу у их ног маленькая коричнево-черно-белая собачка с разинутой от жары пастью.

А на переднем плане фотографии, держа камеру на расстоянии вытянутой руки и улыбаясь в объектив бело-снежными зубами, стоит человек, назвавший себя Финном. Люси поворачивает телефон экраном к Клеменси.

— Это?..

— О боже! — Клеменси приближает кончик пальца к экрану и указывает на женщину. — Это она! Это Люси.

Либби кончиками пальцев увеличивает лицо женщины на экране. Люси — почти копия Мартины, женщины, которую она какое-то время считала своей матерью. У нее смуглая кожа и блестящие черные волосы, выгоревшие на кончиках до ржаво-коричневого цвета. На лбу небольшие морщины. Глаза темно-карие, как у Мартины. Как и у ее сына. У нее усталый, даже измученный вид. Что не мешает ей быть красавицей.

Через пять часов они подходят к дому на Чейн-Уолк. У двери Либби нащупывает в кармане сумочки ключи. Ей ничего не стоит просто войти. В конце концов, теперь это ее дом. Как вдруг, словно гром среди ясного неба, ее осеняет: это не ее дом. Это вообще не ее дом. Дом был предназначен для ребенка Мартины и Генри. Ребенка, который так и не родился.

Она кладет ключи обратно в сумочку и набирает номер, с которого ей пришло сообщение на вотсап.

— Алло?

Отвечает женщина. Ее голос мягкий и мелодичный.

— Это... Люси?

— Да, — говорит женщина. — А кто говорит?

— Это... это Серенити.

Люси кладет трубку и смотрит на Генри.

— Она здесь.

Они вместе идут к входной двери.

Учуяв кого-то за дверью, пес начинает лаять, Генри поднимает его и велит замолчать. Сердце Люси готово выскочить из груди, рука тянется к дверной ручке. Она трогает волосы, приглаживает их. Она заставляет себя улыбнуться.

И вот она здесь. Дочь, которую ей пришлось бросить. Дочь, ради которой она пошла на убийство.

Ее дочь среднего роста, среднего телосложения, в ней нет ничего от той толстощекой малышки, которую она оставила в кроватке из «Хэрродса». У нее мягкие светлые волосы, прямые, без кудряшек. Голубые глаза, но не бледно-голубые, как у малышки, которую ей пришлось бросить. На девушке хлопчатобумажные шорты, блузка с коротким рукавом и розовые холщовые туфли. Она прижимает к животу ярко-зеленую сумочку. В ушах у нее маленькие золотые сережки с хрустальными капельками, по одной в каждой мочке. Она не покрашена.

— Серенити?

Девушка кивает.

— Или Либби. Для моих коллег, — шутит она и смеется.

Люси тоже смеется.

— Либби. Конечно. Ты Либби. Входи. Входи.

Люси сопротивляется желанию обнять ее. Вместо этого она, положив ей на плечо руку, ведет ее в прихожую. Позади Серенити стоит рослый, красивый мужчина с бородкой. Она представляет его как Миллера Роу.

— Он мой хороший знакомый, — говорит она.

Люси ведет их всех в кухню, где ее дети нервно ерзают в ожидании.

— Дети, — говорит она, — это Серенити. Или, вернее, Либби. Либби и есть...

— Тот самый ребенок? — говорит Марко, вытаращив глаза.

— Да, Либби — тот самый ребенок.

— Какой еще ребенок, мама? — спрашивает Стелла.

— Тот, что был у меня, когда я сама была совсем юной. Тот, которого мне пришлось оставить в Лондоне. Тот, о котором я никогда никому не рассказывала. Она твоя старшая сестра.

Марко и Стелла сидят, разинув рты. Либби машет им рукой. Пару секунд все ощущают неловкость. Но потом Марко говорит:

— Я так и знал! Я все время это знал! Как только увидел это на твоём телефоне! Я знал, что это твой ребенок. Я сразу же догадался!

Он вскакивает на ноги и бежит через кухню. На миг Люси становится страшно, что он убегает, что он зол на нее за то, что у нее был тайный ребенок, но нет. Он побегает к Либби и крепко обнимает ее за талию. Люси поверх его головы видно, как Либби делает большие глаза — от удивления, но также и от радости. Она гладит его по голове и улыбается Люси.

Затем, по примеру Марко, Стелла цепляется за ноги Либби. Вот они, думает Люси, вот они. Ее трое детей. Все вместе. Наконец-то! Она стоит, зажав рукой рот, и по ее щекам текут слезы.

Я не совсем бессердечный, Серенити. Помнишь, как я, когда ты родилась, позволил тебе подержать мой палец, как я смотрел на тебя и чувствовал, как что-то расцвело во мне? Я вновь ощутил это, когда мы с тобой встретились здесь пару вечеров назад. Для меня ты оставалась той же малышкой: та же невинность, та же бесхитрость.

Но было в тебе и что-то еще.

У тебя были его голубые глаза, его кремовая кожа, его длинные темные ресницы.

Ты не очень похожа на Люси.

Ты не похожа на Дэвида Томсена.

Ты похожа на своего отца.

Оглядываясь назад, я сам себе удивляюсь: как я не смог разглядеть это, когда это происходило прямо у меня под носом? Когда появились твои светлые локоны, твои пронзительно-голубые глаза, твои пухлые губы. Как Дэвид не заметил этого? Как этого не заметила Берди? Как этого не заметил никто? Наверное, потому, что в это было невозможно поверить. Невозможно себе представить.

То, что моя сестра спала одновременно с Дэвидом и с Финном.

* * *

Я узнал это лишь на следующий день после вечеринки по случаю дня рождения Берди. Мы с Люси еще не решили, что нам делать дальше. Фин метался по комнате, и я был вынужден для его же собственной безопасности привязать его к радиатору. Для его же блага.

Люси была в ужасе.

— Что ты делаешь? — крикнула она.

— Он что-нибудь себе сломает, — объяснил я с видом праведника. — Это временно, пока мы не решим, что с ним делать.

Она была сдержанна. С того момента, как прошлым вечером она вырвала тебя из рук Берди, вы были неразлучны.

— Ему нужно вызвать врача.

— Согласен. Но мы не должны забывать, что мы убили людей и можем отправиться в тюрьму.

— Но это получилось случайно, — возразила Люси. — Никто из нас не хотел никого убивать. Полиция это поймет.

— Нет. Не поймет. У нас нет доказательств, что над нами издевались. Никаких доказательств тому, что здесь происходило. У нас есть только наша версия событий.

И тут меня осенило. Я посмотрел на Люси, посмотрел на тебя и подумал:

«Вот оно, нужное нам доказательство, если мы решим обратиться за помощью. Вот оно доказательство. У всех на виду».

— Люси, — сказал я. — Ребенок. Вот тебе доказательство, что ты подвергалась насилию. Тебе пятнадцать. Когда родился ребенок, тебе было четырнадцать. Они могут сделать анализ ДНК. Доказать, что Дэвид — отец. Ты можешь заявить, что он неоднократно насильовал тебя, когда ты была еще ребенком. Можешь сказать, что Берди поощряла его. А потом они украли твоего ребенка. По большому счету, ведь так оно и было. И тогда я смогу сказать... Я могу сказать, что нашел тела взрослых. Я мог бы даже оставить поддельную записку, в которой говорилось бы, что им стыдно за все то, что они сделали. За то, как они обращались с нами.

Внезапно меня охватило чувство, что у нас есть выход. Мы могли бы выбраться отсюда, и нас бы не посадили в тюрьму, Фин мог бы поправиться, а Люси — оставить себе ребенка, и все были бы добры к нам.

И тогда Люси сказала: «Генри, ты ведь знаешь, Серенити не от Дэвида».

Боже, какой я наивный идиот! Я сразу ее не понял. Помню, как я думал: «И чья же тогда она?»

Как вдруг все стало на свои места. Сначала я расхохотался. А потом едва не блеванул. «Правда? — переспросил я. — Ты? И Фин? В самом деле?»

Люси кивнула.

«Но как? — спросил я. — Когда? Я не понимаю».

Она опустила голову и произнесла: «В его комнате. Всего лишь дважды. Мне просто хотелось его утешить. Я пришла к нему, потому

что переживала из-за него. Потому что он выглядел таким больным. А потом мы сами не заметили, как...»

«Боже ты мой. Ты шлюха!»

Она пыталась меня успокоить, но я оттолкнул ее.

«Отойди от меня! — крикнул я ей. — Ты омерзительна. Ты больна и омерзительна. Ты шлюха. Грязная, грязная шлюха».

Да, я высказал ей все это открытым текстом. Никто в этой жизни не был мне так омерзителен, как Люси в тот день.

Я не мог ее видеть. Я плохо соображал. Каждый раз, когда я пытался что-то придумать, пытался придумать, что делать дальше, я видел перед собой Люси и Фина: он на ней сверху, он целует ее, его руки, те самые руки, которые я держал в тот день на крыше, лапают тело моей сестры. Никогда еще я не испытывал такой ярости, никогда не испытывал такой ненависти и боли.

Мне хотелось кого-то убить. Только на этот раз я хотел сделать это нарочно. Я пошел в комнату Фина. Люси пыталась меня остановить. Я оттолкнул ее.

И я любил Фина, любил, как не любил с тех пор ни одного человека.

Я отвязал от радиатора его запястье и лег рядом с ним.

«Я тебе когда-нибудь нравился? Хотя бы на минуту?» — спросил я.

«Ты мне всегда нравился. Почему ты не должен мне нравиться?» — ответил он.

Я задумался над его вопросом.

«Из-за того, что ты нравишься мне? Даже слишком?»

«Ты меня достал, — сказал он, и в его угасающем голосе мне послышался горький юмор. — Просто ужас как достал».

«Да, — сказал я. — Понимаю. Извини. Прости меня, что я сказал твоему отцу правду, когда он подумал, что ты нарочно толкнул меня в Темзу. Прости, что пытался поцеловать тебя. Прости за то, что я тебя достал».

Дом скрипел и стонал вокруг нас. Ты спала. Люси положила тебя в старую кровать в гардеробной моих родителей. К этому моменту я бодрствовал уже тридцать шесть часов. Тишина, мерное дыхание Фина убаюкали меня, и я провалился в глубокий сон.

Когда два часа спустя я проснулся, Люси и Фина уже не было, а ты по-прежнему спала в своей кроватке.

Либби смотрит на Люси, женщину, окруженную любящими детьми, которых она привезла из Франции в Англию. Она привезла даже собаку. Она явно не из тех женщин, которые бросают тех, кого любят.

— Почему ты бросила меня? — спрашивает Либби.

Люси тотчас же качает головой.

— Нет, — говорит она, — нет. Нет, я не бросала тебя. Я никогда не бросала тебя. Но Фин был болен, а ты была такой цветущей и здоровой. Поэтому я положила тебя в твою кровать, подождала, пока ты уснешь, и вернулась в комнату Фина. Генри спал, и мне наконец удалось убедить Фина встать. Он был таким тяжелым. А я была слишком слабой. Я вывела его из дома, и мы пошли к дому врача моего отца. Доктора Броутона. Я помнила, как в детстве меня водили туда. Это было прямо за углом. У него еще была ярко-красная входная дверь. Я ее хорошо помнила. Было около полуночи. Он открыл дверь в халате. Я сказала ему, кто я такая, а потом, — она грустно усмехается воспоминанию, — я сказала: «У меня есть деньги! Я могу вам заплатить!»

Сначала он рассердился. Но потом посмотрел на Фина, посмотрел пристально и сказал: «О боже, о боже, о боже!» Ворча себе под нос, он быстро поднялся вверх и вскоре вернулся, одетый в рубашку и брюки. Он привел нас в свой кабинет. Там было темно. Он включил свет, два ряда ламп, все одновременно. Я даже закрыла ладонью глаза. Он положил Фина на кушетку, проверил все его жизненно важные органы и спросил меня, что, черт возьми, происходит. «Где твои родители?» — спросил он. Я понятия не имела, что сказать.

«Их нет», — ответила я. И он покосился на меня. Как будто говорил, мол, мы вернемся к этому позже. Затем он кому-то позвонил. Я слышала, как он сыпал медицинскими терминами, объясняя ситуацию. Через полчаса появился молодой человек. Это был медбрат, ассистент доктора Броутона. Вместе они взяли около десятка анализов. Медбрат ушел посреди ночи, чтобы отвезти их в лабораторию. Я не спала двое суток. У меня слипались глаза. Доктор Броутон сделал мне

чашку горячего шоколада. Это был, как бы дико это ни звучало, самый вкусный горячий шоколад в моей жизни. Я села на диван в его кабинете и уснула.

Когда я проснулась, было около пяти утра, и медбрат уже вернулся из лаборатории. Фин был под капельницей. Но его глаза были открыты. Доктор Броутон сказал мне, что у Фина сильное истощение. Он сказал, что если Фин будет получать большое количество жидкости, то со временем он поправится и с ним все будет в порядке. И тогда я кивнула и сказала: «Его отец умер. Я не знаю, где живет его мать. У нас есть ребенок. Я не знаю, что делать».

Когда доктор услышал, что у нас есть ребенок, его лицо вытянулось.

«Господи! Сколько тебе лет?» — спросил он. И я сказала: «Пятнадцать».

Он странно посмотрел на меня и спросил: «Где этот ребенок?»

«Она в доме, — ответила я. — С моим братом».

«А ваши родители? Куда они делись?»

«Они умерли», — сказала я.

Он вздохнул.

«Я не знал, — сказал он. — Извини». А потом добавил: «Послушай. Я не знаю, что там у вас происходит, и не хочу ни во что вмешиваться. Это меня не касается. Но ты привела к моей двери этого юношу, и я обязан о нем позаботиться. Итак, давай на некоторое время оставим его здесь. У меня есть свободная комната».

— И тогда я сказала, что хочу уйти, чтобы вернуться за тобой, но он сказал: «У тебя явная анемия. Прежде чем отпустить тебя, я хотел бы взять кое-какие анализы. И заодно накормить».

Так он накормил меня миской каши и бананом. Он взял немного крови, измерил мое кровяное давление, проверил, как у лошади на рынке, мои зубы, мои уши. Он сказал мне, что я обезвожена и должна провести некоторое время под наблюдением и получать больше жидкости.

Затем Люси смотрит на Либби.

— Прости, честное слово, прости. Но когда он отпустил меня домой, все было кончено. В доме уже побывала полиция, побывали социальные службы, тебя там не оказалось. — Ее глаза наполняются слезами. — Я опоздала.

Это я присматривал за тобой, Серенити. Я остался в доме и давал тебе пюре из бананов, соевое молоко, кашу и рис. Я менял твои подгузники. Я пел тебе колыбельные. Мы с тобой провели вместе много часов. Было ясно, что Люси и Фин не вернутся, и, если остаться дольше, тела на кухне начнут разлагаться. Я подозревал, что кто-то уже мог обратиться в полицию. Я знал: мне пора уходить. Я добавил в предсмертную записку несколько строк. «Нашего ребенка зовут Серенити Лэм. Ей десять месяцев. Пожалуйста, сделайте так, чтобы она попала к хорошим людям». Я вложил ручку, которой написал записку, в руку моей матери, затем вынул и оставил на столе рядом с запиской. Я покормил тебя и надел на тебя чистые ползунки.

Я уже собирался уйти, когда нащупал в кармане своей куртки кроличью лапку Джастина. Я положил ее тебе в кровать на счастье. Не то чтобы я верил в такие вещи, тем более что мне она явно не принесла никакой удачи с тех пор, как я забрал ее из комнаты Джастина. Но я желал для тебя самого лучшего, Серенити. Ты единственная в этом доме была по-настоящему чиста, ты единственная была чем-то хорошим и светлым. Итак, я взял кроличью лапку и спрятал ее в твоей кровати.

Потом я поцеловал тебя и сказал: «Прощай, моя малышка».

Я вышел из дома через заднюю дверь, надев один из старых, но дорогих отцовских костюмов и пару его ботинок. Я завязал галстук-шнурок вокруг воротника одной из его старых рубашек и зачесал челку набок. Моя сумка была набита деньгами и драгоценностями. Я вышел на утреннее солнце и тотчас ощутил на своей тусклой коже его лучи. Я нашел телефонную будку и набрал 999. Изменив голос, я сказал полиции, что тревожусь о своих соседях. Мол, я давно их не видел. Зато из дома доносится детский плач.

Я зашагал по Кингс-Роуд, все магазины были еще закрыты. Я продолжал идти, пока не дошел до вокзала Виктория. Там, в своем дорогом костюме, я сел возле грязного кафе и заказал чашку кофе. Я никогда еще не пил кофе. Мне страшно хотелось его попробовать. Когда же мне его наконец принесли, я попробовал, но его вкус был

омерзителен. Я высыпал в него два пакетика сахара и заставил себя выпить. Затем нашел гостиницу и заплатил за три ночи. Никто не спросил, сколько мне лет. В журнале регистрации постояльцев я указал свое имя как Финеас Томсон. Томсон, через «о». А не Томсен, через «е». Я хотел почувствовать себя Фином. Но не совсем Фином.

Сидя в гостиничном номере, я смотрел телевизор. В конце новостного выпуска прошел небольшой репортаж. Три тела. Групповое самоубийство. Секта. Найден здоровый и ухоженный ребенок. Дети считаются пропавшими без вести. Полиция ведет поиски. Единственные фотографии, которыми располагали полицейские, были школьные фото нашего последнего года в начальной школе. Мне тогда было всего десять, и я был коротко стрижен. Люси было восемь, и она носила стрижку под пажа. Мы были неузнаваемы. Никаких упоминания о Фине или Клеменси не присутствовало.

Я с облегчением вздохнул.

И что потом? Что произошло между шестнадцатилетним мальчишкой, лежащим в трусах на нейлоновом покрывале в дешевом гостиничном номере, смотревшим по телевизору новости, и мною нынешним? Ты хочешь знать?

Тебе это интересно?

Первым делом я устроился на работу. Работал в мастерской по ремонту электрооборудования в Пимлико. Мастерская принадлежала сумасшедшей семейке из Бангладеш, которым было наплевать, кто я такой, лишь бы я вовремя приходил на работу.

Я снял однокомнатную квартирку. Я купил компьютер и книжки по программированию и учился дома, один, по вечерам.

К тому времени уже был нормальный интернет и мобильные телефоны. Я ушел из мастерской по ремонту электрооборудования и устроился на работу в телефонный сервис на Оксфорд-стрит.

Я переехал в двухкомнатную квартиру в Мэрилебоне еще до того, как этот район стал дорогим. Я перекрасился в блондина. Я ходил в качалку. Я нарастил мышцы. Я ходил в ночные клубы и занимался сексом с незнакомцами. Я снова влюбился, но он ударил меня. Я снова влюбился, но он меня бросил. Я отбелил зубы. Я завел тропических рыбок. Они умерли. Я получил работу в новой интернет-компании.

Сначала нас было пятеро. Через три года нас стало уже пятьдесят, и я зарабатывал шестизначные суммы, и у меня был свой офис.

Я купил квартиру с тремя спальнями в Мэрилебоне. Я влюбился. Он сказал мне, что я урод, что никто никогда меня не полюбит, а потом бросил меня. Я переделал себе нос. Нарастил ресницы. Вставил в губы филлеры.

Потом, в 2008 году, я пошел к адвокату, чье имя было указано на бланке оригинального завещания моих родителей. Я так долго пытался задвинуть дом на Чейн-Уолк и произошедшее там в глубины своего сознания, пытался наладить новую жизнь под новым (пусть даже слегка заимствованным) именем. Я не хотел иметь ничего общего с жалким маленьким Генри Лэмом или его историей. Он был для меня мертв. Но чем старше я становился, тем все больше и больше думал о тебе. Я хотел знать, где ты и с кем ты и счастлива ли ты.

Из новостей я знал, что тебя посчитали ребенком Мартины и Генри Лэмов. Мою «предсмертную записку» приняли за чистую монету. Не было проведено никаких тестов ДНК, чтобы опровергнуть это предположение. Помня условия завещания моих родителей, я подумал, что однажды ты еще вернешься в мою жизнь. Но я понятия не имел, существует ли и по сей день этот трастовый фонд. А если он существовал, не изменил ли Дэвид его условия, пока он полностью контролировал мою мать. Мне было уже за тридцать. Я стал высоким блондином, мускулистым и загорелым. Я представился как Финеас Томсон.

«Я ищу информацию о семье, которую я когда-то знал, — сказал я. — Если не ошибаюсь, вы были их адвокатами. Семья Лэм с Чейн-Уолк».

Молодая женщина перебрала несколько бумаг, нажала несколько кнопок на клавиатуре и сказала мне, что да, они управляют имуществом семьи, но большего она сообщить мне не может.

Там был один милый юноша. Я поймал его взгляд, когда сидел в приемной. Я подождал снаружи до обеденного перерыва, а потом догнал его, когда он выходил из офиса. Его звали Джош. Еще бы! В наши дни всех зовут Джош.

Я привел его к себе домой, кормил его, трахал, и, как и следовало ожидать, поскольку я лишь использовал его, он по уши влюбился в меня. Мне потребовалось меньше месяца притворства, пока я делал

вид, что тоже его люблю, чтобы он нашел документы, скопировал их и принес мне.

И там, черным по белому, точно так же, как указали мои родители, когда я был младенцем, а Люси еще даже не родилась, дом номер шестнадцать по Чейн-Уолк и все его имущество должно храниться в доверительном управлении для потомков Мартины и Генри Лэм до тех пор, пока старшему не исполнится двадцать пять лет. В конце концов Дэвиду не удалось наложить на него свою грязную лапу, и, похоже, Люси так и не появилась, чтобы заявить о своих правах на наследство. Оно все еще было ничьим, ожидая, когда тебе исполнится двадцать пять. Кто-то более циничный, чем ты, наверняка подумал бы, что я пришел, чтобы найти тебя, лишь с той целью, чтобы самому заполучить мое наследство. В конце концов, у меня не было никаких доказательств того, что я Генри Лэм, поэтому я никак не мог потребовать дом для себя, а с тобой в моей жизни у меня появился бы шанс получить то, что по праву принадлежало мне. Но нет, дело не в деньгах. Денег у меня много. А в том, что я хотел поставить в этой истории точку. А также в тебе, Серенити, в той связи, что соединяла меня с тобой.

Итак, в июне этого года я снял квартиру на другом берегу реки. Я купил бинокль и следил за домом с террасы.

Однажды утром я вскарабкался по задней стене дома на Чейн-Уолк и провел целый день на крыше, разбирая мумифицированный скелет Берди. Разбирая ее крошечные косточки. Я сложил их в черный пластиковый пакет, который темной ночью бросил в Темзу. Он был на удивление маленьким. Я провел ночь на своем старом матрасе и вернулся в арендованную квартиру на следующее утро. А потом, четыре дня спустя, сюда пришла ты. Ты и адвокат. Вы оторвали доски. Открыли дверь. Закрыли ее за собой.

Я с облегчением вздохнул.

Наконец-то!

Ты вернулась.

Либби смотрит на Люси.

— Что случилось с Фином? После того, как ты оставила его у доктора Броутона? В смысле, ему стало лучше?

— Да, — говорит Люси. — Он поправился.

— Он все еще жив?

— Насколько я знаю, да.

Либби закрывает рот руками.

— О боже! — говорит она. — И где он?

— Не знаю. Я не видела его с восемнадцати лет. Несколько лет мы с ним вместе жили во Франции, а потом потеряли связь.

— А как вы оба оказались во Франции? — спрашивает Либби.

— Благодаря доктору Броутону. Вернее, скажем так: у него был какой-то знакомый, который отвез нас туда. Доктор Броутон, казалось, знал всех. Он был — как бы это выразиться? — человек со связями. У него всегда имелся номер, по которому он мог позвонить, ответная услуга, которую он мог потребовать, некий нужный человек, который знал другого нужного человека. Он был частным врачом некоторых очень известных преступников. Думаю, его не раз будили посреди ночи, чтобы он у себя дома зашил огнестрельные ранения.

И как только он увидел нас в новостях, он просто хотел, чтобы мы исчезли. Через неделю после того, как я постучала в дверь доктора Броутона, он сказал, что мы поправились и можем уйти. Человек по имени Стюарт засунул нас в кузов фургона «Форд Транзит» и отвез по Евротоннелю до самого Бордо. Затем привез нас на ферму к женщине по имени Джозетт. Это еще одна знакомая доктора Броутона. Она разрешила нам остаться, и мы провели у нее несколько месяцев в обмен на помощь по ферме. Она не спрашивала, кто мы такие и почему мы там оказались.

— Мы с Фином, мы не... То, что произошло между нами раньше, было лишь следствием ситуации, в которой мы оказались. Когда же мы обрели свободу, мы вновь стали друзьями. Почти как брат и сестра. Но мы все время говорили о тебе, гадая, как ты поживаешь, кто заботится

о тебе, говорили, какая ты хорошенькая, какая замечательная, какой красавицей ты вырастешь, и как здорово, что мы тебя сделали.

— А вы когда-нибудь говорили о том, чтобы вернуться за мной? — задумчиво спрашивает Либби.

— Да, — отвечает Люси. — Да. Говорили. Или, по крайней мере, я. Фин был более осмотрителен, его больше волновало его будущее, нежели его прошлое. Мы не говорили о других вещах. Мы не говорили о наших родителях, о том, что случилось. Я пыталась, но Фин отмалчивался. Он как будто полностью стер это из памяти. Забыл и поставил крест. Как будто ничего не произошло. И он поправился за тот первый год. Стал загорелый и подтянутый. Мы оба. У Джозетт была старая скрипка, которой она не пользовалась, и она разрешила мне играть на ней. Я всю зиму играла для нее, а затем летом, когда у нее на ферме была куча студентов и туристов, я играла и для них. Она разрешила мне брать скрипку в местный городок, и я играла там по вечерам в пятницу и субботу, и начала зарабатывать деньги. Я копила их в надежде, что на эти деньги мы с Финном вернемся в Лондон, чтобы найти тебя.

Как вдруг однажды утром, примерно через два года, я проснулась и увидела, что Фина нет. Он оставил мне записку, в которой говорилось: «Уехал в Ниццу». — Люси вздыхает. — Я до конца лета оставалась в Бордо, работала и копила деньги на автобус до Ниццы. Я провела несколько недель, ночуя на пляже и пытаюсь найти Фина днем. В конце концов я сдалась. У меня была скрипка Джозетт. Я играла каждый вечер. Я заработала денег на комнату в хостеле. Мне исполнилось девятнадцать, двадцать, двадцать один. А потом я встретила мужчину. Состоятельного мужчину. Он околдовал меня, и я потеряла голову. Он женился на мне. У меня родился ребенок. Я оставила состоятельного мужчину и встретила другого, очень бедного. У меня родился еще один ребенок. Бедный мужчина оставил меня, а потом... — Она умолкает, и Либби пытается понять выражение ее лица. Есть в нем что-то непостижимое, почти невысказанное. Но оно, промелькнув, исчезает, и Люси продолжает:

— А потом наступил твой день рождения, и я вернулась.

— Но почему ты не вернулась раньше? — спрашивает Либби. — Когда тебе самой исполнилось двадцать пять? Разве ты не знала о завещании?

— Да, я знала о нем, — отвечает Люси. — Но у меня не было доказательств того, что я Люси Лэм. У меня не было свидетельства о рождении. Мой паспорт был поддельным. Я состояла в кошмарном браке с отцом Марко. Все было так... — Люси вздыхает. — А потом я подумала: если Генри не придет заявлять свои права на дом, и я тоже не приду, то он автоматически перейдет к тебе, потому что все наверняка подумали, что ты была ребенком моих родителей. И я решила, что так и поступлю. Я подожду, пока тебе исполнится двадцать пять лет, и тогда я вернусь за тобой. Когда несколько лет назад я купила свой первый смартфон, я первым делом поместила в календарь напоминание, чтобы не забыть. И с тех пор каждую минуту ждала этого момента. Ждала, когда я наконец вернусь к тебе.

— А Фин? — спрашивает Либби. — Что стало с Финном?

Люси вздыхает.

— Могу лишь предположить, что он куда-то уехал, туда, где его не найдут. Могу лишь предположить, что именно этого он и хотел.

Либби вздыхает. Понятно. Наконец-то картинка сложилась.

Не хватает лишь одного фрагмента.

Ее отца.

Часть четвертая

Большой палец Либби завис над телефоном. Она зашла в банковское приложение, где начиная с девяти часов утра каждые пятнадцать минут обновляет баланс.

Это день завершения сделки по дому на Чейн-Уолк.

Она наконец продала его месяц назад. Сначала в течение нескольких месяцев не было ни одного просмотра, затем, когда она снизила цену, от желающих не было отбоя, а потом имели место две неудачные попытки обмена, пока, наконец, на горизонте не нарисовался покупатель из Южной Африки, готовый заплатить наличными. Сделка была оформлена, все бумаги подписаны и скреплены печатями в течение двух недель.

Семь миллионов четыреста пятьдесят тысяч фунтов.

Покупатель по-прежнему должен ей 318 фунтов стерлингов. Последние крохи ее последнего чека.

Либби вздыхает и возвращается к экрану компьютера. Ее последний кухонный проект. Симпатичная кухня, компактная, крашенная, в стиле шейкер, с медными ручками и мраморной столешницей. Первый дом молодоженов. Будет смотреться красиво. Хотелось бы увидеть ее реальное воплощение. Увы, ей это не светит. Не сейчас. Потому что сегодня ее последний день на работе.

Это также ее двадцать шестой день рождения. Ее *настоящий* двадцать шестой день рождения. Не 19-го, а 14 июня. Получилось, что она на пять дней старше, чем думала. Ничего страшного. Пять дней — небольшая цена за семь миллионов фунтов стерлингов, мать, дядю и сводных брата с сестрой. Теперь, когда ей больше не нужно взбираться по некой шаткой лестнице в своей голове к некоему произвольному дню рождения, кого волнует, если она окажется там на пять дней раньше срока?

Она нажимает кнопку «обновить».

Триста девять фунтов. Платеж через PayPal, который она сделала неделю назад, списан. Прекрасный день. Она смотрит на Дайдо.

— Может, сходим куда-нибудь пообедать? Я угощаю.

Дайдо смотрит на нее поверх очков для чтения и улыбается.

— С удовольствием!

— В зависимости от того, поступит платеж к тому времени или нет, это будут либо бутерброды с колбой, либо лобстер и шампанское.

— Лобстер дорого и невкусно, — говорит Дайдо, прежде чем опустить очки и вновь впиться взглядом в экран компьютера.

В 11 часов утра телефон Либби вибрирует снова. Пришла эсэмэска от Люси.

— *Увидимся позже!* — пишет она. — *Забронировали столик на 8 вечера!*

Люси сейчас живет с Генри в его шикарной квартире в Мэрилебоне. Но, похоже, вообще-то они не ладят. Генри, прожив в одиночестве двадцать пять лет, не может разделить свое пространство с детьми, а его кошки ненавидят собаку. Люси уже подыскивает себе квартиру. В Сент-Олбансе. Сама Либби положила глаз на симпатичный георгианский домик на участке в пол-акра на окраине города.

Она нажимает кнопку «обновить».

Триста девять фунтов.

Она проверяет электронную почту — вдруг туда поступило уведомление, что что-то пошло не так. Но там ничего нет.

После того как налог на наследство будет уплачен, деньги пойдут тремя путями. Вообще-то, она хотела отказаться от наследства. Это не ее дом. Она не их сестра. Но Генри и Люси не желали ее слушать.

— Мне не нужна даже треть. С меня хватит нескольких тысяч.

Но Люси и Генри стояли на своем.

— Ты их внучка, — сказала Люси. — У тебя такие же права, как и у нас.

В час дня они с Дайдо уходят на обеденный перерыв.

— Боюсь, это все еще бутерброды.

— Прекрасно, — говорит Дайдо. — Пусть будут бутерброды.

Они идут в кафе в парке и садятся за столик на солнышке.

— Я не могу поверить, что ты увольняешься, — говорит Дайдо. — Без тебя будет... как бы это выразиться? — слишком тихо. Впрочем, ты никогда не создавала много шума, но без тебя будет... без тебя будет пусто. Не будет твоих красивых волос. И твоих аккуратных стопок бумаг.

— Моих аккуратных стопок бумаг?

— Да, твоих... — Она руками изображает в воздухе стопку документов. — Ну ты знаешь. Листочек к листку, уголок к уголку. — Дайдо улыбается. — Я буду скучать по тебе. Вот и все.

Либби смотрит на нее.

— А ты никогда не думала об увольнении? После того, как унаследовала коттедж? И все остальное? Я имею в виду, тебе ведь не нужно работать, не так ли?

Дайдо пожимает плечами.

— Наверное, нет. И бывают моменты, когда мне хочется забить на все это и провести весь день в конюшнях с Блесткой. Но, если задуматься, у меня больше ничего нет. А ты... теперь у тебя есть все. Все, что не могут дать тебе кухни.

Либби улыбается. В словах Дайдо есть доля истины.

Дело не только в деньгах. Можно сказать, совершенно не в них.

Дело в людях, которым она теперь принадлежит, в семье, частью которой она стала. Дело в человеке, которого она открыла в себе под всеми аккуратными стопками и тщательным планированием. Она никогда по-настоящему не была этим человеком. Она сделала себя такой, чтобы уравновесить несобранность своей матери. Вписаться в школьный коллектив. Вписаться в круг друзей, чьи взгляды и ценности она никогда не разделяла, по крайней мере, в душе. Ей нужно нечто большее, нежели эти поверхностные знакомства и глупые, банальные требования сайта Tinder. Она — продукт лучших людей, нежели родители из ее фантазий, графический дизайнер и модная владелица пиар-агентства со спортивной машиной и крошечными собачонками. Как же бедны, как унылы были ее фантазии!

Она машинально нажимает кнопку «обновить». И смотрит на экран. Там высвечивается какое-то дурацкое число. Совершенно бессмысленное. В нем слишком много нулей, слишком много всего. Она поворачивает телефон к Дайдо.

— О боже! — Дайдо закрывает лицо руками и ахает. Затем оборачивается к кафе. — Официант! — кричит она. — Две бутылки вашего лучшего «Дом Периньон». И тринадцать лобстеров. И поживее.

Официанта, конечно, нет, зато люди за соседним столом бросают на них косые взгляды.

— Моя подруга, — объясняет Дайдо, — только что выиграла в лотерею.

— Понятно, — говорит какая-то женщина. — Повезло!

— Знаешь, — говорит Дайдо, поворачиваясь к Либби. — Тебе действительно нет смысла возвращаться на работу. Это твой день рождения. И тебе только что перевели кучу деньжищ. Если хочешь, можешь идти домой.

Либби улыбается, скручивает бумажную салфетку и бросает ее на пластиковый поднос.

— Нет, — говорит она. — Ни за что. Я не лодырь. К тому же я почти уверена, что некоторые документы лежат немного криво.

— Тогда, — улыбается ей Дайдо, — еще три с половиной часа нормальности. Доведем это дело до конца, согласна?

Квартира в распоряжении Люси еще целый час. Она использует его для того, чтобы принять ванну, накрасить ногти, высушить волосы феном и аккуратно уложить их на плечи, увлажнить кожу и нанести макияж. Она до сих пор не воспринимает эти вещи как должное. Прошел год с тех пор, как Генри нашел ее в доме на Чейн-Уолк, как он привел к ней Серенити, как они все наконец воссоединились. В течение года Люси жила с Генри в его шикарной квартире в Мэрилебоне, спала на двуспальной кровати под мягкими хлопковыми простынями и не делала ничего, кроме как выгуливала собаку и готовила вкусные блюда. Они с Клеменси встречаются раз в месяц, пьют шампанское, говорят о детях, музыке, о странностях Генри — о чем угодно, только не о том, что случилось с ними обеими в молодости. Они никогда не будут так же близки, как тогда, но они по-прежнему лучшие подруги.

Марко сейчас тринадцать лет. Он учится в модной частной школе в Риджентс-парке, за которую платит Генри и где, похоже, «все курят вейпы и принимают психостимуляторы». Он полностью утратил свой французский акцент и, как он сам говорит, «теперь я лондонец».

Стелле шесть лет, и она ходит в первый класс хорошей начальной школы в Мэрилебоне, где у нее есть две лучшие подружки. Обеих зовут Фрейя.

Вчера Люси ездила на метро в Челси, посмотреть на дом. Дощатые щиты сняты, объявление «Продается» заменено на «Продано». Вскоре дом наполнится визгом дрелей и стуком молотков; его разберут и соберут заново, чтобы удовлетворить вкусы и потребности другой семьи. Вскоре другие люди будут называть его своим домом и никогда не узнают, даже на миг не заподозрят правду о том, что происходило в этих стенах много лет назад, как четверо детей были заключены в тюрьму, как их жизни были сломаны, как затем они были выброшены в мир — больные, истощенные, с травмированной психикой.

Люси больно вспоминать ту несчастную юную девушку, какой она когда-то была. Ее нынешнее «я» отказывается принимать ту, кто в

поисках внимания и ласки спала и с отцом, и с сыном. Иногда она смотрит на Стеллу, свою крошечную идеальную дочурку, и пытается представить, как та в тринадцать лет отдается мужчине, чтобы почувствовать себя любимой. При этой мысли Люси морщится от боли.

Звякает телефон. Она вздрагивает, и ей, как обычно, становится немного страшно. Наверно, так будет всегда. Убийство Майкла не было раскрыто. Полиция остановилась на версии о том, что он был убит по причине долгов перед партнерами из преступного мира. Вскоре после того, как убийство попало в заголовки, она увидела в одной французской газете упоминание о себе:

Считается, что у Риммера, который был дважды женат, есть ребенок от первой жены, англичанки, известной только по имени «Люси». По словам экономки Риммера, он и его бывшая жена недавно несколько раз встречались, но ее не рассматривают в качестве подозреваемой в этом деле.

Увы, она никогда по-настоящему не успокоится, пока существует вероятность того, что какой-нибудь молодой, но ранний детектив, чтобы проявить себя, не вычислит и не выследит ее. Похоже, спокойствия ей не видать до конца своих дней.

Но нет, это не эсэмэска от новичка-детектива, это эсэмэска от Либби: скриншот страницы из ее банковской выписки, и слово *Есть!*

Наконец-то, думает Люси и, вздрогнув, облегченно вздыхает. Конец этого этапа ее жизни. Начало нового. Теперь, после всех этих лет, она может купить собственный дом. Дом для себя, детей и собаки. Свой дом, который никто не сможет у нее отобрать. И тогда, думает она, тогда она сможет точно понять, что ей делать со своей жизнью. Она хотела бы и дальше учиться играть на скрипке. Хотела бы стать профессиональным музыкантом. И, самое главное, теперь на ее пути нет преград.

Первая половина ее жизни была мрачна и исковеркана, одна борьба за другой. Вторая ее половина будет золотой.

Она отвечает на сообщение Либби.

— *Всем шампанского! Увидимся позже, дорогая. Жду не дождусь, чтобы отпраздновать с тобой. Все.*

— *Я тоже не могу дождаться, когда увижу тебя. Люблю тебя,* — отвечает Либби.

— *Я тоже тебя люблю,* — заканчивает Люси и, добавив длинный ряд смайликов, выключает телефон.

Ее дочь великолепна: нежная, заботливая душа, смесь Стеллы и Марко во многих отношениях, но также и дочь своего отца в том, как она идет своим собственным путем, как устанавливает свои собственные правила, в том, как всегда остается самой собой. А еще она буквально на глазах взрослеет и меняется, оставляя за спиной свои старые комплексы и страхи, которые сдерживали ее, так что теперь жизнь скорее указывает ей путь, а не навязывает его. Она стоит всех плохих моментов, какие только были между тем мгновением, когда Люси оставила ее в кроватке, и тем, когда снова ее нашла. Она ангел.

Люси снова берет трубку и прокручивает контакты. Добравшись до «Дж», она пишет сообщение:

Дорогой Джузеппе. Это твоя Люси. Я страшно по тебе скучаю. Я просто хочу, чтобы ты знал: я счастлива и здорова, дети и Фитц тоже. Я не вернусь во Францию. У меня теперь замечательная новая жизнь, и я хочу пустить корни. Но я всегда буду думать о тебе и всегда буду благодарна тебе за то, что ты был рядом со мной, когда моя жизнь пошла наперекосяк. Без тебя не знаю, где бы я сейчас оказалась.

Любящая тебя,

Люси.

Вечером семья ждет Либби в ресторане в Мэрилебоне. Все четверо — Люси, Марко, Стелла и Генри. Марко приветствует ее неуклюжим театральным объятием, его голова упирается ей в ключицу.

— С днем рождения, Либби, — говорит он.

Затем ее нежно обнимает Стелла.

— С днем рождения, Либби. Я люблю тебя, — говорит она.

Эти двое, ее брат и сестра, ее самые дорогие подарки.

Они замечательные дети. По мнению Либби, это целиком и полностью заслуга женщины, которая их воспитала. Они с Люси очень сблизилась, причем, очень быстро. Из-за небольшой разницы в возрасте Либби часто воспринимает Люси как новую подругу, а не женщину, которая ее родила.

Люси встает, обнимает Либби за шею и громко чмокает около уха.

— С днем рождения, — говорит она. — С днем рождения! Боже, в это время двадцать шесть лет назад я думала, что разорвусь пополам.

— Это да, — соглашается Генри. — Она мычала совсем как корова. Часами. Мы были вынуждены затыкать уши.

Затем он осторожно обнимает ее.

Либби все еще не может разобраться в своем отношении к Генри. Иногда, стоит ей вспомнить слова Клеменси о том, что, по ее мнению, у Генри якобы есть склонность к злодейству, у нее по спине пробегает дрожь. Она думает о том, что он сделал, о том, как убил четырех человек, о мумифицированном теле молодой женщины, о расчленении кошки. Но убийство не входило в его намерения. Либби по-прежнему считает, что, если бы в ту ночь четверо детей обратились в местную полицию, если бы они объяснили, что произошло, рассказали, как дурно с ними обращались, как морили голодом и держали взаперти, что это был ужасный несчастный случай, им бы наверняка поверили и их бы оправдали. Но, увы, все было не так. Они все стали беглецами, в первую очередь от самих себя, и жизнь каждого из них пошла по своей невообразимой траектории.

Генри странный, но он и сам не скрывает того, что он странный. Он по-прежнему утверждает, что той ночью он не умышленно запер их в запасной спальне снятой квартиры, что он не брал их телефонов и не удалял записи Миллера.

— Если я это сделал, значит, я был даже пьянее, чем думал, — заявил он.

И Либби так и не нашла на своем телефоне устройство отслеживания или прослушки. С другой стороны, она так и не сменила на нем пароль.

Генри также отрицает, что прошел косметические процедуры, чтобы выглядеть как Фин.

— Зачем мне выглядеть, как Фин? — сказал он. — Я выгляжу намного лучше, чем он когда-то.

Ему не хватает терпения с детьми, и его явно раздражает внезапное вторжение людей в его замкнутый мирок, отчего он часто бывает сварлив, но иногда с ним не соскучишься. Он имеет смутное представление об истине и, похоже, существует на краю реальности. Но имеет ли Либби право ставить это ему в укор? После всего, через что он прошел? Возможно, она сама тоже бы жила на краю реальности, будь ее детство столь же травматичным, как и его.

Она открывает его открытку и читает:

«Милая Либби Джонс, я страшно горд тем, что могу назвать тебя моей племянницей. Я любил тебя раньше и буду любить всегда. С днем рождения, красавица».

Он чуть смущенно смотрит на нее, и на этот раз она не принимает его осторожное объятие. На этот раз она крепко обнимает его за шею и сжимает его, пока он не сжимает ее в ответ.

— Я тоже тебя люблю, — шепчет она ему на ухо. — Спасибо, что нашел меня.

И тут появляется Миллер.

Дайдо была права.

В этом действительно что-то было.

Хотя фамилия Роу ужасно сочетается с фамилией Джонс, хотя его мать не поддерживает с ним отношений, хотя у него пивное брюшко и слишком много растительности на лице, хотя у него нет домашних

животных, зато есть бывшая жена, в нем есть нечто такое, что не сводится к сумме всего этого. И что такое татуировка? Подумаешь, всего лишь рисунок на коже! Это не идеология. Это каракули.

Ради Либби Миллер отказался от своей истории. После того вечера прошлым летом, когда она воссоединилась со своей семьей, он взял свой блокнот и вырвал все страницы.

— Но, — сказала она, — это ведь твой заработок, твоя карьера. Ты мог бы заработать кучу денег.

Он поцелуем заставил ее тогда замолчать.

— Я не отниму у тебя твою семью, — сказал он. — Ты заслуживаешь ее куда больше, чем я заслуживаю мой гонорар.

Либби садится на свободное место рядом с ним и целует.

— С днем рождения, Лэм, — говорит он ей на ухо. Таким прозвищем он ее называет. Раньше у нее никогда не было прозвища.

Он вручает ей толстый конверт.

— Что это? — спрашивает она.

Он улыбается.

— Открой и узнаешь, — говорит он.

Это брошюра, глянцевая и толстая, пятизвездочного сафари-домика в Ботсване под названием «Чобе Гейм Лодж».

— Это?..

Миллер снова улыбается.

— Судя по всему, да. По словам самого разговорчивого человека, с которым я имел беседу на ресепшен, их главный гид — мужчина лет сорока по имени Фин. Но теперь он пишет его с двумя «нн». Финн. Финн Томсен.

— И это? Это он?

— Я на девяносто девять процентов уверен, что да, это он. Но есть только один способ узнать наверняка.

Он вытаскивает из кармана пиджака лист бумаги и передает его Либби. Это электронное подтверждение бронирования номера-люкс на двоих в «Чобе Гейм Лодж».

— Если ты не захочешь поехать со мной, я могу взять свою маму, — говорит Миллер. — Она всегда мечтала поехать на сафари.

Либби качает головой.

— Нет, — говорит она. — Нет. Я хочу. Конечно, я хочу поехать.

Она пролистывает распечатку с бронированием, затем — брошюру. Ее внимание мгновенно приковывает к себе один снимок: джип, набитый туристами, глазающими на львиный прайд. Она всматривается в фото. На переднем сиденье, улыбаясь в камеру, сидит гид. У него густые, выгоревшие на солнце, светлые волосы. Его лицо открыто; его улыбка сияет, как солнце.

Так может улыбаться лишь самый счастливый человек в мире.

Он похож на нее.

— Как ты думаешь, это он? — спрашивает она у Миллера.

— Не знаю, — отвечает он и, бросив взгляд через стол на Генри и Люси, поворачивает брошюру к ним. Они оба, нахмутив брови, рассматривают фотографию. Внезапно Люси ахает и подносит кулак ко рту, а Генри откидывается на спинку стула. Люси кивает.

— Да, — говорит она, дрожащим голосом. — Это он. Это Фин. Он жив. Посмотрите на него! Он жив.

Он жив. Фин жив. Мое сердце трепещет, голова идет кругом. Он красив, как черт. Вы только посмотрите на него, на его загар, на его форму сафари-гида, на его ухмылку от уха до уха. Вот он сидит в джипе где-то в Африке, и ему нет дела до остального мира. Держу пари, он никогда не думает обо мне, держу пари, он никогда не думает ни о ком из нас. Особенно о тебе, Серенити. Особенно о тебе. Он не интересовался тобой, когда ты жила в нашем доме. Ты вряд ли будешь интересна ему сейчас.

Люси явно лгала, говоря, что они все время говорили о тебе, пока вы жили во Франции. Фину дети до лампочки. Он не «семейный парень». Он сам себе хозяин. Он одиночка. *Единственный* раз, когда мне удалось вывести его из себя, это когда мы с ним в первый раз попробовали кислоту. Тогда мы держались за руки, и я почувствовал, как он переходит в меня, как я становлюсь Фином. Конечно, он не стал мной — кто бы захотел стать мной? Но я им стал. Я, бывало, при первой возможности писал это по всему дому. Это мои молчаливые крики в углах, уголках и закоулках. «Я — ФИН».

Но как я мог быть Фином, когда Фин своим существованием *постоянно* напоминал мне о том, что я не Фин? Мотал ли он головой, отбрасывая от глаз челку, пожимал ли плечами, обводил задумчивым взглядом пустую комнату, или медленно переворачивал страницу культового романа.

Это началось как приворотное зелье. Оно было призвано заставить его полюбить меня. Но оно не сработало. А лишь подорвало его силы. Сделало слабее. Отняло красоту. И чем слабее становился он, тем сильнее становился я. Но я продолжал давать ему настойку. Не для того, чтобы его убить, это никогда не входило в мои намерения, а просто приглушить его свет, чтобы я сам мог сиять чуть ярче. И в тот вечер, вечер тридцатилетия Берди, когда Люси сказала мне, что Фин был отцом ее ребенка, я вошел в его комнату, чтобы его убить.

Но когда он приказал мне развязать его, я сказал:

— Только если ты дашь мне поцеловать тебя.

И я поцеловал его. Его рука была привязана к батарее отопления, он едва мог пошевелиться, и я поцеловал его в губы, в лицо. Он не сопротивлялся. Он позволил мне это сделать. Я долго целовал его, почти минуту. Я касался пальцем его губ, я трогал его волосы, я делал все, о чем мечтал, с первой же минуты, когда он вошел в наш дом, когда мне было одиннадцать лет, когда я не знал, что мне захочется кого-нибудь поцеловать.

Я ждал, что он оттолкнет меня. Но он не оттолкнул. Он был послушным.

Потом, когда я нацеловался, я отвязал его от радиатора и лег с ним рядом. Я обнял его теплое тело.

Я закрыл глаза.

Я уснул.

А когда проснулся, Фина не было.

Я все эти годы искал его.

Но теперь он нашелся.

Я знал, что этот большой медведь, парень Либби, найдет его.

И он нашел.

Я смотрю на Миллера. Я смотрю на тебя.

Я натягиваю свою самую веселую улыбку дяди Генри и говорю:

— У вас найдется место для третьего?

От автора

Спасибо трио моих невероятных редакторов: моему британскому редактору Селине Уокер, которая работала выходные и долгие ночи, чтобы склеить, отшлифовать и переделать мою рукопись в нечто читаемое. Спасибо Линдси Санньетт в США за ее полезные предложения и дополнения. И, наконец, спасибо Риченде Тодд, которая вышла далеко за рамки роли редактора и заставила меня разобраться со многими проблемными вопросами, которые я пыталась игнорировать, потому что не могла решить, как их исправить. Вы трое стали для меня мастер-классом, показав, что может сделать хороший редактор. Спасибо также моему удивительному агенту Джонни Геллеру за то, что не позволил мне отправить эту книгу в мир, пока она не стала такой, какой ей положено быть. Чем дольше и упорнее шлифуешь свое детище, тем больше ты и твой труд интересны издателям. Я страшно рада, что мне повезло с вами.

Спасибо Наджме Финлей, моему замечательному британскому агенту, которая отправляется в декретный отпуск и не вернется, пока у нас не появится следующая книга. Наслаждайся каждой минутой общения с твоим прекрасным малышом!

Спасибо Деборе Шнайдер, моему невероятному агенту в США... ну вы знаете, за что! Вот это был год!

Спасибо Коко Азуатей за технический жаргон, нужный мне, чтобы объяснить, что бывает, когда кто-то тестирует недавно отремонтированную скрипку. Спасибо всем пользователям «Фейсбука», которые ввели меня в тонкости оформления и передачи наследства. Любые ошибки, что касается того и другого, — исключительно мои собственные.

Спасибо моим издательским командам в Великобритании, США и по всему миру, которые проявили такую заботу о моей работе — и обо мне! Особая благодарность причитается Ариель и Хейли в США, Пиа и Кристофферу в Швеции, Оде в Норвегии и Элизабет и Тине в Дании.

Спасибо всем моим аудиоиздателям и студиям звукозаписи, которые создают произведения столь поразительно высокого качества,

спасибо всем актерам и дикторам, которые так красиво читают мои слова.

Спасибо библиотекарям, книжным магазинам, организаторам фестиваля и всем, кто помогал моим книгам попасть в руки читателей.

Спасибо моей семье (включая мой зверинец) — вы не даете мне утратить связь с внешним миром.

И, наконец, спасибо вам, две двойные водки с тоником — благодаря вам я поздно вечером в пятницу написала-таки три последних главы этой книги. Без вас мне никогда бы не найти последние несколько строк, которые — я это точно знала! — были спрятаны где-то там. Ура!

notes

Примечания

1

Дения — город и муниципалитет в Испании, входит в провинцию Аликанте в составе автономного сообщества Валенсии (*прим. перев.*).

2

Dick (*англ.*) — пенис.